МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

С. В. КОНДРАТЬЕВ

«ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ, ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ?..»

(Королевская власть и свобода подданных в парламентских дебатах и судебных тяжбах предреволюционной Англии)

Монография

Тюмень
Издательство
Тюменского государственного университета
2018

УДК 94(4)"15/19"
ББК Т3(4Вел)5
К642

Автор:

С. В. Кондратьев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

Рецензенты:

В. Ю. Апрыщенко — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета

А. Г. Глебов — доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета

Кондратьев, С. В.

К642 «Все могут короли, все могут короли?..» (Королевская власть и свобода подданных в парламентских дебатах и судебных тяжбах предреволюционной Англии) : монография / С. В. Кондратьев ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2018. — 196 с.

ISBN 978-5-400-01409-3

В монографии реконструируются представления англичан эпохи первых Стюартов на королевскую власть и свободу подданных. Для рассмотрения двух базовых установок предреволюционного сознания автор применяет метод case-studies, позволяющий выделить не только типичное, но и специфическое, особенное, нехарактерное. Каждый воспроизведенный в исследовании казус – это одновременно текст или поданный голос влиятельного и авторитетного персонажа предреволюционного времени, который получил резонансный общественный отклик. Возникающее в результате посыла-ответа властно-подданническое напряжение дает возможность обозначить примерные и подвижные консонансные и диссонансные границы.

Книга адресована тем, кто интересуется историей Англии, историей политической и правовой мысли и правового сознания.

УДК 94(4)"15/19"
ББК Т3(4Вел)5

ISBN 978-5-400-01409-3

© Тюменский государственный университет, 2018
© Кондратьев С. В., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. Голос Якова I 13

ГЛАВА II. Голос Джона Коуэлла 57

ГЛАВА III. Голос Роберта Сибторпа 75

ГЛАВА IV. Голос Роджера Мэнверинга 93

ГЛАВА V. Дело «пяти рыцарей» и «Петиция о праве» 151

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 192

ВВЕДЕНИЕ

После того, как приблизительно полтора–два десятка лет тому назад отпала необходимость заниматься типологическими построениями, подтверждать «открытые» некогда «закономерности» истории и объяснять наличие специфических «отклонений», вопрос о том, был ли абсолютизм в Англии, без принуждения «покинул» работы отечественных англоведов. Но термин остался! Для тех, кто не может обойтись без инструментального понятия «абсолютизм», при освещении событий позднетюдоровской и раннестюартовской эпохи, абсолютизм в Англии, очевидно, существовал, для тех, кому и без него дается историописание, — видимо, нет. В тех немногочисленных английских и американских работах, в которых встречается термин «абсолютизм», либо подчеркивается, что его в Англии не было[1], либо отмечается наличие кратковременных

[1] Henshall N. The Myth of Absolutism. Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. London, 1992; См.: Русский перевод: Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб., 2003.

В относительно недавно изданной работе Пола Томаса отмечается общеизвестный факт усиления королевской власти в период правления династии Тюдоров и используется термин «абсолютизм». Корона укрепилась, отмечает он, за счет концентрации ресурсов, конфискованных у церкви, и административных и финансовых

периодов, когда королям из династии Стюартов под воздействием различных обстоятельств приходилось без особого успеха править, как абсолютным монархам[2].

Однако, если к государственному устройству тюдоровской и раннестюартовской Англии очень непросто приложить слово «абсолютизм», то оно вполне применимо к общественной мысли. Уже почти тридцать лет назад Джеймс Дейли обратил внимание на то, что однокоренное современному существительному «абсолютизм» (“absolutism”) прилагательное «абсолютный» (“absolute”) достаточно часто вписывалось в правовые, политические и религиозные произведения и звучало в судебных и парламентских

преобразований. Но он же обращает внимание на слабый контроль центральной власти за регионами, что подтверждается серьезными испытаниями для нее в ходе «Благодатного паломничества» 1536–1537 гг., восстания на западе 1549 г., восстания 1554 г. в Кенте и восстания северных лордов 1569 г., когда династию спасала верность жителей Лондона и нерешительность и разобщенность мятежников. По его мнению, централизация власти не могла не вызывать ответной реакции со стороны авторитетных родов в регионах. Пол Томас пишет, что реализовать претензии на абсолютизм невозможно без постоянной армии, которая в свою очередь, требует наличия прямого обложения подданных. «В Англии претензии королевского абсолютизма никогда не поднимались до создания постоянной армии, требующей собирать налоги, чтобы поддерживать абсолютизм». Этот механизм был реализован во Франции и Испании. В Англии в этом направлении двигался Генрих VIII и в меньшей степени Елизавета Тюдор. «Однако, — заключает автор, — благодаря парламентской борьбе следующего века, английское государство пошло иным путем, чем тот, по которому шли Франция и Испания, путем конституционализма». См.: Thomas P. Authority and disorder in Tudor times, 1485–1603. Cambridge, 1999. P. 3, 5–6, 8–9.

[2] Miller J. Bourbon and Stuart. Kings and Kingship in France and England in the Seventeenth Century. London, 1986. P. 101, 228. В своей компаративистской работе Джон Миллер подчеркивает многочисленные отличия «абсолютистской» Франции от «ограниченного» правления английских королей, а также специфичность политических обстоятельств, побуждавших английских монархов выходить за пределы правовой традиции: при Карле I — в период угрозы испанского и французского вторжений; в заключительный 4-летний период правления Карла II, когда политические партии и религиозные диссентеры претендовали на то, чтобы определить фигуру престолонаследника. При этом Дж. Миллер настаивает на том, что Карл I не собирался создавать в Англии «абсолютную монархию», а Карл II становится «абсолютным королем».

речах, а также на то, что оно не встречало неприятия со стороны аудитории[3]. Им же замечено, что понимание “absolute” в пред-

[3] Приведем некоторые примеры. В трактате Томаса Смита, изданном впервые в 1583 г., читаем: «Из старых и древних историй, которые я прочел, я уяснил, что наша нация не знала в королевстве никакой другой власти — ни аристократической, ни демократической, — кроме власти королевской, которая первоначально принадлежала многочисленным и различным королям, каждый из которых абсолютно правил в своей стране, не находясь у другого в подданстве, пока в противоборстве друг с другом, постоянного включения владений побежденного во владения победителя, королевство Англия не превратилось в единую Монархию» (By olde and auncient histories that I have red, I do nor understand that our nation hath used any other generall authorities in this realme neither Aristocraticall, not Democraticall, but onely the royall and kingly majestie which at the first was divided into many and sundrie kings, each absolutely reigning in his countrie, not under subjection of other, till by fighting thone with thother , the overcommed alwayes falling to the augmentation of the vanquisher and overcommed, at the last the realme of England grew into one Monarchie). См.: Smith T. De Republica Anglorum. Cambridge, 1906. P. 19. У Томаса Уилсона сказано так: «Известно, что наше королевство есть абсолютная имперская монархия, полученная ни от Папы, ни от Императора, ни от кого-то еще, но от одного Господа» (It be knowne that this Kingdome is an absolute Imperial Monarchy held neither of Pope, Emperor, not any but [of] God alone). См.: Wilson T. The State of England, Anno Dom, 1600 // Camden Miscellany. Vol. XVI. London, 1936. P. 1. У Эдварда Кока сказано следующее: «Наше королевство есть наследственная монархия, реализуемая через право рождения, среди всех других форм она самая абсолютная и совершенная» (Our kingdom is a monarchy successive by inherent birthright of all others the most absolute and perfect form of government). См.: Coke Ed. The Reports of Sir Edward Coke, knight. London, 1826. Vol. II, Part. IV. P. V. Но поскольку под «абсолютной монархией» понимали еще и независимость от всякой внешней власти, то приведем еще одну цитату, принадлежащую самому известному оппоненту короны в предреволюционной Англии, которая касается непосредственно власти монарха. В парламенте 1621 г. Эд. Кок говорил: «Я не собираюсь вторгаться в королевскую прерогативу, которая двойственна: первая, абсолютная, которой принадлежит право начинать войну, чеканить монету и т. д.; вторая, которая касается вопросов «моего и твоего», и она может обсуждаться в палатах парламента» (I will not meddle with the King’s prerogative, which is twofold: 1, absolute, as to make war, coin money, etc.; 2, or in things that concern meum et tuum, and this may be disputed of in courts of parliament). См.: Coke Ed. The Selected Writings and Speeches of Sir Edward Coke / Ed. by S. Sheppard. Indianapolis, 2003. Vol. 3. P. 1201. У личного врага Эд. Кока Френсиса Бэкона можно отыскать аналогичное высказывание: «Королю принадлежит двоякая власть: 1. Абсолютная власть, благодаря которой он может набирать войска против какой-либо нации. 2. Его ограниченная власть, которая заявлена и выражена в законах, которые он может использовать (A twofold power in the king: 1. His absolute power, whereby he may levy forces against any nation. 2. His limited power, which is declared and expressed in the laws, what he may do). См.: Bacon Fr. Works / Ed. by J. Spedding. London, 1872. Vol. VII. P. 778.

революционной Англии сильно отличалось от современного. Оно не противоречило идее ограниченности власти. Англичане начала XVII в. полагали, отмечал Дж. Дейли, что их короли ограничены в одних сферах, но неограничены, абсолютны, в других. При первых Стюартах термин “absolute” понимался в смысле «совершенный» (“complete”), «определенный» (“certain”) и «безупречный» (“faultless”). Только в годы Революции и последующие за ней понятие “absolute” приобрело негативный смысл и стало аналогом слову «произвольный» (“arbitrary”)[4].

Но если в начале XVII в. власть государей не была в действительности абсолютной/произвольной, то не помышляли ли они и отдельные их подданные о том, чтобы она таковой стала? Это как раз тот вопрос, о котором, что называется, спорят историки[5].

---

[4] Daly J. The Idea of Absolute Monarchy in Seventeenth-Century England // Historical Journal. 1978. Vol. 21. P. 227–250. В дальнейшем мы будем пользоваться прилагательным «абсолютный» применительно к предреволюционной Англии, следуя за трактовкой Дж. Дейли. В Англии, о чем мне уже приходилось писать, власть короля, например, юристы общего права признавали абсолютной в рамках определенных прерогатив, которые они всегда тщательно перечисляли. См.: Кондратьев С. В. Королевская власть в трактовке юристов общего права предреволюционной Англии // Европа: международный альманах. Вып. 2. Тюмень, 2002. С. 98–125.

[5] См., на мой взгляд, наиболее показательные работы: Levack B. P. Law and Ideology: The Civil Law and Theories of Absolutism in Elizabethan and Jacobean England // The Historical Renaissance. New Essays on Tudor and Stuart Literature and Culture / Ed. by H. Dubrow and R. Strier. Chicago, 1988. P. 220–241; Peck L. L. Kingship, Counsel and Law in early Stuart Britain // The Varieties of British Political thought, 1500–1800 / Ed. by J. G. A. Pocock. Cambridge, 1922. P. 80–115; Christianson P. Royal and Parliamentary Voices in the Ancient Constitution C. 1604–1621 // Mental World of the Jacobean Court / Ed. by L. L. Peck. Cambridge, 1991. P. 71–95; Idem. Discourse on History, Law, and Governance in Political Career of John Selden, 1610–1635. Toronto, 1996; Burgess G. The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to the Political thought, 1603–1642. London, 1992; Idem. Absolute Monarchy and the Stuart Constitution. New Haven, 1996; Knafla L. A. Britain’s Solomon: King James and the Law // Royal Subjects: essays on the writings of James VI and I / Ed. by D. Fischlin. Detroit. 2002. P. 236–264; Fortier M. Equity and Ideas: Coke, Ellesmere, and James VI and I // Royal Subjects: essays on the writings of James VI and I / Ed. by D. Fischlin. Detroit. 2002. P. 265–289; Sommerville J. P. Absolutism and Royalism // The Cambridge History

Есть еще один вопрос, которому посвящена данная книга. Это вопрос о свободе подданных.

---

of Political Thought, 1450–1700. Cambridge, 1991. P. 347–373; Idem. Sommerville J. P. Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603–1640. London, 1999; Idem. King James VI and I and John Selden: Two Voices on History and the Constitution // Royal Subjects: essays on the writings of James VI and I / Ed. by D. Fischlin. Detroit. 2002. P. 290–232. Отметим также, что термин «абсолютист» применительно к целому ряду авторов предреволюционной Англии активно используется современными исследователями вигского направления. Дж. Соммервилл дает следующее определение: «Абсолютисты — это мыслители, которые считали, что государь ответственен перед одним Богом за свои действия в королевстве; что его повеления, которым подданные обязаны повиноваться, не входят в конфликт с божественным, позитивным или естественным правом, и что ему (и действию, вызванному его повелением) подданные никогда не будут активно сопротивляться... Действительно, существуют трудности с дефиницией абсолютизма. Есть резон в доводе, что не существовало единой абсолютистской теории. В XVII в., скорее, существовало несколько традиций мысли, которые освобождали правителей от ответственности перед их подданными. В основе одной такой традиции лежала идея божественного права королей, которая предполагала, что все правители (неважно короли это были, или нет) получили свою власть непосредственно от Бога. Конечно, многие абсолютисты принимали эту теорию. Другие полагали, что власть правителя является необратимым даром, полученным от народа... Хотя абсолютисты расходились в важных вопросах, они все, действительно, видели в государе верховного создателя и интерпретатора человеческих законов (по крайне мере в светских делах), и они полагали, что государь не может быть смещен ни церковью, ни подданными». Sommerville J. P. Absolutism and Royalism // The Cambridge History of Political Thought, 1450–1700. Cambridge, 1991. P. 348–349. Сравните с дефиницией Питера Лейка: «Термин «абсолютист» относится к тем, кто полагал, что объемы политической власти, которыми обладает правитель, являются либо прямым божественным пожалованием, либо необратимым даром народа. Имея моральный долг подчиняться законам страны, такие правители теоретически не связаны человеческим законодательством и, конечно, в случае необходимости свободно могут пренебрегать любым из легальных прав своих поданных. Такое воззрение на власть, таким образом, делало нелегитимной любую и всякую попытку ограничить или поставить на место правителя». Lake P. Anglicans and Puritans? Presbyterians and English Conformists thought from Whitgift to Hooker. London, 1987. P. 7. Ревизионисты, настаивающие на политическом и идеологическом консенсусе в предреволюционной Англии, тем не менее считают, что термин «абсолютист» может быть применим к «исключительным», «нетипичным» авторам, как например, Филмер или Гоббс. Burgess G. Absolute Monarchy and the Stuart Constitution. P. 211, 216–221.

В официальных документах, судебных и парламентских речах предреволюционной Англии нередко можно встретить термины, которые и сегодня заставляют учащенно биться сердца записных либералов, — «свободы», «право», «права» (“freedom”, “freedoms”, “liberty”, “liberties”, “law”, “right”, “rights”). Но, в отличие от термина «право» (law), юридические трактаты почти не содержат определения «свободы» (liberty). При подчеркнутом интересе современников к своим правам, правоведы — увы! — почти не оставили развернутых характеристик «свободы» в юридических произведениях. Только у У. Ноя и Эд. Кока нам удалось отыскать какие-то дефиниции.

Трактат У. Ноя «Об основаниях и максимах с анализом законов Англии» содержит небольшую главку с показательным названием «Вольности» (Liberties), в которой можно прочесть: «Вольность (liberty) — это королевская привилегия, находящаяся в руках подданного. И поскольку все вольности исходят от короны, то, следовательно, и аннулируются они — как вымороченные (escheat), конфискованные (forfeiture) или подобные тому — после их возвращения короне. Ибо вышестоящий изымает у нижестоящего». Эти «вольности», или привилегии, корона должна предоставлять специальными документами (by special words). К таким привилегиям относится право обладать вымороченным парком, брошенным домом, потерянной вещью, беспризорным ребенком, имуществом потерпевшего крушение корабля. Но оно не может быть распространено на движимость преступников, дезертиров и людей, стоящих вне закона. Изымается привилегия тогда, когда ею пользуются не по назначению (например, торгуют не тем товаром, на который получена лицензия) либо тогда, когда не пользуются вовсе[6]. Очевидно, что истолкование юриста сугубо средневековое. Ибо под «свободами» он подразумевает вольности, права и привилегии, которые подданные получают от короля. Он подчеркнуто

[6] Noy W. A treatise of the ptincipal grounds and maxims, with an analysis of the Laws of England. Lincoln's Inn, 1821. P. 141.

персонифицирован: король дает привилегию не всем, а кому-либо (one). Ему чужда (во всяком случае в этом трактате) при постановке этой проблемы отвлеченность и абстрактность Нового времени.

Однако, если судить по Эд. Коку, идея абстрактных прав постепенно внедрялась в сознании англичан. Хотя она еще предстает у него в окружении средневековых партикулярных вольностей и привилегий, но акцент с фиксации свобод в королевских хартиях и патентах уже смещен на самое английское право. Частная привилегия, считает Эд. Кок, должна отступить перед свободой подданных. Вот как он определяет слово "libertates" в комментариях к Великой Хартии Вольностей. По его мнению, это слово имеет три значения. Во-первых, оно указывает на тождественность "libertates" английским законам (it signifieth the laws of the realme, in which respect this chapter is called, charta libertatum). Во-вторых, латинское "libertates" переводится английским «свободы» ("freedoms") — «свободы, которые имеют подданные Англии». Эти свободы незыблемы. Они стоят выше привилегий отдельных лиц и сообществ. Например, если сообщество портных предпишет своим членам под угрозой штрафа сдать половину готового платья бесплатно, для того чтобы одеть в него работающих на сообщество рабочих, то «это предписание будет противоречить праву, поскольку оно противоречит свободе подданного, ибо каждый подданный имеет право (freedome) отдавать свою одежду тому, кому он пожелает». По мнению Эд. Кока, любые ограничения торговли, включая выданные короной монопольные патенты, противоречат свободе подданного и праву страны. В-третьих, "liberties" означают пожалования и привилегии, которые подданный имеет из королевского дара». Сюда включено все то, что перечислил У. Ной[7].

Иначе говоря, мы застаем идею свободы на том этапе формирования и становления, когда она, оперевшись на право, начала отделяться от средневековых представлений о даруемых королем подданным и поэтому зависимых от его воли вольностях и при-

[7] Coke E. Institutes of the Laws of England. London, 1797. Pt. 2. P. 47.

вилегиях. Отметим также, что в предреволюционной Англии проблема «вольностей и прав» подданных наиболее отчетливо звучит как антиномия, или дихотомия, королевской власти. Например, в «Апологии палаты общин» можно прочесть следующее: «Прерогативы королей легко могут расширяться и на самом деле расширяются с каждым днем; привилегии же подданных по большей части находятся в одном и том же неизменном положении. Эти привилегии при большой предусмотрительности и заботе могут быть сохранены, но если они когда-либо утрачиваются, то восстанавливаются лишь с большими трудностями»[8]. Корона нередко пыталась распорядиться частью имущества подданных как своим собственным. Поэтому существование проблемы соотношения и противоречия власти и свободы отчетливо осознавалось современниками. Это была та историческая дихотомия, которая, как заметил бы Эрих Фромм, уничтожается в результате деятельности самих людей[9]. Не наша задача судить о том, сколько исторического времени требуется для этого. Как известно, англичанам не хватило семнадцатого века для ее разрешения.

Среди всех составляющих либеральной мысли две нам представляются наиболее важными — это идея о незыблемости собственности и идея о личной свободе, о том, что собственность и свобода защищены законом и могут быть отчуждены только посредством установленных процедур. Вокруг этих двух идей велись наиболее интенсивные дискуссии в судах и парламенте. Как ни странно, но именно в конкретных парламентских прениях вокруг казусов и судебных тяжбах идея свободы предстает в наиболее абстрактном виде. Причем в условиях начала XVII в., когда королевская власть постепенно ставила под свой полный контроль деятельность судов общего права, в дискуссиях отчетливо звучала мысль о недопустимости изменения законов, форм

---

[8] Constitutional Documents of the Reign of James I / Ed. by J. P. Tanner. Cambridge, 1930. P. 222.

[9] Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 49.

собственности, установления налоговых и других обложений без согласия подданных, выраженного в парламенте.

При изучении темы я избрал метод case-studies, который представляется пригодным для рассмотрения базовых установок предреволюционного сознания, обозначения поля власти и пространства вольностей и свобод и, который позволяет выделить не только типичное, но и специфическое, особенное, нехарактерное. Каждый воспроизведенный в монографии казус (а всего их пять) — это одновременно текст, или подданный голос влиятельного и авторитетного персонажа предреволюционного времени, который получил резонансный общественный отклик. Возникшее в результате посыла-ответа властно-подданеческое напряжение позволяет обозначить примерные и подвижные консонансные границы, которые в результате чрезмерного давления вызывали диссонансы и последующее восстановление консенсуса.

Глава I
ГОЛОС ЯКОВА I

Современных англо-американских исследователей особенно часто привлекает фигура короля Якова I (Британского Соломона), выдвинутые им в печати положения и его реальные политические практики. Если раньше Якова I считали абсолютистом, стремящимся править произвольно, чуть ли ни тиранически[10], то сегодня представители авторитетного «ревизионистского» направления все чаще ставят эту оценку под сомнение. Высказанное Дженни Уормалд[11] в начале 1980-х гг. предположение о том, что поведение Якова в Шотландии и Англии качественно отличалось одно от другого, нашло как противников, так и сторонников.

Джон Миллер и Джон Кенион одними из первых предложили отделить политическую теорию Якова от его политической практики[12]. Причем Дж. Кенион подчеркивал, что реальные полити-

---

[10] McIlwain C. H. The High Court of Parliament and Its Supremacy. New Haven, 1910. P. 348; Idem. The Political Works of James I. Cambridge, Mass. 1918. P. XXXVI–XLIII; Gooch G. P. The History of English Democratic Ideas in the Seventeenth Century, 1898.

[11] Wormald J. James VI and I: Two Kings or One? // History. Vol. 68. P. 187–209.

[12] Kanyon J. P. The Stuart Constitution. Cambridge, 1996.

ческие шаги короля никогда не выходили за пределы неписанной английской конституции[13].

По мнению Гленна Берджесса, напротив, не следует проводить какие-то различия между Яковом VI и I. При переезде в Англию никакого дисконтинуитета в воззрениях монарха не произошло. Он никогда не считал свою власть неограниченной, и поэтому «не заслуживает наименование абсолютиста»[14]. «Абсолютистом» же Г. Берджесс считает «мыслителя», который утверждал, «что король может давать законы подданным, не прибегая к согласованию, что на практике [...] означало требование, что прокламации должны стоять выше статута или общего права. Такой абсолютный монарх не может считаться тираном до тех пор, пока он (или не так уж редко она) уважает моральные правила функционирования абсолютной власти, содержащиеся в естественном или божественном праве. Тиран, мы можем напомнить самим себе, отличается от подлинного короля скорее моральными, чем конституционными характеристиками [...]. Из этого следует, что король виделся человеком, наделенным властью создавать законы, обязательные для всех индивидуумов и групп в королевстве, но который сам не связан позитивным правом»[15]. Г. Берджесс пишет, что Яков, напротив, выражал готовность следовать и поддерживать законы.

Изучая правовые взгляды первого Стюарта на английском престоле, Лоис Кнафла приходит к выводу, что тот долгое время неправильно интерпретировался историками. В своих воззрениях и в реальной политике Яков всегда оставался в рамках, очерченных английским общим правом[16].

Канадский историк Пол Кристиансон полагает, что Яков может считаться носителем абсолютистской идеи только в своих

---

[13] Kanyon J. P. Op. cit. P. 8.

[14] Burgess G. Absolute Monarchy and the Stuart Constitution. P. 40–43.

[15] Ibid. P. 98. Речь о притязаниях власти вносить изменения в право, издавая прокламации. О прокламациях см.: Кондратьев С. В. Дискуссия о правовом статусе королевских прокламаций в Англии в начале XVII в. // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. 1987. Вып. 2 (№ 9). С. 89–92.

[16] Knafla L. A. Op. cit. P. 236–264.

ранних работах «Базиликон дорон» (1599) и «Истинный закон свободной монархии» (1598), написанных им, видимо, одновременно еще в бытность шотландским королем Яковом VI. В них государь изложил свои воззрения на божественную природу королевской власти, которой, не восставая против самого Господа, нельзя сопротивляться, даже если повеления короля являются произвольными, а короли ведут себя подобно тиранам. П. Кристиансон подчеркивает отличие предреволюционной Шотландии от Англии, где Якову приходилось преодолевать сопротивление, иногда вооруженное, и критику со стороны пресвитерианской церкви. Кроме того, пишет историк, сама по себе идея божественного происхождения власти высказывалась еще Тюдорами и не могла вызывать у англичан аллергию. Получив английский престол, Яков I, пишет он, сумел адаптироваться и уже не мыслил себя «абсолютистом» вплоть до 1621 г. Водораздел, по мнению П. Кристиансона, приходится на 1610 г., когда в своей знаменитой речи от 21 марта Яков I признает право менять и издавать законы только за королем в парламенте. Кроме того, Стюарт, обращаясь к депутатам, с большим почтением отзывается об английском общем праве, «которое устанавливает корону на его челе и только в соответствии с которым он может быть королем в Англии». Эти и другие высказывания Якова дают основания П. Кристиансону вести речь о двух Яковах: Якове VI Шотландском — абсолютисте, и Якове I Английском — чуть ли не о конституционалисте, который до 1621 г. не высказывал претензий править, не считаясь с традиционными положениями и процедурами[17].

Г. Берджессу и П. Кристиансону возражает Джоанн Соммервилл. Дж. Соммервилл пишет, что Г. Берджесс идентифицирует «абсолютистов» только по утверждению о единоличном праве

[17] Christianson P. Royal and Parliamentary Voices in the Ancient Constitution C. 1604–1621. P. 71–95. Отметим, что точку зрения П. Кристиансона можно встретить в общей литературе по предреволюционной и революционной Британии. См., например: Woolrych A. Britain in Revolution, 1625–1660. Oxford, 2004. P. 21.

короля быть законодателем. При этом, если предполагалось, что монарх нравственно обязан считаться с естественными и божественными установлениями, то даже моральных обязательств следовать собственным законам и законам страны на него не накладывалось. Получается, подмечает Дж. Соммервилл, что тот «правитель, который не менял законы, не мог быть абсолютистом, хотя при нем вводились налоги без согласия подданных, взимались произвольные поборы и производились аресты без объявления причин»[18].

Еще более обстоятельной критике Дж. Соммервилл подверг точку зрения П. Кристиансона. Прежде всего, он замечает, что вышедшие еще в Шотландии «Базиликон дорон» и «Истинный закон свободной монархии» затем переиздавались в Англии, но король не вносил в них существенных изменений, что противоречит тезису о двух Яковах[19]. Заявленная Яковом I в 1610 г. позиция, что «добрый король должен править в согласии с правом», по мнению Дж. Соммервилла, не свидетельствует о приверженности монарха конституционализму. Кроме того, она встречается у многих континентальных абсолютистов, которые писали, что король может позволить себе подчиниться закону, хотя никто не может принудить его поступать так. Быть конституционалистом, продолжает историк, значит признавать идею, «что права и обязанности выборных лиц и частных граждан, определенные конституцией, стоят выше и независимы от воли короля... Конституционные монархи правят в границах, определенных конституцией. Если они пытаются обходить ограничения, люди просто не повинуются

---

[18] Sommerville J. P. Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603–1640. London, 1999. P. 228–230.

[19] В частности, оба трактата вышли в собрании работ Якова I по-английски в 1617 г., и затем по-латыни в 1619 г. Дж. Соммервилл замечает, что только в длинном предисловии к английскому и латинскому изданиям «Базиликон дорон» Яков I сделал пояснения: в первом случае для английской, а во втором для европейской аудитории. См.: Sommerville J. P. King Kames VI and I and John Selden: Two Voices on History and the Constitution // Royal Subjects: essays on the writings of James VI and I / Ed. by D. Fischlin. Detroit. 2002. P. 297.

им... Пока граждане действуют согласно конституции, правителю чрезвычайно трудно стать тираном»[20].

Дж. Соммервилл подчеркивает, что, если бы Яков I действительно превратился в 1610 г. в конституционалиста и монарха, считающегося с общим правом, то он не запрещал бы коммонерам в 1610 г. обсуждать его прерогативу, не навязывал бы стране импозиции[21], не увольнял бы в 1616 г. Эд. Кока, отстаивающего приоритет права по отношению к прерогативе, с должности главного судьи королевства.

Подытоживая, Дж. Соммервилл отмечает, во-первых, что нет никаких значимых доказательств тому, что Яков I читал какие-то трактаты об общем праве, тогда как работы Жана Бодена, Адама Блэквуда и других «абсолютистов» были в его библиотеке и постоянно использовались монархом. Во-вторых, если Эд. Кок и другие английские юристы апеллировали к «бессмертной» правовой традиции, чтобы обозначить границы прерогативы, то король обращался к истории, чтобы опрокинуть представления о незыблемости права. В-третьих, абсолютисты, призывая соблюдать старинные законы, не возбраняли монархам в случае необходимости менять их. И Яков поступал также: он предостерегал своего сына Карла против «расширения своей королевской прерогативы» и одновременно позволял делать это в случае необходимости. В-четвертых, после 1610 г. Яков I не отказался от речевых конструкций «божественного права», «разума» и «природы» в пользу дискурса общего права. Свой вывод Дж. Соммервилл формулирует в словах, не оставляющих никаких сомнений в его трактовке: «Был только один Яков, который никогда не переме-

---

[20] Ibid. P. 299, 302. Отметим, что такое определение, столь близкое сегодняшнему человеку, едва ли можно встретить в английских произведениях предреволюционной Англии. Не говоря уж о том, что Англия того времени знала подданных, но не граждан. Дж. Соммервилл в пылу полемики и, следуя за П. Кристиансоном, слишком явно пренебрегает подзабытым и немодным сегодня, но по-прежнему необходимым историзмом.

[21] Сомнительные с точки зрения права и парламента пошлины.

щался от абсолютизма к конституционализму и который никогда не изучал язык общего права»[22].

Изложенная дискуссия представляется интересной, но малопродуктивной, ибо оппонентам не удается убедить друг друга. В конечном счете все сводится к использованию уже упоминаемых раннее различных инструментальных понятий, благодаря которым Яков становится то приверженцем права, то эволюционистом, то абсолютистом. Не проясняют проблему и попытки вписать то или иное фиксированное во времени высказывание монарха и других идеологов в соответствующий хронологический политический контекст[23].

Представляется важным рассмотреть некоторые высказывания, включая те, что были направлены на расширительное толкование королевской прерогативы. Риторика и фигуры речи способны пролить дополнительный свет на существующие практики, если смотреть ни них через призму возможностей реализации. Кроме того, всегда можно извлечь дополнительные смыслы в точках пересечения политических интенций и самой жизни. Поставленную задачу мы попытаемся решить на трех примерах: уже упомянутой речи короля Якова I от 21 марта 1610 г., которую соотнесем с его реальными политическими практиками, на некоторых пассажах, вошедших в книгу Джона Коуэлла «Интерпретатор», изданную в 1607 г. и их резкой критике в парламенте 1610 г., а также на проповеди «Апостольское повиновение. Рассуждение об обязанности подданных платить подати и налоги», озвученной настоятелем городка Брэкли (графство Нортгемптоншир) Робертом Сибторпом в феврале 1627 г., и на проповеди «Религия и преданность»,

---

[22] Sommerville J. P. King Kames VI and I and John Selden: Two Voices on History and the Constitution. P. 296–306.

[23] Когда-то именно в этом упрекал Дж. Соммервилла Дж. Миллер. См.: Miller J. Op. cit. P. 256, 1n. В последующей исследовательской деятельности Дж. Соммервилл показал, что этот упрек был беспочвенным. См., например, описание контекста в Sommerville J. P. King Kames VI and I and John Selden: Two Voices on History and the Constitution. P. 293.

произнесенной в июле 1628 г. королевским капелланом Роджером Мэнверингом перед Карлом I, и на тех последствиях, которые они возымели.

Коротко охарактеризуем событийный контекст речи английского монарха. 9 февраля 1610 г. в Вестминстере открылась 4-я сессия первого парламента Якова I. Причины созыва сессии обозначил в своих выступлениях лорд-казначей Роберт Сесил сначала перед лордами 14 февраля, а спустя день — перед общим собранием обеих палат. Причин, оказалось две: 1) пустота королевской казны, 2) наделение наследного принца Генри титулом принца Уэльса и графа Честера[24]. Первая причина, очевидно, была основной. Действительно, предшественница Стюарта королева Елизавета Тюдор оставила ему долг в 400 тыс. фунтов. К 1606 г., благодаря мерам лорда-казначея Томаса Саквилла, графа Дорсета, долг был сокращен до 250 тыс. Однако, упорядочить финансы не удалось. Казна сильно потратилась на переезд королевской семьи из Шотландии (10 тыс. фунтов), на похороны Елизаветы (20 тыс. фунтов), на организацию празднеств во время въезда короля в столицу (10 тыс. фунтов), на размещение, содержание и развлечение иностранных послов и делегаций, прибывших по случаю смены династии (еще 40 тыс. фунтов). Значительные суммы Яков I раздал придворным. Следуя примеру предшественницы, Яков I попросил парламент покрыть его «нужды». Но Елизавета обращалась к парламенту в период ведения войны с Испанией. Стюарт же еще в 1604 г. подписал мир. Поэтому просьба короля, обращенная к парламенту в 1606 г., хотя и была удовлетворена, но уже тогда в стенах палаты общин говорилось, что невозможно заполнить королевские сундуки, поскольку они бездонны, и что «субсидия есть публичный вклад, который не может быть

[24] Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E. R. Foster. Vol. I. House of Lords. New Haven, 1966. P. 3–8; Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E. R. Foster. Vol. II. House of Commons. New Haven, 1966. P. 9–27. На самом деле креация принца Генри новыми титулами произойдет несколько позже. Патент об этом датирован 4 июня 1610 г. См.: Travers J. James I. The Masque of Monarchy. Richmond, 2003. P. 72–73.

потрачен частным образом, на подарки, покрытие расходов и на церемонии». В 1606 г. король получил право собрать субсидий на общую сумму в 400 тыс. фунтов. Думается, что тогда парламент убедило не столько красноречие королевских советников, сколько раскрытый годом раньше католический Пороховой заговор.

Справедливости ради следует сказать, что ненадежная католическая Ирландии заставляла там держать постоянно войска, содержание которых в первые пять лет правления новой династии обошлось казне в 600 тыс. фунтов. Доставшиеся в наследство английские гарнизоны в Голландии ежегодно обходились короне в 25 тыс. фунтов. Это были публичные, государственные расходы, но общество их не считало таковыми[25]. Естественно, что и расходы на содержание не имеющей семьи и детей Елизаветы Тюдор были существенно более скромными, чем обремененного женой и отпрысками Якова I.

В 1608 г. умер Дорсет и должность казначея перешла к Роберту Сесилу, графу Солсбери. Долг казны к этому времени вырос почти до 600 тыс. фунтов. Солсбери пытался бороться с дефицитом организацией более строго учета и контроля за использованием королевских земель, а также их распродажей. Опираясь на решения судей от 1606 г. по делу Бейта, которые признали законность взимания импозиций (новых пошлин), Р. Сесил в 1608 г. издал специальный перечень товаров (всего 1400 наименований), с которых должны были взиматься импозиции. Несмотря на все вышеперечисленные усилия, к осени 1610 г. королевский долг составлял 280 тыс. фунтов, а с учетом ежегодных расходов казна нуждалась в суме несколько большей, чем 500 тыс. фунтов. Собирая зимой 4-ю, а затем осенью 1610 г. 5-ю сессию парламента, король и лорд Солсбери надеялись получить субсидий на общую сумму в 600 тыс. фунтов[26].

---

[25] Информация взята из: Lockyer R. The Early Stuarts. Political History in England, 1603–1642. P. 80–83.

[26] См.: Coward B. The Stuart Age. A History of England, 1603–1714. London, 1980. P. 119–120. Всего же король получит одну субсидию в размере 100 тыс. фунтов.

Помимо растущих финансовых запросов короны, у подданных были и другие поводы для недовольства, о чем депутаты не преминули заявить. Они привычно и традиционно сформировали комитет, который начал рассматривать бедствия, проблемы, язвы (grievances) страны, и выразили желание их врачевать. Неудовольствие вызывала политика широкого предоставления благородного рыцарского звания, которое в соответствии с традицией должно было даваться за военные заслуги[27]. Должностные лица при дворе и органах власти с подозрением относились к прибывшим в Англию вместе с новым королем шотландцам. По мнению первых, королевские милости начали обходить их стороной. Еще подданным казалось, что государство недостаточно жестко противодействует деятельности непримиримых католиков, так называемых рекузантов. Того количества казней, которые последовали после 1605 г., недостаточно, а введенная парламентом в 1606 г. в новой редакции присяга верности для католиков не вполне определенна[28]. На их взгляд, Высокая комиссия, напротив, слишком активно насаждает единообразие в англиканской церкви и производит аресты. Владельцы бывших церковных земель, нежелающие платить с них десятины, и поддерживающие их юристы полагали, что такие дела должны рассматриваться исключительно в судах общего права. Церковь же считала иначе, что приводило к столкновениям светской и церковной юрисдикций[29]. Некоторым подданным казалось,

---

[27] По подсчетам Л. Стоуна за весь 44-летний период правления Елизаветы рыцарский титул получили 878 человек, тогда как Яков I за первый год своего правления произвел 934 рыцарских креации. Уже после описываемых нами событий, в 1611 г. Яков I учредит новое звание баронета и почти одновременно произведет 90 креаций. См.: Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641. Oxford, 1965. P. 71–74, 85, 95, 775 Appendix III.

[28] О присяге верности (The Oath of Allegiance) см.: Patterson W.B. King James VI and I and the Reunion of Christendom. Cambridge, 1997. P. 78–80. По поводу присяги верности Якову I пришлось вести печатную полемику с кардиналом Беллармине и издать в 1608 г. специальный трактат “Triplici Nodo, Triplex cuneus. Or an Apologie for the Oath of Allegenece”.

[29] Королевские суды (Суд Королевской скамьи и Суд Общих тяжб) имели специальные процедуры изъятия дел из нижестоящих, в том числе церковных

что в угоду требований епископата, и своих советников, король недостаточно почтителен в отношении общего права, которое определяет границы королевской прерогативы и защищает права и вольности подданных. И вообще, ему, как выходцу из Шотландии, ближе нормы и положения римского (цивильного) права, которые в этой северной стране в адаптированном виде распространены, чем традиционное и почтенное английское общее право. К тому же служащие в церковных судах и помогающие англиканскому клиру английские юристы римского права откровенно выступают за расширение королевской прерогативы. Выпущенный в 1607 г. доктором римского права Джоном Коуэллом словарь юридических терминов подстегивал эти подозрения, о чем парламентарии не преминули заявить[30].

Дж. Коуэлл писал, что слово «король... обозначает того, кто обладает высшей и абсолютной властью над всей нашей землей, и в отношении короля право гласит, что он свободен от всех недостатков, которым подвержены обычные люди... Он выше закона в силу своей абсолютной власти... Прерогатива короля – это та особая власть, превосходство или привилегия, которые он имеет в любой сфере, благодаря которой король стоит над и выше других людей, и выше — по привилегии своей короны — обычного действия общего права»[31]. Цивилист признавал, что король принимает законы

судов. Если им нужно было освободить незаконно заключенное под стражу лицо, они могли издать приказ “Habeas corpus”, если им нужно было изъять имущественное дело у другого, в том числе церковного, суда они издавали «приказ о запрещении» (writ of prohibition). В 1605 г. архиепископ Кентерберийский Ричард Банкрофт обращался даже со специальной жалобой к королю по этому поводу, изложенной в 25 статьях. Судьям общего права во главе с Эд. Коком пришлось тогда давать по этому поводу аргументированный ответ, опровергая все нападки духовенства. См. подробнее: Кондратьев С. В. Юристы в предреволюционной Англии. Шадринск, 1993. С. 63–78.

[30] О роли и значении юристов римского права в предреволюционной Англии см.: Levack B. P. The Civil Lawyers in England, 1603–1641. A Political Study. Oxford, 1973.

[31] Cowell J. The Interpreter, or Book containing the Signification of Words. Cambridge, 1607. KI, PR. “King is... signifying him that hath the highest power and

в парламенте, но делает это исключительно из милости, или, как писал он, исключительно из «политического милосердия». Кроме того, «привязывать государя к тем или этими законами, значит, извращать природу и устройство абсолютной монархии»[32]. Здесь нет места подробно останавливаться на пассажах доктора римского права, но, как кажется, для Дж. Коуэлла степень абсолютного/совершенного зависит от степени близости его обладателя к Богу, который абсолютен/совершенен в самом высшем смысле. Понятно, что король, стоящий непосредственно за Богом, может творить совершенные вещи/деяния, уступающие божественным, но превосходящие человеческие. Теперь, думается ясно, почему, по Коуэллу, можно и не обращаться к парламенту при выработке законов, ибо король лично, в силу своих совершенных качеств, сделает их по крайне мере не хуже, чем уступающие ему по степени достоинства подданные. Поэтому и «субсидия предоставляется подданным государю в порядке компенсации или награды за то, что он из милости принимает согласие своих подданных, хотя государь по своей абсолютной власти может издавать законы сам»[33].

Четвертая сессия парламента практически сразу же осудила интерпретации Коуэлла и, несмотря на заступничество архиепископа Банкрофта, потребовала его наказания, с чем Якову I, в конце концов, пришлось согласиться[34].

---

absolute rule ouer whole Land, and thereupon the King is in intendment of Law cleared of those defects, that common persons be subject vnto... Praerogatiue of the King (praerogatiue regis) is that especial power, preeminence, or priuilege that King hath in any kinde, ouer and aboue other persons, and aboue the ordinarie course of the common lawe, in the right of his crowne".

[32] Ibid. PA. "And therefore though it be a mercifull policie, and also a politique merci (not alterable without great perill) to make lawes by the consent of the whole Realme, because of no one part shall haue cause to complaine of a partialitie, yet simply to bind the prince to or by these lawes, were repugnant to the nature and constitution of an absolute monarchy".

[33] Ibid. SU. "This subsidie is graunted by the subject to the Prince, in recompence or consideration, that whereas the Prince of his absolute power, might make lawes of himself, he doth of fauour admit the consent of his subjects therein'.

[34] Об этом см.: Sommerville J.P. Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603–1640. London, 1999. P. 113–119. Любопытно, что прокламация,

Накануне произнесения речи перед обеими палатами парламента, ситуацию испортил епископ Честера Сэмюель Харснетт, который в ходе проповеди в Уайт-холле вслед за Коуэллом поучал, что субсидия не является добровольным даром подданных, поскольку король имеет право собирать налоги без их согласия[35]. И теперь от короля и членов правительства ждали каких-то комментариев.

Были и более частные случаи, вызывающие раздражение подданных. Такой случай касался деятельности Стефана Проктера, который в 1608 г. инициировал для себя создание новой должности в Суде Казначейства (Exchequer) — должности сборщика штрафов за нарушения уголовных законов. Новый клерк должен был бороться со злоупотреблениями должностных лиц на местах, которые нередко за мзду уменьшали суммы выплат. Кроме того, ему в обязанности вменялась проверка поступающих от информаторов сведений, касающихся манипуляций с исполнениями уголовных приговоров. По замыслу Проктера, теперь все штрафы и вся информация о злоупотреблениях должна была поступать только в одни, его руки. Кроме того, он получил право проверять доносы и преследовать недобросовестных доносчиков. Но вскоре выяснилось, что новый клерк тоже не безупречен. К 1610 г. его деятельность стала объектом критики, а созванная сессия начала против него процедуру импичмента[36].

20 марта 1610 г. Яков I, выступая перед палатой лордов, в присутствии лорда-канцлера Томаса Эллесмера, обоих архиепископов, лорда-казначея Роберта Сесила и хранителя печати Тайного совета Генри Говарда, приказал на следующий день, в 9 часов утра

осуждающая книгу Коуэлла, была издана королем 25 марта, т. е. через 4 дня после произнесения им интересующей нас речи. Прокламация осудила «ошибки» автора и запретила продажу и распространение книги. Более пространно сюжет с Коуэллом мы намерены рассмотреть в следующей статье.

[35] О Самуэле Харснетте, епископе Честера, см.: Sommerville J.P. Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603–1640. London, 1999. P. 124. Проповедь была произнесена 11 марта 1610 г.

[36] Lockyer R. Op. cit. P. 191–192; Hill L. M. Bench and Bureaucracy. The Public Career of Sir Julius Caesar, 1580–1636. Stanford, 1988. P. 147–148.

собрать обе палаты парламента в Уайт-холле, где он намеревался произнести речь[37]. У меня под рукой три версии этой речи. Две из них являются изложением выступления короля и принадлежат в первом случае Генри Гастингсу, графу Хантингтону[38], во втором — клерку палаты общин, который фиксировал происходящие в ней события[39]. И, наконец, уже в 1610 г. речь Якова I трижды издавалась и затем была включена в собрание его сочинений, увидевшее свет в 1616 г. Недавно вышедшее издание Дж. Соммервилла включает эту речь короля, при этом подчеркивается, что издатель, публикуя ее, следовал за изданием 1616 г. и одной из редакций 1610 г.[40]

В произнесенной речи Яков I не только касался природы и полномочий королевской власти, но и политических событий, непосредственно ей предшествующих. Яков I начал свое выступление перед палатами с упоминание о том, что их встреча происходит во время Великого поста[41], что буквально пару дней назад каждая из палат выразила ему благодарность за полученное разрешение обсудить состояние традиционных доходов короны, и что настоящее собрание, где сошлись король, лорды и общины, напоминает ему свои числом совершенство Троицы. Его появление в парламенте депутаты могут рассматривать как проявление

---

[37] Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E. R. Foster. Vol. I. House of Lords. New Haven, 1966. P. 44.

[38] Ibid. P. 44–52.

[39] Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E. R. Foster. Vol. II. House of Commons. New Haven, 1966. P. 59–63. Издатель парламентских материалов Елизабет Фостер специально подчеркивала, что имя парламентского клерка и его ассистентов, фиксировавших материалы сессии 1610 г., осталось неизвестным. См.: Foster E. R. Introduction // Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E. R. Foster. Vol. I. House of Lords. New Haven, 1966. P.XXXIV–XLIX.

[40] King James VI and I Political Writings / Ed. by J. P. Sommerville. Cambridge, 1994. P. 295, n851.

[41] Ibid. P. 179. Великий пост в 1610 г. начался 21 февраля и закончился 8 апреля. Действительно, 19 марта нижняя палата, а 20 марта верхняя выразили ему упомянутую благодарность. См.: Ibid. P. 295, n. 852; Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E.R. Foster. Vol. I. P. 42–44.

ответной благодарности и сравнивать с «чистейшим зеркалом», в котором, однако, отражаются не их лица или фигуры, а видно его королевское сердце. Напомнив присутствующим слова Соломона, что сердце государя в руке Господа, он перефразировал их так: «Сердце государя (отражается. — *С. К.*) в глазах народа». Использование цитат при разговоре с парламентом король находит полезным, поскольку реминисценции питают и укрепляют память, подобно пище, которая питает и укрепляет тело[42].

Последующие его слова касались трех «принципиальных вещей», а именно:

1. Предоставления государству помощи в его нуждах (necessities), ради чего, собственно, был собран парламент.

2. Недостатков и несовершенств, которые существуют в стране, и раздражают подданных. Эти недостатки подданные называют «притеснениями», «обидами», «горестями» (grieuances) и с жалобами на них обращаются к королю.

3. Возникших в парламенте и обсуждаемых внутри и вне его «сомнениях» относительно «намерения короля». Этот вопрос, по словам Якова, касался «высшей природы», а, по словам парламентского клерка, того, «что король может делать, или вопроса о его власти»[43].

Причем одни полагали, что король в основном придерживался принятой издревле формы правления и исполнял «законы королев-

---

[42] King James VI and I Political Writings / Ed. by J.P. Sommerville. P. 179. “That as it is a trew Axiome in Diuinite, That Cor Regis is in manu Domini, So wil I now set Cor Regis in oculis populi... Yet as corporall food nourisheth and mainteineth the body, so doeth Reminiscentia nourish and maintein memory”. Сравните: “The king’s heart is in the hand of LORD”. Proverbs, 21:1. Здесь и далее все библейские цитаты взяты из: The Holy Bible... authorized King James Version. Iowa: World Bible Publishers. Iowa.

[43] Сравните: “The third ground that hath been handled amongst you, and not onely in talke amongst you in Parliament, but euen in many other peoples mouthes, aswell within, as without the Parliament, is of a high nature then any of the former (though it be but an Incident?) and the reason is, because it concernes a higher point; And this a doubt, which hath been in the heads of some, of my Intention in two things”. King James VI and I Political Writings / Ed. by J. P. Sommerville. P. 180. “the third business was an accident by chance, yet of an high nature, to dispute what the king may do or of his power”. Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E. R. Foster. Vol. I. P. 45.

ства», а другие подозревали его в желании не только выйти за известные границы, но и в намерении изменить их своей абсолютной властью, когда он сочтет ограничения для себя неудобными[44].

Коснулся монарх слухов о его, якобы, существующих римско-правовых предпочтениях. Некоторым англичанам кажется, сказал Яков I, что «я будто бы хочу, чтобы в управлении народом цивильное право заняло бы место общего». Книга доктора Коуэлла укрепляла такие подозрения. Через своего казначея Роберта Сесила ему уже приходилось развеивать страхи подданных[45]. Дабы не выставлять того, «как честнейшего человека», лжецом и не обманывать ожидания парламентариев, король готов подтвердить свою приверженность общему праву еще раз и заявить, что, он не давал никогда повода подозревать его. Хотя король не обязан отчитываться перед своим народом за свои действия, он готов «открывать свое сердце и намерение ему по каждому случаю»[46].

Свои дальнейшие рассуждения и ответы на упреки, король предваряет изложением ряда фундаментальных положений. Начинает он с определения монархии. «Монархия является высшим явлением на земле. Ибо короли не только наместники Господа на земле, не только восседают на троне Бога, но даже — по установлению Бога — называются Богами. Есть три принципиальных сходства, которые являются иллюстрациями к монархии. Одно следует из слова Бога, два других — из основ политики и философии. В Писании короли названы Богами, и поэтому их власть в некотором роде сопоставима с божественной властью[47]. Короли

---

[44] King James VI and I Political Writings / Ed. by J. P. Sommerville. P. 180. “First, whether I was resolued in generall still my gouernment according to the ancient form of this State, and the Lawes of the Kingdome: Or if I had an intention not to limit my self within those bounds, but to alter the same when I thought conuenient, by the absolute power of a King”.

[45] См. заявление Роберта Сесила от 8 марта 1610 г. Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E. R. Foster. Vol. I. House of Commons. New Haven, 1966. P. 30–31.

[46] King James VI and I Political Writings / Ed. by J. P. Sommerville. P. 180–181.

[47] Речь, видимо, идет о 82 псалме Давида, где написано: «Я сказал: Вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы». “I have said, Ye are gods; and all of you are

также сопоставимы с отцами семейств, ибо король, в действительности, есть отец отечества, политический отец своего народа. И последнее, короли сопоставимы с главой микрокосма, каковым является тело человека»[48].

Судя по аргументации монарха, короли вправе именоваться Богами потому, что они обладают «атрибутами» Господа, среди которых «власть творить или разрушать, делать или не делать по своему желанию, давать жизнь или посылать на смерть, судить всех и не быть судимым никем, возвышать по своему желанию низких или опускать возвысившихся». Подданные не смеют судить государя, он ответственен за свои поступки только перед самим Богом. Он вправе двигать подданных, как фигуры на шахматной доске. Они обязаны служить ему как душой, так и телом. Поэтому, продолжает Яков I, если подходить к утверждениям Самуэля Харснетта, епископа Честера, абстрактно, то они безошибочны. «Поскольку императорам и королям, как монархам, подданные обязаны предоставить самих себя и свое имущества для своей же зашиты и сохранности». Епископ просто забыл обозначить разницу между божественной сущностью и земным существованием власти, что король, защищая его, не преминул сделать. «Если бы я оказался на его месте, я бы только добавил два слова, которые бы все прояснили». Высказавшись в общем плане, как богослов, по поводу долга подданных помогать королям епископ должен

---

children of the most High". Psalms 82:6. К этому псалму в своей речи Яков I будет обращаться еще несколько раз.

[48] King James VI and I Political Writings / Ed. by J.P. Sommerville. P. 181. "The State of MONARCHE is the supremest thing vpon earth: For Kings are not onely GODS Lieutenants vpon earth, and sit vpon GODS throne, but euen by GOD himself they are called Gods. There bee three principall similitudes that illustrate the state of MONARCHE: One taken out of the word of GOD; and two other out of the grounds of Policie and Philosophie. In the Scriptures Kings are called Gods, and so their power after a certain relation compared to the Diuine power. Kings are also compared to Farther of the families: for King is trewly Parens patriae, the politique father of his people. And lastly, Kings are compared to the head of this Microcosme of the body of man".

был обратиться к английской реальности — к «установленному королевству», «фундаментальным законам и порядкам», согласно которым подданные «(будучи собранными с этой целью в парламенте) должны сейчас изучить, как помочь тому королю, которого они имеют»[49].

Как отцам семейств, королям по естественному праву принадлежит отеческая власть (частью которого является право жизни и смерти) над их детьми и семьями. Таковую власть они получили по наследству от предков. Эта власть включает в себя право распределять наследство между детьми по своему желанию, т. е. исключать из наследования старших и предпочитать младших; делать одних нищими, других богатыми, одних приближать, других изгонять за преступления, а затем последним возвращать свою милость после покаяния в грехах. Обладая такими патриархальными полномочиями, король может использовать их в отношении своих подданных[50].

---

[49] Ibid. P. 181–182. “Kings are iustly called Gods, for that they exercise a manner or resemblance of Diuine power vpon earth: For of you wil consider the Attributes to God, you shall see how they agree in the person of the King. God hath power to create, or destroy, make, or vnmake at his pleasure, to giue life, or send dearth, to iudge all, and be iudged not accomptable to none: To raise low things, and to make high things low at his pleasure, and to God are both soule and body due. And the like power haue Kings: they make and vnmake their subjects: they have power of raising, and casting down: of life, and of dearth: Iudges ouer all their subjects and all causes, and yet accomptable to none but God onely. They haue power to exalt low things, and abase high things, and make of their subjects like man at the Chesse; A pawne to take d Bishop or a Knight, and cry vp, or downe any of their subjects, as they do their money... For to Emperors, or Kings, that are Monarches, their Subjects bodies and goods are due for their defence and maintenance. But if I had bent in his place, I would only haue added two words, which would cleared all... For after I had told as a Diuine, what was due by Subjects to their Kings in generall, I would then haue concluded as an Englishman... they were now (being assembled for this purpose in Parliament) to consider how to helpe such a King as now they had...”

[50] King James VI and I Political Writings / Ed. by J.P. Sommerville. P. 182. “As for the Father of a familie, they had of olde vnder the Law of Nature Patriam potestatem, which was Potestatem vitae & nects, ouer their children or familie... Now a Father may dispose of the Inheritance to his children, at his pleasure: yea, euen disinherite

Как глава естественного тела, король вправе отдавать повеления «всем членам» и использовать их по своему усмотрению. Он может также использовать «горькие лекарства, отсекать больные члены, пускать кровь в тех пропорциях, которые сочтет нужными, и которые могут вылечить тело, но все-таки вся эта власть дана Богом для созидания, но не для разрушения»[51]. Бог владеет разрушительной мощью, но она противна его мудрости, мудрости Создателя, через творения которого проявляется его величие. Тоже самое касается и земного аналога Бога — короля: только плохой отец может лишать наследства или «разрушать» своих детей без причины; только больная голова станет пускать кровь телу, становясь причиной разрушения его[52].

В своей речи Яков I подчеркивает различие в положении короля времен создания государства, когда индивидуально принадлежащая монарху власть не регулировалась, и короля государства, уже существующего. Вновь обращаясь к Богу, который установил церковь, оплаченную и спасенную «кровью его единственного сына Христа», и который «в дальнейшем всегда управлял своим народом и церковью в границах его волей установленных», Яков I вспоминает о первых королях. Они изначально могли получить власть либо посредством завоевания, либо посредством избрания

---

the eldest vpon iust occasions, and preferre the youngest, according to his liking: make them beggers, or rich at his pleasure; restraine, or banish out of his presence, as hee findes them giue cause of offence, or restore them in fauour againe with the penitent sinner: So may King deale with his Subjects".

[51] Ibid. "And lastly, as for the head of the natural body, the head hath the power of directing all the members of the body to that vse which the iudgement in the head thinks most conuenient. It may apply sharpe cures, or cut off corrupt members, let blood in what proportion it thinkes fit, and as the body may spare, but yet is all this power ordained by God Ad aedificationem, non ad destructionem". Сравните данную цитату со 2-м посланием к Коринфянам. Cf. 2 Corinthians 10:8 "For though I should boast somewhat more of our authority, which the Lord hath given us for edification, and not for your destruction, I should not be ashamed"; 13:10 "Therefore I write these things being absent, lest being present I should use sharpness, according to the power which the Lord hath given me to edification, and to destruction".

[52] Ibid. P. 183.

народом. В обоих случаях первоначально их воля заменяла закон. «Но как только королевства стали приобретать гражданскую и политическую форму, короли ограничили свои замыслы законами, которые надлежащим образом делаются только королями». Так король стал «говорящим законом», связанным клятвой защищать как народ, так и законы королевства. Законы напоминают Якову I соглашение, обязательное для двух сторон: короля и народа. «Поэтому каждый справедливый король в установленном королевстве обязан соблюдать заключенный им с народом посредством законов пакт», т. е. поступать так, как поступает Бог, заключивший соглашение с Ноем: «Впредь, во все дни на земле сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся». Король, пренебрегающий законами, «вырождается» в тирана. Но против тирана народу восставать не позволительно. Народу достаточно знать, что Господь никогда не оставит королей безнаказанными, если они нарушили установленные границы власти[53]. Для вознесенного высоко падение будет более сильным[54]. «Следовательно, все те короли, которые не превратились в тиранов или нарушите-

[53] Ibid. P. 183. “In these our times we are to distinguishe betweene the state of Kings in their first origianll, and betweene the state of setled Kings and Monarches, that doe at this time gouerne in ciuill Kingdomes... For euen as God... how soon it pleased him to setle a Church which was bought , and redeemed by blood of his onely Sonne Christ... Hee euer after giuerning his people and Church within limits of his reueiled will. So in the first originall of Kings, whereof some had their beginning by Cinquest, and some by election of the people, their wills at that time serued for Law; Yet how soone Kingdomes began to be settled in ciuilite and policie, then did Kings set downe their minds by Lawes, which are properly made by the King onely... So as euery iust King in a setled Kingdom is bound to obserue that paction made to his people by his Laws, in framing his gouernment agreeable thereunto... And therefore a King gouering in a setled Kingdom, leaues to be a King, and degenerates a Tyrant, assoone as he leaues off to rule according to his Lawes... And though no Christian man ought to allow any rebellion of people against their Prince, yet doeth God neuer leaue Kings vnpunished when they transgresse these limits”.

[54] Ibid. P. 184. “The higher wee are placed, the greater shall our fall be. Vi casus sic dolor”. Здесь в очередной раз парафраз 82 псалма. Сравните Psalms 82:7. “But ye shall die like men, and fall like one of the princes”. «Но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей».

лей справедливости, сами рады удерживать себя в границах своих законов; а те, кто убеждает их в обратном, есть змеи и моровые язвы, действующие против них и общего блага... Что до меня, то я, благодаря Богу, всегда подавал доброе свидетельство тому, что у меня никогда не было противного намерения. Я уверен, что сойду в могилу с репутацией и известностью, что никогда не было короля, с большей заботой соблюдающего свои законы, чем я»[55].

Развивая это положение, король отказывает подданным в праве обсуждать его власть. Обсуждать власть государей такой же грех, как обсуждение деяний Бога. «Рассуждения между тем, что может быть, и тем, что есть, противно как логике, так и богословию. Поэтому бунтовщиками являются те, кто обсуждают то, что король может делать по своей высшей власти». Но государи, в свою очередь, если они не хотят навлечь на себе гнев Бога, должны открывать свои намерения подданным. «Я, — заключает мысль Яков I, — никогда не соглашусь, чтобы мою власть обсуждали, но я всегда буду объяснять все свои деяния и проводить свои акции в соответствии с моими законами»[56].

Затем Яков I вновь возвращается к общему праву и теперь говорит о нем более обстоятельно. Он стремится опровергнуть тех среди депутатов, кто распускает домыслы о его якобы презрении к общему

---

[55] Ibid. “Therefore all Kings that they are not tyrants, or periured, will be glad to bound themselues within the limits of their Lawes, and they that perswade them the contrary, are vipers, and pests, both against them and the Commonwealth... As for my part, I thank God, I haue eure giuen good proof, that I neuer had intention to the contrary. And I am sure to goe to my graue with that reputation and comfort, that neuer King was in all his time more carefull to haue his Lawes duely obserued, and himselfe to gouerne thereafter, then I”.

[56] Ibid. “I conclude then this point touching the power of Kings, with this Axiome of Diuinitie, That as to dispute what God may doe, is Blasphemie; but quid vult Deus, that Diuines may lawfully, and doe ordinarily dispute and discusse; for to dispute A Posse ad Esse is both against Logicke and Diuinitie: So is it sedition if Subiects, to dispute what a King may do in the height of his power: But iust Kings wil be willing to declare what they wil do, if they will not incurre the curse of God. I wil not be content that my power be disputed vpon: but I shall euer be willing to make the reason appear of all my doings, and rule my actions according to me Lawes.”

праву. «Я надеюсь, — подчеркивает король, — никогда не произносить приватно того, что я не смогу затем повторить публично, или, если понадобится, в печати... Да, это — правда, что несколько дней назад в приватной палате, за обедом, я свободно высказывал свои суждения относительно общего права, которые дошли до Ваших ушей, то же самое передал Вам мой лорд-казначей, и это же самое вновь я намерен повторить и подтвердить вам сам. Во-первых, как король я имею меньше всего поводов среди людей быть недовольным общим правом. Ибо нет права более подходящего и удобного для короля, расширяющего его прерогативу, чем делает это общее право. Для короля Англии презирать общее право значит то же, что выказывать презрение к своей собственной короне»[57].

Король не отрицает того, что ценит цивильное право, как основу «учености», как инструмент заключения международных договоров. Отказ от цивильного права для Якова I аналогичен отказу от изучения латыни. И первое, и второе он называет «варварством». Здесь же он подчеркивает: «Я только позволяю ему существовать в тех границах юрисдикции, которое общее право само ему позволяет... Следовательно, мое мнение состоит не в том, чтобы отдавать предпочтение цивильному праву перед общим, а только в том, чтобы не дать его уничтожить, а также сохранить в тех пределах (я имею в виду как суды, так и полномочия), которые были у него издревле, как то действующим в церковных судах, суде адмиралтейства, палате прощений и тому подобных; сохраняя

[57] Ibid. P. 184–185. “The other branch of this incident if concerning the Common Law, being conceiued by some, that I contemned it, and preferred the Ciuil Law thereunto... I hope neuer to speake that in priuate, that I shall not auow in publique, and Print it if need be... For it is trew, that within these few dayes I spake freely my mind touching the Common Law in me Priuie Chamber, at the time of my dinner, which is come to all your eares; and the same was likewise related vnto you by my Treasurer, and now I will again repeate and confirme the same my self vnto you. First, as a King I haue least cause of any man to dislike the Common Law: For no Law can bee more fauorable and aduantagious for a King, and extendeth further his Prerogatiue, then it doeth: And for King of England to despise the Common Law, it is to neglect his owne Crowne”.

всегда за общим правом право слежения за фундаментальными законами королевства, касающимися как королевской прерогативы, так и собственности подданных, право вмешиваться в любые вопросы, возникают ли они между королем и одним из них, или между ними самими в делах о моем и твоем»[58]. Король признается, что не только ставит общее право Англии выше любого другого национального законодательства, но даже выше «юридического закона Моисея». При этом он подчеркивает, что в его словах нет «богохульства». Ибо «Бог управлял своим избранным народом посредством трех законов — церемониального, морального и юридического. Юридический же закон, соответствующий только определенному народу и определенному времени, не может быть универсальным для всех народов и на все времена»[59].

Неправильно, вместе с тем полагает Яков I, не замечать недостатки, которые существуют в общем праве, когда его сравниваешь с «юридическим законом Бога». Стюарту кажется, что необходимо («всегда через парламент» — это важная оговорка. — *С. К.*) «очистить и прояснить» в общем праве три вещи. При этом специально подчеркнуто: «Король совместно со своим парламентом абсолютен (как я понимаю) в издании или оформлении любого закона»[60].

---

[58] Ibid. P. 185. “I onely allow it to haue course here, according to those limits of Iurisdiction, which the Common Law it selfe doeth allow it... My meaning therefore is not to preferred the Ciuill Law before the Common Law; not onely that it should not be extinguished, and yet so bounded, (I meane to such Courts and Causes) as haue been in ancient vse; As the Ecclesiasticall Courts, Court of Admiraltie, Court of Requests, and such like, reseruing eure to the Common Law to meddle with the fundamentall Lawes of the Kingdome, eithr concerning the King Prerogatue, or the possessions of Subiects, in any questions, either betweene the King, and any of them, or amongst themselues, in the points of Meum & tuum”.

[59] Ibid. “I would not onely preferre it before any other Nationall Law, but euen before the very Iudiciall Law of Moyses: and yet I speake no blashpemie in preferring it... For God gouerned his selected people by these three Lawes, Ceremoniall, Morall and Iudiciall, being onely fit for a certaine people, and a certaine time, which could not serue for the general of all other people and times”.

[60] Ibid. P. 186. “I must say, both our Law and all Lawes else are farre inferior to that Iudiciall Law of God, for no booke nor Law is perfect nor free from corruption,

Вот эти три вещи:

«Во-первых, я бы желал, чтобы оно было записано на нашем простом языке, поскольку сейчас оно написано старым, перемешанным и испорченным языком, понятным только юристам, тогда как каждый подданный должен понимать закон, под которым он живет»[61].

«Следующее, наше общее право не имеет упорядоченного текста для всех случаев, в основном опираясь либо на старые обычаи, либо на отчеты и дела судей, которые вы называете ответами мудрых».

---

except onely the booke and Law of God. And therefore I could wish some three things specially to be purged & cleared in the Common Law; but always by aduise of Parliament: For the King with his Parliement here are absolute, (as I vnderstand) in making or forming of any sort of Lawes".

[61] Ibid. "First, I could wish that it were written in our vulgar Language: for now it is in an old, mixt, and corrupt Language, onely vnderstood by Lawyers: whereas euery Subiect ought to vnderstand the Law vnder which he liues". В данном случае монарх выступает за реформу права, жалуясь на его сложный, непонятный подданным язык. В самом общем виде специфика английского судопроизводства второй половины XVI — начала XVII вв. состояла в том, что судоговорение в основном осуществлялось по-английски, но записи самих тяжб в отчетах судей, как в средние века, делались на французском, большинство средневековых юридических трактатов, служивших источниками, были написаны на латыни. Сами правовые и судебные процедуры часто носили латинские или французские наименования. Язык общего права был настолько перегружен латинизмами и галлицизмами, что казался многим тайным знанием. Сами юристы, в частности Эд. Кок, настаивали на мудрости общего права, глубин которого может достигнуть только «тренированный разум» юриста. Однако далеко не все практикующие юристы сами знали латынь и французский. Их более просвещенные коллеги — антиквары — называли, в частности, юридический французский «варварским». Нередко современники выражали недовольство темным смыслом общего права и подозревали юристов в том, что они использую его, дабы разорять клиентов и сколачивать состояния. Подробнее об этом см.: Fortescue J. De Laudibus Legem Anglie / Ed. by S. B. Chrimes. Cambridge, 1942. P. 114–117; Whitlock. Of the Antiquity, Use, and Privilege of Places for Students and Professors of the Common Laws of England // Collection of Curious discourses written by eminent antiquaries upon several heads in our English Antiquities / Ed. by T. Hearne. London,1771. Vol. I. P. 80; Prest W. The Inns of Court under the Elizabeth I and the early Stuarts, 1590–1640. Rowman, 1972; Idem. The English Bar, 1590–1649. Oxford, 1986; Baker J. H. The Common Law Tradition. Lawyers, Boors and the Law. London, 2000. Ch. 14.

При этом король осознает, что многочисленные жизненные реалии часто не совпадают даже с упорядоченным и хорошо записанным правом. Такие дела не могут быть решены на основе «буквы закона», при их рассмотрении приходится прибегать к интерпретации судей. Те же доктора римского права, комментируя его тексты, расходятся друг с другом. «И все-таки мне бы хотелось, — заключает он, — чтобы парламент придал этому делу большую определенность... чтобы народ не зависел от декларативного мнения судей и неопределенных отчетов», поскольку сами судьи нередко «отступают от решений своих предшественников»[62].

«И последнее, в общем праве наличествуют противоречащие друг другу отчеты и прецеденты, и этот же порок поразил статуты и акты парламента... некоторые из них написаны так, что их можно толковать в разных, даже противоположных смыслах. И поэтому мне бы хотелось пожелать, чтобы и эти статуты, и отчеты, как в парламенте, так и в общем праве, были бы однажды разумно пересмотрены и согласованы». Яков I предлагает парламенту произвести «реформацию» в праве, т. е. «вычистить» из него все противоречия и «жестокие статуты»[63].

«Я догадываюсь, — далее продолжает Яков I, — что, коль уж я коснулся общего права, то Вы желаете услышать мое мнения от-

---

[62] King James VI and I Political Writings / Ed. by J. P. Sommerville. P. 186–187. “Next, our Common Law hath not a settled Text in all Cases, being chiefly grounded either vpon old Customs, or else vpon the Reports and Cases of Iudges, which ye call Responsa Prudentum... Yet could I wish that some more certanie were set downe in this case by Parliament: for since the very Reports themselves are not always so binding, but that diuers times Iudges doe disclaime them, and recede from the iudgement of their predecessors... and so the people should not depend vpon the bare opinions of Iudges, and vncertaine Reportes”.

[63] Ibid. P. 187. “and lastly, there be in the Common Law diures contrary Reports, and Presidents: and this corruption doeth likewise concerne the Statutes and Acts of Parliament... some so penned, as they may be taken in diuers, yea contrary sences. And therefore would I wish both those Statutes and Reports, aswell in the Parliament as Common Law, to be once maturely reuiewed, and reconciled; And that not onley all contrarieties should be scraped out of our Bookes, but euen that such penall Statutes as were made”.

носительно «запрещений»[64]. Король поясняет, что он не является «врагом запрещений». Оставаясь сторонником того, чтобы «всякая река удерживалась внутри своих берегов», чтобы «любой суд имел свои собственные границы», чтобы полномочия судов были «ясно установленными» и «точно известными», он, естественно, выступает за то, чтобы возвращать в правовое поле те суды, которые «вторгаются» в чужую юрисдикцию. Он «никогда не был против «запрещений», но всегда выступал за то, чтобы правом их предоставления обладали бы только Суд Королевской Скамьи и «главным образом Канцелярия». Но когда число запрещений достигает невиданной ранее величины, когда они превращаются в болезнь, он вынужден вмешиваться[65]. Апеллируя к Богу, который удерживает море в берегах, Яков I призывает те суды, которые не относятся к общему праву, «удерживать себя в границах своей юрисдикции», а суды общего права просит не забегать вперед и «не расточать многочисленные запрещения»[66]. У него есть претензии к процедуре предоставления «запрещений» судами общего права. «Во-первых, они должны предоставляться в правильной и законной форме. Во-вторых, тем, кто имеет на это законную и основательную причину». Намекая на коррумпированность судов, король настаивает, что запрещения должны открыто выдаваться в

---

[64] Ibid. “I know now that being vpon this point of Common Law, you looke to heare my opinion concerning Prohibition”.

[65] Яков поясняет: «Так уже было дважды: в середине зимы и вновь в середине последующего за ней лета». Оба раза ему пришлось заниматься этим вопросом три полных дня. Ibid. P. 188.

[66] Ibid. P. 187–188. “And for my part, I was neuer against Prohibition of this nature, nor the trew vse of them, which if indeed to keep euery Riuer within his owne banks and channels. But when I saw the swelling and ouerflowing of Prohibitions in a farre greater abundance then euer before, euery Court striuing to bring in most moulture to their owne Mill by multitudes of Causes, which if a disease very naturall to all Course and Iurisdictions in the world; Then dealt I with this Cause... For as God conteins the Sea within his owne boundes and marches (as it is in the Psalmes) So is it my office to make euery Court conteine himselfe within his owne limits...”. Сравните: Psalms 33:7 “He gathereth the waters of the sea together as an heap: he layeth up the depth in storehouses”.

суде, но не судьей единолично, не в перерывах между судебными сессиями и не в каком-то ином, помимо суда, месте. Запрещения следует предоставлять после надлежащего изучения дела, но, никак не руководствуясь предположениями или информацией, полученной от заинтересованной стороны. В противном случае «запрещения» перестанут быть гарантией безопасности. Нельзя использовать благой инструмент для неблагого дела. Не должно быть закона или решения, направленного на наказание добра, как это случилось со священником, который много трудился, истратил все свои нищенские средства, был вынужден забросить свои штудии, поменять паству. Когда этот священник вознамерился насладиться от плодов своего труда, «он был лишен всего «запрещением, в соответствии с притчей Христа: ночью, когда он возомнит себя полностью счастливым, кто-то возьмет его душу»[67]. «Запрещения» напоминают королю историю с Танталом, который тянется ртом к плодам, но те отодвигаются от него «запрещением»[68].

Затем Яков I переходит к следующей важной теме — теме «жалоб» и «горестей» (grieuances). По его мнению, во-первых, парламентская сессия — лучший способ проинформировать короля о «горестях» его народа; во-вторых, именно в парламенте, как в «высшем суде правосудия», болезни «через установление добрых и правильных законов» способны получить самое своевременное «лекарство»[69].

Но парламентарии, по его мнению, должны правильно пользоваться привилегиями, вырабатывая петицию с «жалобами».

---

[67] Ibid. P. 188–189. “So as to conclude this point, I put a difference betweene the trew vse of Prohibition, and the superabounding abuse thereof: for as a thing which is good, ought not therefore bee abused; so ought not the lawfull vse of a good thing be forborne, because of the thereof”.

[68] Ibid. P. 188.

[69] Ibid. P. 189. “There are two speciall causes of the peoples presenting Grieuances to their King in time of Parliament. First. For that the King cannot at other time be so well informed of all the Grieuances of his people, as in time of Parliament, which is the representatiue body of the whole Realme. Secondly, the Parliament is the highest Court of Iustice, and therefore the fittest place where diuers natures of Grieuances may haue their proper remedie, by the establishment of good and wholesome Lawes”.

Ему бы не хотелось, чтобы они «жадно искали их, или собирали на улицах», показывая тем самым, что «наличествует много недостатков в управлении и много причин для недовольства». Следует, утверждает Яков I, обращаясь к депутатам, «касаться только таких горестей, которые, как вы же сами знаете, нуждаются в исправлении, или информацию о которых вы получили из тех графств, которые вы представляете». Не должно, говорить король, тиражировать «горести», «возбуждать шум» среди народа, касаться основ управления. Данная сессия парламента вселила во многих надежду, что депутаты сделают «большой список» жалоб, давая возможность «каждому продемонстрировать свое конкретное раздражение». Но когда депутаты обнаружили, что в бумагах тесно от жалоб, что ими буквально «набит мешок», что жалобы из «законных недовольств» превратились в «пасквили», они отказались от дальнейшего их чтения и «сложили из них публичный костер». За это монарх выражает нижней палате благодарность. Он советует депутатам впредь, «на все времена», держаться подобного поведения. «Руководствуйтесь вашими старинными правилами, следуйте им, и не будете страдать впоследствии от любых петиций и жалоб, которые доставляются скрытно и под покровом темноты, но будете получать их открыто и прямо в вашей публичной палате» через своего спикера. «В противном случае нижняя палата может стать местом пасквилей, а в другое время среди вас могут быть такие распространены жалобы, которые будут содержать предательские или позорные измышления против меня или моего потомства»[70].

---

[70] Ibid. P. 189–190. Yet would I have you to vse this caution in your behauiour in this point: which is, that your Grieuances be not as it were greedly sought out by you, or taken vp in the streetes... thereby to shew... that there are many abuses in the gouernment, and many causes of complaint: but that according to your first institution, ye should only meddle with such Grieuances as your selues doe know had neede of reformation, or had informations thereof in your countreys for which your serue, and not so to multiply them, as might make it noised amongst the people, that all things in gouernment were amisse and out of frame... I haue reason to thank you of the Lower house, I meane for your fire work, wherein I confesse you did Honour to me,

Одновременно Яков I подчеркивает, что, оглашая ему «жалобы» народа, депутаты демонстрируют верность ему и пославшим их в парламент территориям. «Ибо настоящие иски исходят не от людей нанятых, но от представительного органа, который и есть народ». Он не исключает, что созданные им учреждения и комиссии могут допускать «злоупотребления» в своей деятельности. А благодаря депутатам и парламентским сессиям ему удается получать об этом достоверную информацию, как это случилось в случае со Стефаном Проктором. «Но, — продолжает король, — мне бы хотелось, чтобы в вопросе о жалобах Вы заботливо сторонились трех вещей»[71].

«Во-первых, чтобы вы не вмешивались в основные вопросы управления, это мое ремесло (мастера должны пользоваться инструментами), вмешиваться сюда — значит поучать меня. Я сейчас старый король, в течение 36 лет я персонально управлял Шотландией, а теперь я прошел семилетнее ученичество здесь. Семь лет это большой срок для обретения королями опыта в управлении. Следовательно, не должно быть здесь слишком много

---

and right to your selues: For hauing one afternoone found many Grieuances closely presented in papers, and so all thrust vp in a sacke together, (rather like Pasquils, then any lawfull Complaints) farre against your owne Orders, and diuers of them proceeding from grudging and murmuring spirits; you, vpon the hearing read two or three of the first line of diuers of them, were not content with a publique consent to condemne them, and to discharge any further reading of them, but you also made a publique bonefire of them... I must not omit also to admonish you... to preuent the like accident in all times hereafter: otherwise the Lower house may become a place for Pasquils, and at another time such Grieuances may be cast in amongst you, as may conteine Treason or scandal against me, or my Posterity. Therefore in this case, looke ouer your ancient Orders, & follow them, and suffer not hereafter any petition or Grieuances to be deliuered obscurely or in the darke, but openly and auowedly in your Publique house, and there to be presented to the Speaker".

[71] Ibid. P. 190. "I am not to finde fault that your infome your selues of particular iust Grieuances of the people; Nay I must tell you, ye can neither be just nor faithfull to me, or to your Countreys that thrust and imploy you, if ypu doe it not: For true Plaints proceeds not from the persons imployed, but from the Body represented, which if the people... I would wish you to be carefull to auoide three things in the matter of Grieuances".

Формионов, чтобы учить Ганнибала. Не следует учить меня моему ремеслу»[72].

«Во-вторых, я не позволю вам касаться тех моих старинных прав, которые я получил от своих предков, которыми я владею по родовому обычаю. Я был бы весьма огорчен, если бы такие права стали расцениваться как повод для жалоб. Всякие нововведения в политическом теле так же опасны, как и в естественном. Поэтому я не склонен вступать в пререкания по поводу моих старинных прав и владений, ибо это сделало бы меня недостойным того, чем владели мои предки, и что они оставили мне»[73].

«И последнее, я прошу вас воздержаться выставлять в качестве тягот что-либо из того, что установлено законом; знайте, что на это (как вы уже имели доказательство) я никогда не дам благожелательногого ответа. Для подданных давить на короля, когда они знают наперед, что он откажет им, значит перечить своему долгу. Сейчас, если какой-либо закон или статут не является удовлетворительным, пусть парламент исправит его, но пока его не признали бременем, быть недовольным законом — значит быть недовольным королем, который присягал быть блюстителем и хранителем его. Но так как все люди грешны и могут ошибаться при исполнении законов, то и вы справедливо можете приносить жалобу на злоупо-

---

[72] Ibid. P. 190–191. “First, that you doe not meddle with the main points of Gouernmant; that is my craft: tractent fabrilia fabri; to meddle with that, were to lesson me; I am now an old King; for sixe and thirtie yeeres haue I gouerned in Scotland personally, and now haue I accomplished my apprenticeship of seuen yeeres heere; and seuen yeeres is a greet time for a Kingse experience in Gouernment: Therefore there would not bee too many Phormios to teach Hannibal: I must not be taught my Office”. В цитате речь идет Формионе, философе-перипатетике, который пытался поучать бежавшего в Антиохию Ганнибала, как тому следовало воевать с Римом. Ганнибал в ответ назвал Фермиона сумасшедшим с вывернутыми мозгами.

[73] Ibid. P. 191. “Secondly, I would not haue you meddle with such ancient Rights of mine, as I haue receiued from my Predecessors, possessing them, More Mariorum: such things I would bee sorie should bee accounted for Grieuances. All nouelties are dangerous as well in a politique as in a naturall Body: And therefore I would be loth to be quarreled in my ancient Rights and possessions: for that were to iudge mee vnworthy of that which my Predecessors had, and left me”.

требление законом, проводя разумное различие между ошибками отдельного лица и законом как таковым. Например, могут поступить вам жалобы на Высокую комиссию. Если так случится, то проверьте обвинение, не щадите ее, но не говорите, что комиссия должна исчезнуть. Только я могу сокращать полномочия. Я ясно говорю вам: того, что я сам решил относительно этого вопроса, я намерен всегда держаться, если не появится другая важная причина, которая, относительно Высокой комиссии, есть столь высока по природе, что не позволяет обращаться по ее поводу в какой-либо суд. И я думаю, что правильным будет оставить этот вопрос исключительно в ведении двух архиепископов... Я установил для себя такое правило, и поэтому вы можете быть уверенными, что я никогда не сочту человека лжецом и не сочту его пуританином, если его жалоба на ошибку в исполнении закона придет ко мне из парламента, или если она прозвучит в парламенте, и он сумеет доказать это. В противном случае его утверждения будут клеветой. Как я уже говорил, я бы только предостерег кого-либо от жалоб на комиссию как таковую. Вы уже слышали (я уверен) о проблемах, которые я разбирал касательно Адмиралтейства и «запрещений». Можете быть уверенными, что если какой-то человек принесет мне обоснованные жалобы по вопросам столь же важным, как этот, я не пожалею времени, чтобы заслушать его. В вопросах веры вы никогда не имели более заинтересованного короля, который лично готов решать проблемы, достойные его внимания. И когда кто-либо из вас захочет приобрести опыт общения со мной по такому вопросу, он может быть уверен, что — будь он в парламенте или вне его — ему никогда не будет отказано в доступе и к нему всегда отнесутся без предубеждения»[74].

[74] Ibid. P. 191–192. “And lastly, I pray you beware to exhibit for Grieuance any thing that is established by a settled Law, and whereunto (as you haue already had a proofe) you know I will neuer giue a plausible answer: For it is an vndutifull part in Subiects to presse their King, wherein they know beforehand he will refuse them. Now, if any Law or Statute be not conuenient, let it be amended by Parliament, but in the meane time terme it not a Grieuance: for to be grieued with the Law, is to be grieued with the King, who is sworne to bee the Patron and mainteiner thereof. But as all men are flesh, and may erre in the execution of Lawes; So may ye iustly make a

Яков I заканчивает этот раздел ироничным обращением с «жалобой» к депутатам от «имени пославших их графств». Он просит при подготовке петиции, которая будет содержать перечень «горестей», быть «очень внимательными», идти от «помыслов народа», и «не приправлять» ее интересами «частных лиц». На его взгляд, некоторые депутаты при сочинении петиций руководствуются не столько нуждами избирателей, сколько личным «недовольством», «заинтересованностью» и «раздражением». «Я уверяю вас, — заключает он, — что я всегда почувствую разницу между петицией, которая отражает нужды народа, и таким документом, который создан недовольством конкретного лица, недовольством, направленным либо против церковного управления вообще, либо против слуги какого-либо аристократа, либо, в особенности, члена комиссии»[75].

Grieuance of any abuse of the Law, distinguishing wisely betweene the faults of the person, and the thing it selfe. As for example, Complaints may be made vnto you of the high Commissioners: If so be, trie the abuse, and spare not to complaine vpon it, but say not there shall be no Commission; For that were to abridge the power that is in me: and I will plainly tell you, That something I haue with my selfe resolued annent that point, which I meane eure to keepe, except I see other great cause: which is, That in regard the high Commission is if of so high a nature, from which there is no appellation to any other Court, I haue thought good to restraine it onely to the two Archbishops, where before it was common amongst a great part of the Bishops in England. This Law I haue set to my selfe, and therefore you may be assured, that I will neuer finde fault with any man, not thinke him the more Puritance, that will complaine to me out of Parliament, aswell as in Parliement, of any error in execution thereof, so that hee prooue it; Otherwise it were but a calumnie. Onely I would bee loath that any man should grieue at the Commission it selfe, as I haue already said. Yee haue heard (I am sure) of the paines I tooke both in causes of the Admiralty, and of the Prohibitions: If any man therefore will bring me any iust complaints vpon any mattres of so high a nature as this is, yee may assure your selues that I will not spare my labour in hearing it. In faith you neuer had a more painefull King, or that will be readier in his person to determine causes that are fit for his hearing. And when euer any of you shall make experience of me in this point, ye may be sure neuer to want accese, not ye shall neuer come wrong to me, in, or out of Parliament".

[75] Ibid. P. 192. P. "I assure you, I can very well smell between a Petition that mooues from a generall Grieuances, or such a one as comes from the spleene of some particular person, either against Ecclesiastical gouernment in generall, or the person of any one Noble man, or Commissioner in particular".

Наконец, король обращается к проблеме правительственных «нужд». Он напоминает им, что еще раньше лорд-казначей Роберт Сесил, как лицо, более сведущее и красноречивое в этом вопросе, охарактеризовал депутатам состояние как «доходов, так и расходов» казны. Яков I полагает, что короли должны в редких случаях обременять подданных и делать их детально информированными о состоянии своих финансов. «Если бы я не испытывал крайней нужды, можете быть уверенными, — продолжает Стюарт, — я бы не стал беспокоить вас... И здесь вы обязаны верить мне. Я имею полное право требовать от вас, как моих поданных, исполнение долга, одна из частей долга, которую подданные должны суверену, состоит в материальной поддержке, однако ее количество и время предоставления должны исходить от вашей любви. Поэтому я не должен сейчас обсуждать королевскую власть, но должен сказать вам, что я вправе просить и ожидать проявления вашей доброй воли. Я всегда был против любых крайностей, и в этом случае я также желаю, чтобы вы избежали их в обоих проявлениях. Ибо если вам не удастся избежать одной из них, у меня появится очень большой повод винить вас, как парламентариев, собранных мною для выполнения моих поручений. И если вы впадете в другую крайность, т. е. поддержите материально мои нужды, не позаботившись должным образом о том, чтобы избежать давления или пристрастности в налоге, то и я, и страна получим повод порицать вас»[76].

[76] Ibid. P. 193. “If I had not more then cause, you may be sure I would be loth to trouble you... And therein you are bound to beleeue me. Duetie I may iustly claime of you as may Subjects; and one of the branches of duetie which Subjects owe to their Soueraigne, is Supply: but in what quantitie, and at what time, that must come of your loues. I am not now therefore to dispute of a Kings power, but to tell you what I may iustly craue, and expect with your good wills. I was euer against all extremes; and in this case I will likewise wish you to auoyd them on both sides. For if you faile in the one, I might haue greate cause to blame you as Parliament men, being called by me for my Errands: And if you fall into the other extreme, by supply of my necessities without respective care to auoyd oppression or partialitie in the Leurie, both I and the Countrey will haue cause to blame you”.

Далее, Яков I произносит длинный и витиеватый пассаж, который обращен, прежде всего, к нижней палате, поскольку в верхней палате лорды представляют самих себя и, если оказывают королю материальную поддержку, то делают это непосредственно за счет собственных средств. Другое дело нижняя палата, которая является «исключительно представительным органом общин», депутаты которой дают помощь «как от себя, так и от других». Осознавая это, он предостерегает их от того, чтобы быть слишком щедрыми. Ибо если они пренебрегут рачительностью, и дадут ему «больше, чем добрые и любящие подданные готовы предоставить», то он сочтет себя обманутым, и никогда такой дар не примет, опасаясь, что среди народа может возникнуть «недовольство и ропот». Яков I всячески старается подвести депутатов к мысли о том, что он ведет речь только о необходимом. Он вспоминает, что кто-то из депутатов в случае предоставления субсидий уже высказывал опасения по поводу сохранности собственных «глоток» по возвращении домой. «Я могу вас уверить, — говорит Яков I, — что я никогда не стану заставлять вас делать то, что нанесет вред народу, и приведет к тому, что вам придется сносить порицания». Именно по этому, он якобы ни сам, ни через членов своего Тайного совета никогда не пытался заручиться в палате необходимым числом голосов. «Я, — продолжает монарх, — всегда питаю отвращение к выпрашиванию голосов. Король, который правит и руководит праведно, должен во всех своих великих деяниях держаться Совести, Чести и Здравого смысла (как вы сами, мистер спикер, напомнили в один из дней). И поэтому вы можете успокоить себя, я всегда удерживаю все свои большие начинания в этих пределах... Что может дать мне кошелек, добытый с помощью ножа?»[77]

[77] Ibid. P. 193–194. “On one part, ye may the more easily liberal, since it comes not all from your selues; and yet vpon the other part, if yee giue more then is fit for good and louing Subjects to yeeld vpon such necessary occasions, yee abuse the King, and hurt the people; And such a gift I will neuer accept... For thought it was vainly said by one of your House, That yee had need to beware, that by giuing mee too much, your throats were not in danger of cutting at your comming home: yet may

Вместе с тем, Яков I предостерегает депутатов от отказа предоставить субсидии, «ссылаясь на бедность народа». Он без обиняков говорит им, что поступающие так лишатся «его милости и благорасположения», хотя, следуя долгу, он по-прежнему будет к ним справедлив. Далее риторика короля становиться еще более пафосной. Он обращается к риторическим фигурам «отец страны», «благо страны», «сохранение государства». «Нет такого, кто может уличить меня в конфликте с кем-либо, если спор велся пристойно и при веских основаниях. Но с тем, кто идет против закона, я не побоюсь войти в конфликт, ибо предоставление или отказ в предоставлении денег не является проявлением любви. И поэтому, когда речь заходит о моих нуждах, я только желаю, чтобы мне не отказывали в том, что является долгом, который я должен получать. Ибо я знаю, если бы среди вас был бы поставлен на обсуждение вопрос, следует или нет удовлетворить то, что хочет король, то здесь не оказалось бы ни одного, кто мог бы в этом усомниться. И хотя этот вопрос может казаться моим личным, его все-таки нельзя отделить от общего блага страны, ибо король это *отец страны*, который рассказывает вам о своих нуждах. Более того, *страна сама*, через его уста обращается к вам. Ибо то, чего хочет король, — хочет государство, и поэтому усиление короля является сохранением и укреплением государства. И пусть будет горе тому, кто отделяет благо короля от блага королевства. Ибо если король пребывает в скудости (сколь бы богат он когда-то не был) это сказывается на нашем бедном народе (ибо сердца и благосостояние народа являются главной сокровищницей короля), так и королевство наше неспособно существовать, сколь бы богатым

---

ye assure your selues, that I will euer bee lothe to presse you to doe that which may wrong the people, and make you iustly to bear the blame thereof... I euer detested the hunting for Emendicata Suffragia. A King that will rule and gouerne iustly, must haue regard to Conscience, Honour, Iudgement, in all his great Actions, (as your selfe M. Speaker remember the other day.) And therefore ye may assure your selues, That I euer limit all my great Actions within that compasse... For that were to giue me a purse with a knife".

и сильным когда-то не был народ, если его король нуждается в материальных ресурсах, чтобы укреплять свое государство. Ибо материальные ресурсы вашего короля, как в дни войны, так и в дни мира, — это жилы королевства. В дни мира я должен отправлять для вас правосудие, а в дни войны я обязан защищать вас войсками. Но ни то, ни другое я не могу осуществлять без достаточных материальных ресурсов, которые должны прийти в виде вашей помощи и поддержки. Я заявляю, что противно моей натуре становиться бременем моего народа, ибо меня, который был рожден, чтобы его просили, не может не огорчать необходимость просить других. Это правда, что я прошу больше, чем кто-либо из королей Англии, но я и имею более важную и обоснованную причину просить, чем когда-либо король Англии имел»[78].

Вслед за лордом-казначеем Робертом Сесилом король «вкратце» излагает четыре довода в пользу «справедливости» требуемой

[78] Ibid. P. 194–195. “No man can say, that euer I quarreled any man for refusing mee a Subsidie, if hee did it in a moderate fashion, and with good reasons: But for graunting or denying money, it is but an effect of loue. And therefore for the point of my necessities, I onely desire that I be not refused in that which of duety, I ought to haue: For I know if it were propound in the generall amongst you, whether the King want ought to be relieued or nor, there if not one of you, that would make question of it. And though in a sort this may seeme to be my particular; yet it can not bee diuided from the generall good of the Common wealth; For the King that is Parens Patriae, telles you of his wants. Nay, Patria ipsa by him speakes vnto you. For if the King want, the State wants, and therefore the strengthening of the King if the preseruation and the standing of the State; And woe be to him that diuides the weale of the King from the weale of the Kingdome. And as that King is miserable (how rich soeuer he bee) that rains ouer a poore people (for the hearts and reches of the people, are the Kings greatest treasure,) So is that Kingdome not able to subsist, how rich and potent soeuer the people be, if their King wants meanes to maintaine his State: for the meanes of your King are the sinews of the kingdome both in warre and peace: for in peace I must minister iustise vnto you, and in warre I must defend you by Armes: but neither of these can I do without sufficient meanes, which must come from your Aide and Supply. I confesse it is farre against my nature to be burthensome to my people: for it cannot but grieue me to craue of other, that was borne to begged of. It is trew, I craue more then euer King of England did; but I haue farre greater and iuster cause and reason to craue, then euer King of England had”.

помощи. Во-первых, с его приходом государство получило дополнительную корону и дополнительных подданных, что предполагает рост расходов. Во-вторых, у него есть «потомство и наследники», что требует «значительных тягот». Противопоставляя себя Елизавете Тюдор, Яков I напоминает депутатам: «Вы все знаете, что блаженной памяти последняя королева (несмотря на ее бездетность) собирала для себя больше, чем любой ее предшественник». В-третьих, приближающаяся креация наследного сына Генри не обойдется без денег[79].

Четвертый аргумент в устах короля превратился в длинное оправдание всех предшествующих семилетних расходов. Он не отрицает того, что его траты были значительными[80]. Но они, по его словам, были неизбежны, ибо затрагивали честь королевства, самого Якова и его предшественницы на престоле Елизаветы I. Должен ли он был, риторически вопрошает король депутатов, скаредничать на похоронах Елизаветы I, на торжествах и празднествах во время переезда в Англию, во время въезда в Лондон, на коронации и на приемах иностранных послов и делегаций. Опровергая доводы тех, кто считает, что предоставление помощи возможно только тогда, когда страна находится в состоянии войны, король заявляет о необходимости послать военную помощь Протестантской Унии Германии, которая начала борьбу за вымороченный престол герцогства Юлих-Берг с Католической Лигой. Кроме того, существенно урезав военное оснащение приграничного с Шотландией Бервика, он по-прежнему вынужден содержать всех тех офицеров, которые ему достались от Елизаветы. Еще остаются небольшие гарнизоны в фортах королевства, и с середины 1580-х гг. Англия продолжает держать солдат в двух голландских городах — Флашинг и Брилле. Изрядных и «неопределенных» расходов из-за склонности к мятежам все время требует Ирландия.

---

[79] Ibid. P. 195–196. “You all know that the late Queene of famous memory (notwithstanding her orbitie) had much giuen vnto her, and more then euer any of her predecessors had before her”.

[80] Ibid. P. 196. “It is trew I haue spent much...”

Год назад Якову I пришлось сильно поиздержаться, подавляя там восстание[81]. Он и впредь обещает сохранить в Ирландии армию, состоящую из «опытных и старых солдат», которая будет гарантировать безопасность Ольстера[82].

Яков I согласен, что в первые годы правления проявлял чрезмерную щедрость. Но, по его словам, этим он просто возвращал подданным то, что пришло в казну от них. При этом англичане всегда получали вдвое больше, чем шотландцы. Тому, кто не стесняется говорить об обилии золота и серебра, пролившемся якобы на Эдинбург, он желает пожить на подобные доходы в Англии. Полагая, что «река королевской щедрости не должна никогда пересохнуть», ибо иначе король не сможет «воздать должное своим слугам», он обещает стать менее расточительным. «Широта моих расходов, — уверяет он депутатов, — в прошлом... Рождество и прилив имеют конец». Лимитировано будет предоставление новых рыцарских и баронских званий. Но есть и те траты, от которых невозможно отказаться, это траты, направленные на поддержание «величия» (greatness) и «чести» (honour) королевства и короля. «Сейчас оно (величие, честь. — *С. К.*) не может быть поддержано случайными мерами, они должны исходить от народа... Никто, кроме народа, не может мне помочь... Я полагаю, что внутри и вне парламента есть добрые подданные, которые с удовольствием поддержат напрямую высокий статус своего короля, никто из них не станет беречь свои кошелки, которые они подвергают риску ночью, растрачивая впустую в кости и карты, или покупая коня ради удовольствия, который может сломать шею или ногу на следующее утро. Более того, я уверен, что любой добрый подданный сам скорее предпочтет жить скромнее, чем видеть, что его король вынужден испытывать нужду»[83].

---

[81] По-видимому король вел речь о восстании О'Догерти, случившимся весной–летом 1608 г.

[82] Ibid. P. 196–197.

[83] Ibid. P. 197–198. "Now this cannot be supplied out of the ayre or liquid elements, but must come from the people... I cannot be helped but from the people... I hope there

Яков I призывает депутатов побыстрее решить вопрос выделения денег, напомнив: Bis dat, qui cito dat. Ожидание помощи только увеличивает его долги, а значит, и последующие запросы. Он не обходит молчанием международный контекст проблемы. «Обратите внимание, глаза всех иностранных государств сосредоточены на этом деле, в ожидании того, каков будет результат». Отказ от помощи, по его словам, будет означать, что «мое государство настолько безнадежно, что не может быть исправлено, и что поэтому части парламента пребывают в ссоре с королем, а король относится с отвращением к парламенту, что не может не ослабить мою репутацию как дома, так и за границей». Государи, считает он, солидарны по отношению друг к другу и потенциально готовы помогать друг другу. Но тот, кто утрачивает такую возможность, выпадает из этого круга. Слабость королевской власти Англии станет очевидной, что может стать причиной внешней экспансии, пугает он депутатов. «Вы знайте, что если король упадет до того, что его начнут презирать соседи, это не может не вызвать их давления на него и войны с ним, и тогда, когда лекарство станет почти бесполезным, будет уже слишком поздно помогать королю. Болезни, предвиденные и предотвращенные, всегда легко излечиваются»[84].

---

are no good Subiects either within, or out of the Parliament House, that would not be content for setting streight once and setling the Hohourable State of their King, to spare so much euery one of them out of their purses, which peraduenture they would in one night throw away at Dice or Cards, or bestow vpon a horse for their fancies, that might breake his necke or his legge the next morning. Nay I am sure euery good Subiect would rather chuse to lieu more sparingly vpon his owne, then his Kings State should be in want".

[84] Ibid. P. 198–199. "Consider that the eyes of all forreine States are vpon this affaire, and in expectation what the successe thereof will be; And what can they thinke, if ye depart without relieuing mee in that proportion that may make me able to maintaine my State, but that either ye are vnwilling to helpe mee, thinking me vnworthy thereof, or at least that my State is so desperate, as it cannot be repaired, and so that the Parliament parts in disgrace with the King, and the King in distaste with the Parliament, which cannot but weaken my reputation both at home and abroad?... Ye know, that if King fall to be contemned with his neighbours, that cannot

Из текущих дел он советует (следуя французской поговорке: кто много начинает, не достигает ничего) сосредоточиться на трех: Боге/религии, государстве/общем благе (Common-wealth) и регулировании развлечений (matter of Pleasure).

Спустя пять лет после обнаружения Порохового заговора и, реагируя на излишнюю подозрительность англичан по отношению к католикам, он призывает подданных к умеренности. «У меня нет помысла побудить вас принять более строгие законы, чем те, которые уже существуют, но посмотрите, нельзя ли хорошо исполнять те законы, которые имеют силу. В противном случае, они не могут не утратить уважение и не прийти в упадок. Я никогда не считал, что пролитие крови и излишняя жестокость принесут пользу в делах религии. Ибо, помимо богословского правила, что никогда Господь насилием и пролитием крови не любит насаждать церковь свою, еще и естественный разум убеждает нас, и ежедневный опыт доказывает нам истинность того, что, когда люди подвергаются жестоким преследованиям за религию, смелое проявление духа, они скорее, чем справедливостью своего дела, обретают мужество сносить любые мучения или самую смерть, и получают ореол мученичества, хотя он и ложен»[85]. Вместе с тем он просит прояснить все темные места относительно применения присяги верности[86].

---

but bring an oppression and warre by them upon him, and then will it be too late to support the King, when the cure is almost desperate. Things foreseene and preuented, are eure easliest remedied".

[85] Ibid. P. 199. "I doe not meane by this to mooue you to make stronger Lawes then are already made, but see those Lawes may bee well execution that are in force; otherwise they cannot but fall into contempt and become rustie. I neuer found, that blood and too much seueritie did good in matters of Religion: for, besides that it is a sure rule in Diuinite, that God neuer loues to plant his Church by violence and bloodshed; naturall reason may euen perswarde vs, and deyly experience pooues it trew, That when men are seuerely persecuted for Religion, the gallantnesse of many mens of the cause, makes them to take a pride boldly to endure any torments, or death it selfe, to gaine thereby the reputation of Martyrdome, though but if a false shadow".

[86] Ibid. P. 200.

На его взгляд сами католики не едины: большинство из них придерживается «ложной» веры, но демонстрирует лояльность по отношению к короне. И лишь малая часть — рекузанты, — среди которой молодежь, принявшая католичество, — достойна беспрерывного преследования, выявления и наказания. «Что до первого разряда, я сожалею о них. У меня нет ненависти к ним, если они остаются добрыми и мирными подданными. Если бы я был частным лицом, я бы мог водить дружбу и вести беседы с некоторыми из них. Но что касается отступников, которых, как я знаю, ненавидят внутри их собственной секты, то я убежден, что я никогда не выкажу никакого благосклонного жеста по отношению к ним. Они все без исключения могут быть уверенными, что они никогда не найдут проявление милости, исходящей от меня. Значит, мне требуется правосудие, которое можно использовать по отношению к ним. Мне бы надо иметь закон, чтобы сурово карать за это, а вам надлежало бы озаботиться созданием его. Вы знаете, что в последние годы было много шума по поводу тайных убежищ. И я прошу вас, позвольте мне передать вопрос об убежище епископам и судьям, чтобы папистам больше негде было бы укрываться»[87].

Среди текущих первоочередных вопросов он считает необходимым скорейшее принятие закона, охраняющего леса. Законопроект об этом поступил в палату еще во время прошлой сессии, но из-за волокиты не был принят. Лес, отмечает король, важен как источник топлива, без которого не возможно обо-

[87] Ibid. P. 201. “For the former sort, I pitie them, but if they bee good and quiet Subiects, I hate not their persons; and if I were a priuate man, I could well keepe a ciuill friendship and conuersation with some of them: But as for those Apostates, who, I know, must be greatest haters of their owne Sect, I confesse I can neuer shew any fauourable countenance toward them, and they may all of them be sure without exception, that they shall neuer finde any more fauour of mee, further then I must needs in Iustice afford them. And those would I haue the Law to strike seuerelist vpon, and you carefullest to discouer. Yee know there hath beene great stirre kept for begging Concealements these years past; and I pray you, let mee begge this concealment both of the Bishops, and Iudges, That Papists by no longer concealed”.

греться и приготовить «мясо», и как сырье для изготовления судов. Следствием истребления лесов, предупреждает он, станет утрата кораблестроения, изоляция от внешнего мира и упадок морской торговли, «которая является главной основой нашего королевства»[88].

Для Якова I, который был страстным охотником, лес это еще и место развлечений, возможность насладиться «обычной и соколиной охотой»[89]. Дичь, по его мнению, тоже нуждается в защите, а принятый закон на это счет в улучшении. В частности, его не устраивает то место в законе, которое разрешает каждому «бедному фермеру» истреблять куропаток и фазанов, залетевших к нему в ограду, которых перед этим оберегали и разводили джентльмены. «Определенно, — не без горькой иронии заявляет Яков I, — я не знаю другого способа сохранения дичи, которая плодится в моих владениях, как сооружение над всеми ними крыши или окольцовывания лапок куропаток моими символами, такими же, какими окольцованы мои сокола». Только тогда, влетая в крестьянскую ограду, «королевские куропатки» станут узнаваемыми[90]. Охоту на куропаток и фазанов он считает благородным спортом, которая должна вестись джентльменами по-джентльменски, т. е. только в сезон промысла и без силков и ружей. Для «простого народа» добыча дичи «не должна быть свободной». Нельзя вести охоту в межсезонье, когда дичь не превосходит размером мышь. Но именно тогда пернатые десятками гибнут в когтях соколов, в пасти собак и под копытами лошадей. Следствием охоты в межсезонье становятся потравы зерновых[91].

---

[88] Ibid. P. 201–202.

[89] Ibid. P. 202.

[90] Ibid. P. 202. “Surely, I know no remedie for preseruing the Game that breedes in my grounds, except I cast a roofe ouer all the ground, or else put veruels to the Pertridges feet with me Armes vpon them, as my Hawkes haue: otherwise I know not how they shall bee knowen to be the Kings Partridges, when they light in a Farmours Close”.

[91] Ibid. P. 202–203.

Король негодовал и против другого закона, который специально запрещал «воровать» оленей и кроликов ночью, ибо это место истолковывалось «своевольными людьми», как разрешение добывать оленей и кроликов днем. Этот законодательный промах напоминает ему закон лакедемонян против воровства, «который не запрещал воровство, но учил делать это хитроумно и скрытно». Если не принять экстренные меры, с некоторым преувеличением замечает Яков I, то могут наступить времена, когда будет невозможно полакомиться олениной[92].

Заканчивая речь, король еще раз напомнил, что после того как он лично поведал депутатам о состоянии своего «кошелька», они должны вести себя еще более ответственно. «Если вы разойдетесь, не оказав каким-то разумным способом поддержку моему состоянию, что мир может подумать, кроме того, что подданные питают по отношению ко мне злую волю, которой порожден отказ». Они должны осознавать, что такое поведение ранит короля, и «пребывать в состоянии страха» из-за его недовольства, которому, впрочем, Яков I никогда не позволит проявиться.

Кроме того, открыв им, как в зеркале, «свое сердце», он просит депутатов правильно понимать и истолковывать его речь, не придавать словам «ложный смысл», и, наконец, не ронять и не разбивать «хрупкое стекло»[93].

Теперь, после детального, почти дословного, изложения достаточно длиной и стилистически не простой речи короля Якова I, можно подвести итоги. Композиционно речь Якова I распадается на две структурные части. В первой он излагает универсальные принципы монархического правления и свое виденье места короля и монархии в человеческом мироустройстве. Из его слов следует, что король является первым после Бога существом, или даже Богом, находящимся на земле. Сама максимальная приближенность государя к Богу ставить его над людьми свидетельствует о его совершенстве, величии и способности поддерживать до-

[92] Ibid. P. 202.
[93] Ibid. P. 203.

ставшийся от Бога порядок. Близость к Богу делает его власть абсолютной, т. е. способной создавать совершенные механизмы поддержания порядка. Верховенство короля в мире подтверждается сопоставлением его с отцом страны и отцом семейства, который вправе наказывать, перемещать, прощать, возвышать своих детей-подданных, и использованием органической метафоры, согласно которой атомарные подданные в совокупности образуют тело, а король представляет голову, которая разными функциональными мерами — лекарствами и кровопусканием — поддерживает тело в добром здравии. Но королю — как Богу, отцу и главе — требуется поддерживать еще и собственный статус (честь, почет и т. п.), для чего и требуется финансовая помощь подданных.

Вторая часть речи касается реальных практик и проблем. И из нее видно, что первое после Бога совершенное существо — король — живет в несовершенном мире, и у него не так уж много инструментов, чтобы улучшить мир людей. Подданные, судя по его высказываниям, и в парламенте, и вне Вестминстера, несмотря на запрет, позволяют обсуждать качества правящего государя и его деяния. И среди подданных немало таких, чьи представления о прекрасном сильно, а то и полностью расходятся с помыслами монарха. И именно этим разным, убогим и подозрительным подданным королю приходится объяснять свои внури- и внешнеполитические шаги. И хотя можно выказать гнев и покарать отдельных строптивцев, королю понятно, что это не принесет искомого результата. Глагол “to pray” («просить», «молить»), обращенный к депутатам, слишком часто встречается в его речи. Так же часто он говорит о существующих процедурных и традиционных лимитах власти, и о своей внутренней готовности никогда эти лимиты не переступать.

Понятно, что на поставленный в заглавии вопрос: может ли король все, — и королевская теория, и английская практика отвечали: в ординарных условиях — не может.

Несомненно, 21 марта 1610 г. король произнес речь в парламенте, надеясь ускорить предоставление финансовой помощи.

Мягкий и доброжелательный тон его выступления должен был, по замыслу составителя, вызывать симпатию у депутатов. Структура выступления свидетельствует о том, что Яков I стремился дать ответы на самые актуальные вопросы, избавить от подозрений и развеять сомнения. Демонстрируемое почтение к общему праву и осуждение расширительных истолкований королевской власти Джона Коуэлла призваны были подтвердить незыблемость, а значит, в соответствии с ценностными ориентациями предреволюционной Англии, истинность и справедливость доставшегося ему по наследству порядка. Он не отрицал, что элементы существующего государственного механизма работают неэффективно, но и не собирался потворствовать разрушению некоторых его конструкций. Пассажи в защиту критикуемой повсеместно и жестко Высокой комиссии достаточно красноречивы. Обсуждать совместно с подданными традиционное устройство государственного управления, которое считалось частью абсолютной прерогативы монархов, он, впрочем, тоже не собирался, ибо считал последнее недопустимым.

И, в заключение, два слова об абсолютизме. Действительно, в речи Якова I встречается прилагательное “absolute”, но его «абсолютизм» слишком далек от тех типологических интерпретаций «старого порядка», которые достались нам еще от либеральной мысли и историографии XIX в., далек он и от породившей эти интерпретации французской модели времен Людовика XIV.

Глава II
ГОЛОС ДЖОНА КОУЭЛЛА

В 1607 г. в Кембридже из типографии Джона Лигейта вышло издание с весьма длинным даже по меркам тех дней (а тогда пространные заглавия были обычным явлением) названием «Интерпретатор, или Книга, содержащая значения слов, в которой представлено правильное понимание всех или большей части слов и терминов, используемых в работах правоведов или статутах нашего победоносного и славного королевства, требующих разъяснения или истолкования». Краткая аннотация к этому словарю юридических терминов сообщала, что данная «работа не только полезна, но и необходима тем, кто хочет ознакомиться с нашими законами, статутами и прочими древностями». Эпиграфом к книге стало латинское выражение «в праве неопределенность вредна» (In Legum abscuritate captio)[94].

[94] Cowell John. The Interpreter: or book containing the signification of words: wherein is set foorth the true meaning of all, or the most part of fueh words and termes, as are mentioned in the Laws Writers, or Statutes of this victorious and renowned Kingdom, requiring any exposition or interpretation. Cambridge, 1607.

Авторство словаря принадлежало Джону Коуэллу (1554–1611), доктору и профессору римского права в Кембридже. К моменту издания книги Джон Коуэлл был признанным авторитетом в области римского права. В 1594 г. он стал руководить одноименной кафедрой в Кембридже, а спустя четыре года возглавил в университете один из старейших колледжей — Тринити-Холл. В 1605 г. Дж. Коуэлл публикует на латыни свою первую книгу «Институции законов Англии»[95]. Правовед был личным другом архиепископа Ричарда Банкрофта, который получил Кентерберийскую епархию в 1604 г. По-видимому, Дж. Коуэлл приложил руку к написанию знаменитых «Статей духовенства», поданных Якову I от лица англиканского клира в 1605 г., и содержащих требование оградить церковную юрисдикцию от посягательств со стороны юристов общего права[96]. В 1608 г. Банкрофт назначил Дж. Коуэлла своим административным помощником (vicar-general)[97]. Не исключено, что именно архиепископ подтолкнул юриста к сочинению словаря. Как известно, в 1606 г. Ричард Банкрофт потребовал собрать доводы и показать, что «королю принадлежит власть слушать и решать все вопросы, когда на то будет его желание»[98].

Словарь, предназначенный для изучающих право, очень быстро привлек к себе внимание своими формулировками. Созванная в феврале 1610 г. парламентская сессия среди язв королевства обнаружила и книгу Дж. Коуэлла. Впервые, 23 февраля, об этом заявил депутат нижней палаты Джон Хоскинс[99]. 27 февраля палата

---

[95] Idem. Institutiones Juris Anglicani. Cambridge, 1605.

[96] Lockyer R. The Early Stuarts. A Political History of England 1603–1642. London, 1989. P. 60. О содержании «Статей духовенства» см.: Кондратьев С. В. Юристы в предреволюционной Англии (Политические и правовые воззрения). Шадринск, 1993. С. 64–70.

[97] Sommerville J. P. Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603–1640. 2nd ed. London, 1999. P. 113–114.

[98] Ibid. P. 114.

[99] Proceedings in Parliament 1610. V. 2. House of Commons / Ed. by E.R. Foster. New Haven, 1966. P. 33 (Далее: PP).

лордов получила послание от коммонеров с просьбой сформировать «комитет», который должен будет изучить отдельные места книги и «наказать» автора словаря. Сразу же слово взял архиепископ Банкрофт, назвавший Дж. Коуэлла «честнейшим человеком и значительным ученым», и выразивший надежду, что депутаты к его викарию не будут слишком суровы. Лорд-казначей Роберт Сесил согласился, что палатам нужно провести по поводу книги цивилиста конференцию, которая должна ее содержание изучить, ибо «наказание должно следовать за расследованием»[100].

2 марта состоялась первая совместная конференция палат, в ходе которой генеральный атторней королевства Генри Хобарт признал отдельные «разделы книги опасными», а один из двух Мартинов (либо Роберт, либо Генри. — *С. К.*), заседавших в нижней палате, перечислил эти разделы. Вот они: «Парламент», (Parliament), «Прерогатива» (Prerogative), «Король» (King), «Субсидия» (Subsidy), Литтлетон (Littleton), «Представители духовенства» (Proctors of the clergy), «Приказ о запрещении» (Prohibition), «Возмещение» (Recovery)[101].

В разделах «Возмещение» и «Литтлетон» доктор римского права не без иронии отозвался о Томасе Литтлетоне, оставившем еще в середине XV в. книгу о держаниях, которая в частности содержала описание специальной ограниченной процедуры (“tail”, “recovery”) передачи наследства, которую часто использовали мошенники. «Приказ о запрещении», которым суды общего права приостанавливали судопроизводство в церковных судах, Дж. Коуэлл считал устаревшим. На его взгляд, «Приказ о запрещении» появился в предреформационную эпоху, когда церковная юрисдикция подчинялась Риму, и «Приказ о запрещении» давал короне возможность контролировать деятельность клира. Реформация подчинила церковную юрисдикцию королевской власти и надобность в «запрещениях» отпала. Продолжающаяся выдача

[100] PP. Vol. 1. House of Lords. P. 18.
[101] PP. Vol. 1. P. 24–25; Vol. 2. P. 37–39.

«запрещений» судами общего права именовалась юристом «трюками» (quirks), которые утомляют подданного и задерживают его вступление в свое право. В разделе «Представители духовенства» Дж. Коуэлл писал, что раньше клирики, как и «рыцари, горожане и бароны пяти портов», имели своих представителей в нижней палате. А после того, как они оттуда были выведены, церковь «делается слабее день ото дня». «Я молю Господа, — восклицал Дж. Коуэлл, — чтобы в короткое время ее не уморили окончательно, и чтобы ее права (liberties) укрепились»[102].

Основное возмущение депутатов вызвали разделы, посвященные королевской власти и парламенту. Именно они представляют для нас наибольший интерес. Воспроизведем их подробнее. Итак, «королем... именуется тот, кто обладает высочайшей и абсолютной властью над всей нашей страной, и в отношении короля право гласит, что он свободен от тех недостатков, которым подвержены обычные люди». Поэтому его всегда считают половозрелым, даже если он юн. Он не подвержен смерти, и его тело всегда живо. «Он выше права в силу своей абсолютной власти... И хотя для лучшего и более правильного способа выработки законов он действительно допускает в совет три сословия, т. е. лордов духовных, лордов светских и общины, все же, по мнению разных ученых мужей, делает он это не по обязанности, а по собственной милости или по обещанию, сделанному под присягой во время коронации». Если бы было по-другому, то король бы подпадал под подданство и субординацию, «о чем нельзя помыслить, не нарушая долга и верности. Ибо затем мы должны отказать ему в том, чтобы стоять выше законов и иметь власть приостанавливать какой-либо отдельный закон, или даровать особые привилегии и хартии, а это есть его очевидное право». Король дарует жизнь злоумышляющим против короны, исключая случаи, оговоренные

[102] Cowell John. The Interpreter. “Littleton”, “Prohibition”, “Proctors of the clergy”, “Recovery”. Относительно «запрещений» Дж. Коуэлл воспроизводил аргументацию, которая содержалась в «Статьях духовенства» 1605 г.

в его присяге, которой он связал себя. «И хотя во время коронации он приносит присягу не менять законы страны, невзирая на эту клятву, он может изменить или приостановить любой отдельный закон, который покажется пагубным для общества». Так много об этом, «потому что я слышал мнение, что законы выше короля». Своей высшей природой короли дают старт всему, что делается в их присутствии. Королю принадлежат многие прерогативы, которые ставят его выше обычного человека[103].

Очевидно, что к разделу «Король» непосредственно примыкает лемма «прерогатива короля». «Прерогатива короля, — читаем у Дж. Коуэлла, — эта особая власть, превосходство или привилегия, которую король имеет повсюду, и которая ставит его выше других лиц и выше общего права... Юристы римского права используют это слово (прерогатива) в аналогичном значении... Встречается

---

[103] Ibid. "King". "King (Rex) is... signifying him that hath the highest power and absolute rule ouer whole Land, and thereupon the King is in intendment of Law cleared of those defects, that common persons be subject vnto. For he is alwais supposed to be full age, though he be in years neuer so young... He is taken as not subject to death, but is a Corporation in himself that liueth euer... He is aboue the Law by his absolute power... And although for the better and equall course in making Lawes he doe admitte 3 estates, that is, Lords Spirituall, Lords temporall, and the Commons vnto Councell: yet this, diuers learned mens opinions, is not of constreinte, but of his owne benignitie, or by reason of his promise made vpon oath, at the time of his coronation. For otherwise were he a subject after a sort and subordinate, which may not bee thought without breach of duty and loyalyie. For then must we deny him to be aboue the lawe, and to have no power of dispensing with any positiue lawe, or of graunting especiall priuiledges and charters vnto any, which is his onely and clear right... For hee pardoneth life and limme of offendourse against his crowne and dignitie, except such as he bindeth himselfe by oath not to forgiue... And though at his coronation he take an oath alter the lawes of the land: Yet this oath nothwistanding, hee may alter or suspend any particular lawe that seemeth hurtfull to the publike estate... That much in short, because I haue heard some to be of opinion, that the lawes be aboue king... The kings only testimonie of any thing done in his presence, is of as high nature and credite as any Record. Whence it cometh, that in all write or precepts sent out for the dispatch of Iustice, he vseth none other witnesse but himselfe, always vsing these words under it, Teste me ipso... He hath in the right of his crowne many prerogatiues aboue any common person..."

этот термин у февдистов[104] (ius regalium, ius regalium vel a nonnullis ius regaliarum). Но как у февдистов под «sub iure regalium», так и у наших юристов общего права под «sub praerogatiua regis» включается вся та же высшая абсолютная власть, которую юристы римского права называют (maiestatem, vel potestatem, vel ius imperii) подчиняющейся только Богу». Regalia февдисты подразделяют на два вида, regalia большая, высшая, и малая (maiora, sc. et minora regalia). Первый вид подразумевает прерогативу, превосходство, величие и власть в высшем смысле слова, второй вид означает власть практическую, повседневную, регулирующую вопросы собственности и налогообложение. «Другие также проводят различие между “maiora regalia”, которое относится к достоинству государя, и “minoria”, которое означает его казну». Если взглянуть на статут 1324 г.[105], то становится ясно, что он содержит перечисление не всех прерогатив, а только тех, которые «касаются доходов казны» и вообще финансов. Например, у короля есть прерогатива получать первому по обязательствам подданных и ради этого давать защиту должникам перед их кредиторами... Что касается regalities в высшем смысле, «то нет такой прерогативы у самого абсолютного государя в мире, которая бы также не принадлежала нашему королю». Исключение составляет обычай, согласно которому «он не создает законы без согласия трех сословий королевства, хотя может отменить любой закон, принятый ими. А является ли его власть создавать законы ограниченной или... нет, я оставляю на усмотрение мудрых мужей. Но я неизменно держусь того, что король Англии — это абсолютный король. Все образованные политические писатели, действительно, относят власть создавать законы к признакам высшей и абсолютной власти». К высшей regalia относится: учение о полноте власти, а из него следует право создавать законы, объявлять войну, создавать комиссии и наделять

[104] Февдисты — французские юристы, знатоки кутюмов, т. е. обычного права, регулирующего поземельные отношения.

[105] Статут времен правления короля Эдуарда II (1307–1327).

их полномочиями, право расследовать деятельность должностных лиц, легитимировать незаконнорожденных, право восстанавливать в правах, оказывать благодеяние, наделять титулами, вводить ученые звания, назначать должностных лиц, нотариусов и клерков, аноблировать, право чеканить монету, вводить новые налоги и увеличивать старые.

К малой regalia относятся дороги, регулирование речной навигации, порты и надзор за морским побережьем, налогообложение, накладывание штрафов, вопросы хозяйственной деятельности, вымороченное имущество, возврат неправедно отнятого, добро, отошедшее посредством брачного инцеста, добро преступников и поставленных вне закона, а также кладбища, деятельность менял, рынки, рыбные промыслы, соляные копи, добро преступивших закон должностных лиц.

Дж. Коуэлл подчеркивает, что оба рода regalia можно встретить в «империи и в других иностранных государствах», но эти полномочия «легко сопоставимы с прерогативами нашего короля»[106].

---

[106] Cowell John. The Interpreter. “Prerogatiue”. “Prerogartiuve of the King (Praerogariua Regis) is that especiall power, preeminence, or priuiledge that the King hath in any kinde, ouer and aboue other persons, and aboue the ordinarie course of the common lawe, in the right of his crowne. And this word (Praerogatiua) is vsed by the Ciuilians in the same sense. Among the Feudists this is termed (ius regalium, ius rcgaliorum vel a nonnullis ius regaliorum). But as the Feudists, sub iure rsgalium, soe our lawyers (sub prarogatiua regis) doe comprise also, all that absolute heighth of power that the Ciuilians call (maiestatem, vel potestatem, vet ius imperi,i) subiect only to god: which (regalia) the Feudists diuide into two sorts, maiora, sc. et minora regulie, for to vse their owne words, Quaedam regalia, dignitatem, praerogatiuam, et emperii praeeminentiam spectant: quaedam vero ad vtilitatem, et commodium pecuniarium immediate attinent: et haec proprie fiscalia sunt, et ad ius fisci pertinent... Others also make those (maiora regalia) that appertaine to the dignitie of the prince, and those minora, which inrich his cofers... By this it appeareth, that the statute of the Kings prerogatiue made an. 17. Ed. 2. conteineth not the summe of the Kings whole prerogatiue, but onely so much thereof, concernes the profit of his cofers growing by vertue of his regall power and crowne, for it is more than manifest, that his prerogatiue reacheth much farder: yea euen in the maters of his profit, which that statute especially consisteth of. For example, it is the kings prerogatiue to graunt protection vnto his debtours against other creditours, vntill himselfe be satisfied... Now for those regalities

Можно подвести промежуточный итог. В соответствии с представлением тех дней, Дж. Коуэлл отделяет естественное, т. е. стареющее, дряхлеющее, смертное, тело монарха от его политического тела. Ибо в политическом смысле власть, носителем которой был король, считалась бессмертной, следовательно, бессмертным считался и ее обладатель. Цивилист под “absolute” понимает не

---

which are of the higher nature (all being within the compas of his prerogatiue, and iustly to be comprised vnder that title) there is not one that belonged to the most absolute prince in the world, which doth not also belong to our king, except the custome of the nations so differ (as indeede they doe) that one thing be in the one accompted à regalitie, that ø another is none. Onely by the custom of this kingdome, he maketh no lawes without the consent of the 3. estates though he may quash any lawe concluded of by them. And whether his power of making lawes be restreined (de necessitate) or of a godly and commendable policy, not to be altered without great perill, I leaue to he iudgement of wiser men. But I hold it incontrowlable, that the king of England is an absolute king. And all learned politicians doe range the power of making lawes, inter insignia summae et absoiutae potestatis. Maiora autem regalia sunt haec: clausula plenitudinis potestatis, et ex ea aliquid statuere, leges condere, ac eas omnibus et singulis dare, bellum indicere, belli indicendi licentiam alii dare, pronunciare ita vt à sententia appellari non possit, committere siue delegare alicui causam cum clausula appellatione remota, cognoscere de crimine laesae maiestatis, legitimare per rescriptum eos qui extra legitimum matrimonium nati sunt, ad famam, honores et natales in integrum restituere, veniam aetatis dare, creare Duces, Marchiones, Comites, regnum in feudum concedere. Huc referri potest ius erigendi scholam, quae hodie Vniuersitas vel Academia appellatur, etiam ius creandi doctores, gradu licentiae aliquem insigniendi, creandi magistratus, tabelliones, sius notarios, ius dandi insignia nobilitatis, siue nobiles creandi, ius cudendae monetae, noua vectigalia instituendi, vel institute vectigalia augend... So that those other which are mentioned in libris feudorum, and the interpreters of them, are (at the least for the most part) iustly called regalia minora, as armandiae, viae publicae, flumina nauigantiae, portus, ripalia, vectigalia, monetae, muletarum poenarumq; compendia, bona vacantia, bona quae indigni auferuntur, bona eorum qui incestium matrimonium contrabunt, bona damnatorum, et proscriporum, angariae et parangariae, axtraordinariae ad expeditionem imperatoris collations, potestas creandorum magistratuum ad iusticiam exequendam, argentarie, palatial in ciuitatibus constituta, piscationum reditus, salinarum reditus, bona committentium crimen laesae maiestatis, thefaurus inuentus. By setting downe these regalities of both sorts, as they are accoumpted in the Empire, and other forein kingdomes, they may be the more easily compared with our kings prerogatiues, and so the differences noted betweene vs and them...”

только власть полную и высшую, но и совершенную. Именно в силу своего совершенства, король от рождения лишен изъянов и считается взрослым и умудренным. Полученное то ли от рождения, то ли переданное вместе с короной высокое совершенство ставить английского короля не только над подданными, но и над правом. Король, как высшее и совершенное существо, способен и без помощи парламента принимать законы. Даже принесенная им во время коронации присяга не ограничивает короля в деяниях. По своей высшей и малой прерогативе английский король равен императору и монархам Европы.

Следующий термин «парламент». «Парламент — французское слово, изначально означающее то же, что «помещение» (collocutio), или «обсуждение» (colloquium); однако оно также используется во французском королевстве применительно к высшим судам, где публично разбираются проблемы людей, сторон и состояний». Далее у Дж. Коуэлла идет перечисление городов и провинций, где такие парламенты имеются.

«В Англии, — читаем дальше, — мы используем это слово для обозначения собрания короля и трех сословий королевства, а именно: лордов духовных, лордов светских и общин, встречающихся для обсуждения проблем государства, особенно для создания и исправления законов. По своему авторитету это собрание, или суд, стоит выше всех прочих». Проведя исторические изыскания, Дж. Коуэлл, приходит к выводу, что следы существования парламента уходят в донормандскую эпоху. Уже Эдуард Исповедник «держал парламент». «Относительно полномочий этого суда, я нашел в «Анналах» Стоу[107], что Генрих VI повелел Ричарду, графу Уорвику[108] документом, скрепленным его печаткой,

---

[107] Джон Стоу (1525–1605) — английский историк и антиквар, известен своими «Описанием Лондона и Вестминстера», «Анналами Англии» и другими произведениями. Упоминаемые Дж. Коуэллом «Анналы Англии» Дж. Стоу впервые были изданы в 1580 г.

[108] Ричард, граф Уорвик (1428–1471), активный участник войны Алой и Белой Розы, получивший прозвище «делатель королей». Был сторонников Йорков.

оставить должность капитана города Кале. Граф отказался повиноваться королевской печатке и продолжил занимать должность на основании того, что получил ее от парламента. Но единичный пример не может породить доброго учения. Только одно может быть верным: либо король выше парламента, т. е. позитивных законов королевства, либо он — не абсолютный король». Хотя милостивая политика, дабы не вызывать опасность и жалоб на пристрастность, состоит в том, чтобы не делать законов без согласия всего королевства, но «просто привязать или связать этими законами государя, значит, разрушать природу и устройство абсолютной монархии»... «Образованный Отман в своей «Франкогаллии»[109], как и некоторые другие, которые пишут по углам, страстно оспаривает это положение», впрочем, он уже осознал содеянное и просит у Бога милости за сочинение «этой ложной и мятежной книги». «Римские императоры имели свой семестровый совет и свое помещение, или место совета, построенное Августом в своем дворце, и поэтому названное палатиумом, а позднее консисторией, где они, как в главном суде, разбирали и тяжбы сторон, и создавали свои конституции. И здесь им ассистировали многие мудрые из их империи, те, кого Август впервые назвал советниками, а Александр Север позднее — хранителями, другие еще позднее — служащими дворца, и затем — членами консистории. И эти люди в силу их статуса были наделены почтением и обладали многими привилегиями. Но они были только помощниками императора, могли советовать ему, а не претендовать на власть над ним или на то, чтобы быть равными ему»[110].

---

[109] Франсуа Отман (1524–1590), юрист и политический писатель. В 1547 г. Отман перешел в протестантизм. Самым важным его произведением считается «Франкогаллия», впервые изданная в 1573 г., где Отман противопоставлял современному королевскому правлению выборное правление франков.

[110] Cowell John. The Interpreter. “Parlament”. “Parlament (parliamentum) is a French word signifiing originally as much as (Collocutio) or (colloquium) but by vse, it is also taken for those high courts of Iustice throughout the kingdome of Fraunce, where mens causes and differences are publikely determined without farder appeale... In England we vse it for the assembly of the king and the three estates of the Realme, videlicet. the Lords Spirituall, the Lords Temporall, and commons, for the debating of

Наконец «субсидия». «Субсидия» — происходит от французского слова “sudside”, означающего налог или подать, устанавливаемую парламентом и накладываемую палатой общин на каждого подданного в соответствии со стоимостью его земли или

---

maters touching the common wealth, and commons, for the debating of maters touching the common wealth and especially the making and correcting of the lawes. which assembly or court is of all other the highest, and of greatest authoritie. As you may read in Sir Thomas Smith, de Repub. Anglo. lib. 2 cap. 1 and 2. Camd. Britan. page 112. and Cromptons Iurisd. fo1. pri. et seqq. The institution of this court Polydor Virgil of his Chronicles, referreth after a sort to Henry the first: yet confessing that it was vsed before, though verie seldome. I find. in the former prologue of the Grande Custumarie of Normandie, that the Normans vsed the same meanes in making their lawes. And I haue seene a monument of Antiquite, shewing the maner of houlding this parlament in the time of King Ediward the sonne of King Etheldred, which (as my note saith) was deliuered by the discreeter sorte of the Realme vnto William the Conquerour, at his commaundement, and allowed by him.... Touching the great authoritie of this court, I find in Stowes Annalls, pag. 660 that Henry the sixth directing his priuie seale to Richard Earle of Warwick, thereby to discharge him of the Captainship of Cales, the Earle refused to obey the priuie вeale, and continued forth the said office, because he receiued it by Parlament. But one example cannot make good a doctrine. And of these two one must needes be true, that either the king is aboue the Parlament, that is, the positive lawes of his kingdome, or els that he is not an absolute king... And therefore though it be a mercifull policie, and also a politique mercie (not alterable without graet peril) to make lawes by the consent of the whole Realme, because so no one part shall haue cause to complaine of a partialitie, yet simply to binde the prince to or by these lawes, weare repugnant to the nature and constitution of an absolute monarchy... That learned Hotman in his Francogalila, doth vehemently oppugne this ground, as some other that write on corners: but he is so cleane ouerborne by the pois of reason, that not onely many meaner men for learning triumph ouer him in this case, but himselfe, as I haue credibly hard, vpon the sight of his fault, cried God and the world mercie for his offence, in writing that erroneous and seditious booke. The Emperours of Roma had their semestria consilia, and their praetorium or place of councell, builded by Augustus in his palace, and therevpon called (palatium) afterward termed (consistorium) where they, as in their principall court, did both determine the greatest sort of their causes, and also made their constitutions. And heere had they assisting them many of the wisest of their empire; whome Augustus first called (consiliarios), Alexander Severus afterward (scriniorum principes) others after that (palstinos) and, then (comites consistorianos). And these men in this respect, were indued with great honour, and enioyed many priuiledges. Yet were they but assistants to the Emperour to aduise him, not chalenging any power ouer him, or equal with him...”

движимого имущества по ставке 4 шиллинга с фунта за землю и 2 шиллинга 8 пенсов за движимое имущество...». Некоторые придерживаются мнения, что субсидию подданный дает государю в качестве компенсации за его готовность принимать согласие подданного, хотя по своей абсолютной власти государь мог бы создавать законы самостоятельно[111].

В правовой дискурсологии тех дней указание на французские аналогии слов «парламент» и «субсидия» встречалось повсеместно. Таким же заурядным явлением было удревнение истории парламента. Только немногочисленная прослойка антикваров ставила англосаксонское происхождение английского парламента под сомнение[112]. Однако, последнее являлось в большей степени ученым, чем политическим спором. А вот проведение даже косвенных аналогий с императорским Римом и тем более утверждение (несмотря на все оговорки Дж. Коуэлла), что король может принимать законы и вводить налоги без согласия парламента и подданных, слишком сильно отличались от политико-правовых представлений большинства юристов общего права и депутатов парламента. Именно поэтому они и выступили против книги цивилиста. Правда, развернуться дискуссии в нижней палате помешал сам король и правительство, которые, нуждаясь в деньгах подданных, поспешили вмешаться и развеять все сомнения парламентариев.

---

[111] Ibid. “Subsidie”. “Subsidie (Subsidium) cometh of the French (subside) signifying a taxe or tribute assessed by Parlament, and graunted by the commons to be leuied of euery subiect, according to the value of his lands or goods after the rate of 4. shillings in the pound for land, and 2. shillings 8. pence or goods, as it is most commonly vsed at this day. Some hold opinion, that this subsidie is graunted by the subiect to the Prince, in recompence or consideration, that whereas the Prince of his absolute power, might make lawes of himselfe, he doth of fauour admit the consent of his subiects herein, that all things in their owne confession may be done with the greater indifference...”

[112] Кондратьев С. В. Парламент в политико-правовой мысли предреволюционной Англии // Правоведение. 1998. № 4; Его же. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996. Гл. III.

5 марта 1610 г. лорд-казначей Роберт Сесил, высказав сомнение по поводу вины Дж. Коуэлла, призвал депутатов еще раз спокойно изучить «Интерпретатора». Одновременно он заметил, что парламент и король представляют единое «тело», и в своих выступлениях депутаты не должны «отделять голову от тела, ибо тогда не будет и самого тела»[113].

Но спустя три дня, 8 марта, лорд-казначей уже докладывал верхней палате, что у короля появилось несогласие с рядом положений книги Дж. Коуэлла. От имени Якова I Роберт Сесил заявил, что цивилист слишком вольно обошелся с общим правом, «допустил ошибки» характеризуя парламент и «написал о предмете, который находится вне его суждений». Этот предмет — на чем всегда настаивали английские монархи — королевская прерогатива. «По праву латинских наций и по праву нашего королевства, он (король. — *С. К.*) обладает такой же абсолютной властью, какой всегда обладал любой монарх в нашем королевстве». В своей деятельности король всегда ставит благо народа выше собственных желаний. Именно поэтому ему бы не хотелось, чтобы парламент отвлекался от важных дел и занимался книгой Дж. Коуэлла. Относительно субсидий, «Его Величество... придерживается того, что они не принадлежат его прерогативе, но происходят от любви

[113] PP. Vol. 1. P. 27. “My Lord Treasurer said, now we have heard what exceptions they take thereat, it were the fittest to appoint some time to have conference again with them about it, for it were very unfitting the gravity of this House to punish before we had duly examined and that he thought the book, being written out of parliament, and touching no particular member of the body, for to punish in this particular, not knowing whether there were any the like precedent or any near hereunto, he liked not, for else he could not for any reasons he saw yet give consent for his punishment and although he was the weakest amongst us, yet vulgar and mean capacities may propound questions co be resolved of wiser men. In this matter, we must not speak of it dividing the head from the body, for then it is no body. In actions we must consider the beginnings, for quod ab origine malum, semper malum, which must be respected whether this be so or not; but, my Lords, if you please to like of my motion, 1 think by this manner of proceeding to confer with them and, as there is cause to correspond, we shall run the way of order, the way of gravity, and the way of safety”.

и желания его подданных оказать ему помощь»[114]. Сам лорд-казначей теперь нашел «некоторые положения этой книги весьма поверхностными»[115].

В этот же день Роберту Сесилю пришлось выступать перед нижней палатой, где он после обязательных подчеркнутых любезностей, адресованных депутатам, заметил, что «монархи в писании названы земными богами», что законы были впервые привнесены на землю в момент потрясений, что монархия испытывает шок, когда законы разрушаются, что законы сравнимы с бастионами и стенами города, в них безопасность подданного, ядовитой змее подобен тот, кто хочет подорвать законы. Касаться прерогативы

---

[114] PP. Vol. I. P. 29. “The King doth exceptions at Cowell's book and is pleased to give me leave to deliver this that followeth. That in this his book called The Interpreter, he is too bold with the common law, which being the law he enjoyeth, he and all others to reverence that law under which government he breatheth, and that he mistaketh the dignity of parliament and over-curiously write in that subject, which is out of his proper element. Although by the law of Latin nations and the law of this realm, he hath as absolute power as ever any monarch in this kingdom, therefore for this matter to treat of his power and prerogative, he holdeth not fit to be called into probleme, knowing very well that the Pope looketh into business of this kind and that now he would be glad to see his power set down and limited, who never meaneth to pass his bounds but always anteponere salutem populi ante voluntatem. For these reasons, the King will not have this thing brought in question, but shall be careful and anxious that the parliament shall not be troubled hereafter with such businesses, and such a care and course shall be taken that nothing shall be written which shall touch the fundamental laws of this kingdom, holding it not safe in a settled state and commonwealth to touch the foundation. His opinion concerning subsidies, his Majesty holdeth as fond as the rest and his Majesty before subsidies are granted holdeth that they belong not unto him of right, but merely proceed out of the love and benevolence of his subjects. Now, my Lords, I have nothing to speak of myself, but this from his Majesty, which 1 hope you do embrace with a great deal of reverence and thankfulness”.

[115] PP. Vol. I. P. 30. “Lord Treasurer. I do allow and consent unto the King's judgment that there are some things in the book very idle and 1 shall like Cambridge the worse whilst 1 live for suffering it to pass; but yet seeing it is passed, 1 hold it fit not to be disputed of, though 1 was of another opinion at the first and that it was good to look precedents of matters of this nature. The parliament may be wounded in the head, in the upper part of the body, in the lower part, he is not an honest man that looketh not as well upward as downward”.

государя, по мнению лорда-казначея, вообще опасно, поскольку «небесный огонь» легко может опалить губы витийствующего на эту тему[116]. Затем он сказал: «Король предпринял изучение книги доктора Коуэлла, названной «Интерпретатор», и он считает, что он имеет одну власть, верхняя палата — другую, а нижняя — третью, соединение интересов происходит в точке выработки законов, предоставления субсидии и представлений о чести. Хотя и коротко, но король вызывал Коуэлла и допрашивал его. Он находит того слишком вольным в обращении с общим правом, ибо любой человек должен уважать то право, по которому он живет»[117]. Есть в книге и другие «курьезные» вещи. «Знай он о них накануне печатания книги, и она была бы запрещена». Король не считает себя связанным избранной властью и зависимым от народной любви[118]. «Он (король. — *С. К.*) говорит, что только право Англии

---

[116] PP. Vol. 2. P. 48. "...That the kings were called in scripture gods on earth, in Plutarch simulacra dei; that when laws were first delivered the earth trembled; that the monarchy will shake when they are undermined; that they are the bulwarks and walls of the city, the safety of the subject, he that seeketh to undermine or throw them down maliciously he meant the serpent will bite him saith the preacher. Concerning the prerogative power of princes, the Earl said it is an unsafe thing to be overenvious for as they that wrestle with God may come soon low with Jacob so that prerogative of the prince might be likened to that heavenly fire which burnt the lips when he sought to play with it..."

[117] PP. 1. P. 30. "The King hath entered into consideration of Dr. Cowell's book, called The Interpreter, and he thinketh he hath one power, the higher House another, and the lower House another, yet union of interest in point of laws, subsidy, honor. The King called Cowell and examined him strictly, though summarily. He thought him too bold with the common law, for every man is to reverence that law wherein he liveth..."

[118] PP. Vol. I. P. 30–31. "And that he waded too curiously in some things, which book, if he had known of before the printing, should have been suppressed. You see what the King hath done, would have done; and what he will do, that remaineth for me co tell you. The King taketh himself tied unto по elected power..." PP. Vol. 2. P. 49 "The King upon a slight view for lack of time took notice of the exceptions against Dr. Cowell's book; that he had called the party, examined him strictly but summarily, that upon view and hearing thereof he found him in some things too bold with the common laws of the realm; that his Majesty holdeth it presumption in any man to speak against that law under which he must live; that this man had mistaken the fundamental points and constitutions of parliament and waded more curiously in them than a subject ought,

держит корону, которой он обладает; он — король по праву наследования и по рождению»[119]. Он всем обязан линии удачи и силе чресл своих предков, естественному праву, праву наций, праву королевства; обязан общему праву, благодаря которому «он — наш король»[120]. Король считает книги голосами времени, они иногда печатаются в спешке, и такие книги, как книга Коуэлла, не должны печататься впредь[121]. «Он считает, что такой голос не должен достаться грядущим временам, чтобы они слышали, что король может создавать законы без сословий или что субсидии даются ему потому, что он король»[122]. «Его Величество не думает, что он может создавать законы без участия трех сословий, и что у него есть право на взимание субсидий; такое мнение он осуждает, а сам просто считает и признает, что субсидии исходят от любви и привязанности к нему его народа. Король и сословия — это близнецы, они оба вырастают из эмбриона и укрепляются совместно... Он обещает, что книга будет изъята и запрещена»[123].

---

which if his Majesty had known before (though out of parliament) he would have suppressed, as he intends to do this and give order for prevention of the like hereafter. But as we are curious or rather careful to preserve the privileges of parliament, to live under the protection of law, which is our birthright, so is it both a tender and dangerous thing to submit the power of a king co definition. The King takes himself to be beholding to по elective power, depends upon по popular applause..."

[119] PP. Vol. I. P. 31. "...But by the laws of England holdeth the crown he enjoyeth and is a king by right of inheritance and his birthright, he saith".

[120] PP. Vol. 2. P. 49–50. "He derives the lines of his fortunes and greatness from the loins of his ancestors, from the law of nature, of nations, and from the laws of the realm; that to the common law of this kingdom he might acknowledge himself so far thankful as by that law he is our king".

[121] PP. Vol. 1. P. 30. "The King holdeth books to be voces temporis and therefore shall they all very speedily be called in and suppressed and that he would not have any think any such books shall be suffered to be printed hereafter".

[122] PP. Vol. 2. P. 50. "For the book, the books are voces temporum, and that therefore he minds по such voice shall be left co succeeding times as shall say that the king can make laws without the estates or that subsidies are due to him because he is a king".

[123] PP. Vol. 1. P. 30. "His Majesty would not have any think that he can make laws without the 3 estates or that he hath subsdies of right, which opinion he condemneth, and merely confesseth and acknowledgeth that they proceed out of the love and

«Он — отец и глава государства, которое дает ему помощь и поддержку, а он держит себя в границах, дабы дать народу действительное королевское удовлетворение, оказывая протекцию и защиту. Как абсурдную, он осуждает мысль о том, что король может взимать субсидии без согласия своего народа... Брак между правом и прерогативой нерасторжим, и подобно близнецам они должны делить вместе радость и печаль, вместе жить и умереть, отделение одного означает гибель другого»[124].

21 марта, выступая перед парламентом Яков I, еще раз осудил книгу доктора Дж. Коуэлла. 25 марта монарх подписал прокламацию, которая запрещала дальнейшее распространение словаря. Проданные экземпляры подлежали изъятию. Символично, что следующее издание книги Дж. Коуэлла выйдет из печати в 1637 г., в момент шумихи по поводу суда над Джоном Гемпдоном, отказавшимся платить «корабельные деньги». Видимо, тогда советники Карла I решили привлечь голос Дж. Коуэлла для поддержки сомнительного с точки зрения многих налога.

Итак, Дж. Коуэлл рассматривает проблему власти исключительно в правовом контексте. К используемым Яковом I и некоторыми идейными «абсолютистами» метафорам он не прибегает. В частности, он не уподобляет государство телу, короля — его главе, не сопоставляет монарха с Богом или отцом семьи. Не думаю, что подобные аналогии были чужды цивилисту. Скорее, жанр юридического словаря не предполагал использование метафор. По Дж. Коуэллу, совершенная/абсолютная монархическая власть

---

affection of his people. The king and states are twins and they both in embrione grow and consolidate together. The King thinketh the common law as wise and safe a law as any in the world, the book he promiseth shall be taken in and suppressed".

[124] PP. Vol. 2. P. 50. "He is the father and head of the commonwea1th and therefore helps, supplies, and supports are due unto him, for which he holdeth himself bound to give his people a real and royal satisfaction by protection and defense; but that the king may take subsidies without the consent of his people, he condemns the doctrines as absurd and him that maintains the position. The marriage between law and prerogative is inseparable and like twins they must joy and mourn together, live and die together, the separation of the one is the ruin of the other".

стоит над правом и над подданными. Значительное число этих подданных, представленное в парламенте, по-видимому, сильно расходилось с первой частью данной декларации. Любопытно, что король оказался близок депутатам. По Якову I, совершенная/абсолютная власть правит в соответствии с нормами права и получает финансовую помощь подданных только с согласия парламента. Возможно, такая риторика была детерминирована политикой и пустой казной. Однако она была публичным фактом, что побуждает подвергнуть коррекции привычные представления о взглядах и возможностях первого английского Стюарта. Еще одно обстоятельство следует отметить: важно не только то, что думали, говорили и даже не то, как поступали первые Стюарты. Существенно то, как это политической и интеллектуальной элитой тех дней воспринималось и интерпретировалось. Палата общин ждала определенных слов, и она их услышала. Депутатам нужна была жертва, и они получили Джона Коуэлла. Как кажется, в начале XVII в. пространства для согласия у монархии и подданных было достаточно.

Глава III
ГОЛОСА РОБЕРТА СИБТОРПА

С февраля по июнь 1626 г. в Англии заседал парламент. Король собрал депутатов по сугубо тривиальной надобности — ему нужны были деньги для войны с Испанией и в Германии. Карл I надеялся получить субсидии, но депутаты не спешили. Они, в соответствии с традицией, стали пристально вглядываться в «раны» государства. Вскоре посыпались обвинения в адрес фаворита короля, герцога Бэкингема. Его обвиняли в провале экспедиции в Кадис, в мздоимстве и непотизме. Депутаты неистово требовали импичмента герцога. Карл I, потеряв терпение, палаты распустил. Король и правительство начали готовить экспедицию против Франции, в Ла-Рошель, и решили собрать деньги с подданных посредством проверенных, но непопулярных инструментов. Сначала у состоятельных подданных «попросили» «добровольные пожертвования» (беневоленсы), затем (август 1626 г.) Тайный совет разослал письма с просьбой предоставить деньги «в долг» (the privy seal loan) и, наконец, в октябре 1626 г. был введен «принудительный заем» (forced loan). Принудительный заем сопровождался существен-

ным новшеством, ибо внести его в казну обязали не только очень состоятельных подданных, но вообще всех налогоплательщиков. Хотя Карл I в своей прокламации уверял, что новая практика вызвана экстраординарной опасностью и не станет прецедентом[125], многим казалось, что монархия устанавливает прямой налог без согласия парламента. А это было очевидным отступлением от традиций и принципов общего права. В 1627 г. изрядное количество дворян отказалось раскошеливаться и угодило в тюрьму. Следствием стало известное дело «пяти рыцарей», а ответом на него — дебаты в парламенте 1628 г., новые нападки на Бэкингема и принятая палатами знаменитая «Петиция о праве»[126].

В конце сентября 1626 г. Карл I отправил письмо епископам, призывая их обратиться с церковных кафедр к прихожанам с просьбой «помочь и поддержать» личными средствами «защиту королевства»[127]. Набирающий политический вес, лидер арминианского крыла в церкви, епископ Бата и Уэльса Уильям Лод адресовал духовенству инструкцию, призывающую «напомнить подданным о долге послушания»[128]. Во след директивам с церковных кафедр полились проповеди, часть из которых тут же публиковалась. Все проповеди были наполнены библейскими примерами, реминисценциями и аллюзиями, цитатами из видных деятелей христианства и Реформации, призванными не только вызывать у прихожан определенные ассоциативные ряды, но и побуждать их к действиям. Героями организованной сверху кампании стали настоятель из Брэкли (Нортгемптоншир) Роберт Сибторп и капеллан Карла I Роджер Мэнверинг, поскольку предложенные ими интерпретации королевских полномочий и прав

---

[125] Cust R. The Forced Loan and English Politics 1626–1628. Oxford, 1987. P. 48.

[126] Подробнее см.: Кондратьев С. В. Дело пяти рыцарей и Петиция о праве // Правоведение. 2003. № 6. С. 153–176.

[127] Christianson P. Notes and Documents. Two Proposals for raising Money be Extraordinary Means, c. 1627 // English Historical Review. 2002. Vol. CXVII, № 471. P. 358–359.

[128] Cust R. Op. cit. P. 62.

подданных вызвали болезненную реакцию в обществе и обсуждались в парламенте 1628 г. Настоящая статья посвящена казусу Роберта Сибторпа. О Роджере Мэнверинге будет подготовлена отдельная публикация.

I. АРГУМЕНТЫ РОБЕРТА СИБТОРПА

В начале января 1627 г. королевские сборщики принудительного займа прибыли в Нортгемптоншир. Тогда же духовенство графства получило инструкцию поддержать своим мнением законность данного мероприятия. 22 февраля 1627 г. Роберт Сибторп (умер в 1662 г.) произнес в Нортгемтоне проповедь «Апостольское послушание. О долге подданных делать платежи и платить налоги своим государям в соответствии со словом Божьим, законом, Евангелием, правилами религии и установками совести»[129]. Высказанные Р. Сибторпом мысли пришлись по душе королю, который рекомендовал проповедь к публикации. Но архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот отказался лицензировать издание текста. Тогда проповедь была издана по разрешению епископа Лондона Джорджа Монтейна. Архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот в итоге попал в опалу. В октябре 1627 г. король запретил ему присутствовать на заседаниях Тайного совета и отстранил от исполнения обязанностей примаса, которые были переданы комиссии из 5 епископов — уже упомянутого епископа Лондона Джорджа Монтейна, епископа Дарема Ричарда Нейла, епископа Оксфорда Джона Хоусона, епископа Рочестера Джона Бакстера и епископа Бата и Уэльса Уильяма Лода. Этой же комиссии король переподчинил весь аппарат управления Кентерберийской церковной провинцией[130].

---

[129] Sybthorpe R. Apostolike Obedience. Shewing the Duty of Subjects to pay Tribute and Taxes to their Princes, according to the Word of God, in the Law and the Gospel, and the Rules of Religum, and Cases of Conscience. London, 1627.

[130] Cobbet's complete collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanors. London, 1809. Col. 1449–1453; Sommerville J. P.

Отпечатанный текс проповеди открывался посвящением «Карлу, милостью Божьей высочайшему и могущественному государю Великобритании, Франции, Ирландии, защитнику веры, всемилостивейшему и внушающему боязнь суверену» и «дорогой и кормящей матери Церкви и государству Англии». В посвящении Р. Сибторп сравнивал себя с «ручейком», возвращающем дань «океану», от которого одновременно берет свое начало. Следуя инструкциям короля, он собирается говорить «о долге верности подданных», которые должны не прибегать к оговоркам по поводу «свободы и утраты безопасности», а делать платежи короне, ибо благодаря власти «наша религия... пребывает в мире и процветании»[131].

Отправной точкой рассуждений Р. Сибторпа становится знаменитая 13 глава Послания к римлянам апостола Павла, а точнее первые ее 8 стихов. Как известно, там сказано, что всякая земная власть установлена Богом; всякий противящийся власти противится Богу; правитель есть Божий слуга, который носит меч, дабы карать зло (точнее, приводить в исполнение гнев Бога в отношении творящего зло); повиноваться правителю следует не только из страха, но и по совести; как служителям Божьим правителям надлежит платить подати; не следует никогда оставаться должником (13:1–8).

По мнению проповедника, квинтэссенцией данных установок является 7 стих, который гласит: «Итак, отдайте всем им должное: кому подать — подать; кому страх — страх, кому

Royalists and Patriots. Politics and Ideology in England 1603–1640. London, 1999. P. 121. Джорджу Эбботу в это время было 65 лет и формальным предлогом передачи его функциональных обязанностей стала болезнь и невозможность физически присутствовать и председательствовать в различных комиссиях и учреждениях. Сам архиепископ не скрывал того, что болен подагрой и болезнью ног, которые не позволяют ему стоять и передвигаться по лестнице. См.: Cobbet's complete collection of State Trials. Col. 1454. Cust R. The Forced Loan and English Politics 1626–1628. P. 71.

[131] Sybthorpe R. Op. cit. To the most high and might prince... to the deare and nourceing mother, the Church and Common-weale of England.

честь — честь» (13:7)[132]. Этой фразой Р. Сибтор заключает свои незамысловатые рассуждения после дословного воспроизводства каждого стиха.

До слушателя и читателя он стремиться донести четыре положения:

1. Христианская свобода не освобождает подданных от повиновения государственной власти. Христиане связаны взаимными обязательствами. У подданных есть «долг» в отношении к государям, что «соответствует законам и обычаям королевств, в которых они живут». Более того, «духовная свобода может очень хорошо сочетаться с государственными ограничениями». Но наряду с ограничениями, существует необходимость защищать свободу. Послушание подданных продиктовано правосудием и необходимостью, поскольку право, правительство и государь ограничивают частные устремления в интересах целого. «Мы, — провозглашает проповедник, — должны ставить общее выше частного» и держаться в границах долга и подданства[133].

---

[132] Р. Сибторп пользовался авторизированным переводом Библии, сделанным по распоряжению Якова I и изданным впервые в 1611 г. В проповеди Р. Сибторпа стихи воспроизводятся полностью с небольшими умозаключениями и комментариями. См.: Sybthorpe R. Op. cit. P. 1–5. См. также: Romans. 13:1–8. “1: Let every soul be subject unto the higher powers. For there is no power but of God: the powers that be are ordained of God. 2: Whosoever therefore resisteth the power, resisteth the ordinance of God: and they that resist shall receive to themselves damnation. 3: For rulers are not a terror to good works, but to the evil. Wilt thou then not be afraid of the power? do that which is good, and thou shalt have praise of the same: 4: For he is the minister of God to thee for good. But if thou do that which is evil, be afraid; for he beareth not the sword in vain: for he is the minister of God, a revenger to execute wrath upon him that doeth evil. 5: Wherefore ye must needs be subject, not only for wrath, but also for conscience sake. 6: For for this cause pay ye tribute also: for they are God’s ministers, attending continually upon this very thing. 7: Render therefore to all their dues: tribute to whom tribute is due; custom to whom custom; fear to whom fear; honour to whom honour. 8: Owe no man any thing, but to love one another: for he that loveth another hath fulfilled the law”.

[133] Sybthorpe R. Op. cit. P. 6–9. “First, That Christian Liberty hath not freed us from Civil Obedience, but that Christians are bound in duty one to another, especially all Subject, to all their Princes, according to the Laws & Customs of the kingdoms wherein they live, intimated in this word (Dues)... hence spiritual liberty may very well

2. Слово «всем» (to all) в 7 стихе означают, что эти обязательства носят в отношении христиан всеобщий, универсальный характер[134]. Здесь он, по обычной практике того времени, проводит аналогию между государством (политическим телом) и естественным телом, где король (голова) и подданные (члены) пребывают, следуя долгу, в порядке иерархического соподчинения. Долг государя — «издавать», «повелевать» и защищать. За это ему полагается почтение, повиновение и поддержка. Глагол «издавать» он трактует как право «создавать законы», а свою интерпретацию подкрепляет стихами из Екклесиаста: «Что он захочет, все может сделать. Где слово царя, там власть. И кто скажет ему: что ты делаешь»? (Еккл. 8:3, 4). Глагол «повелевать» он читает, как «управлять исполнением закона и правосудия». При этом государь всегда поступает правильно. Такое прочтение опирается на стихи из Притч Соломоновых: «В устах царя решение боговдохновенное. В решении уста его не погрешают. Но гнев царя — вестник смерти» (Притчи 16:10, 14)[135], а также на Святого Кирилла Александрийского, заявлявшего, что при отправлении правосудия государи лишены «вероломства»[136]. Глагол «защищать» трактуется, как

---

agree with civil bondage... Subjects are bound to obedience by the double obligation of Iustice and of Necessity... the General Lawes or Government of Nation, must be dispensed with all according to the particular conceit and apprehension of every private person...where the libertie of f few erroneus conscience, brings the Bondage of many regulate Commands; Habemus necessaitatem vindicandea Liberartis... we must preferre the general before the particular, and not let every one bee let loose to their lift and affection, but all must bee kept within the lifts of their Dutie and Subjection, (Dues). Р. Сибторп, кроме того, ссылается здесь на Ж. Кальвина. См.: Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. М., 1998. Кн. III, гл. 19.

[134] Sybthorpe R. Op. cit. P. 6. “Secondly, That those duties to which Christian are so bound, are not only imposed upon some, and other loose, but as they are promiscuous, so they are universall Duties, implied in these words, (to all)”.

[135] Ibid. 11. “A divine sentence is in lips of the King, his mouth transgresseth not in judgment. But the wrath of the King is messenger of death”.

[136] Ibid. “Nemo leges Regum impune reprobate nisi Reges ipsi, in quuibus praevacationis crimen locum non habet, Prudenter enim dictum est, impium esse qui Regi dixerit, inique agis, saith Saint Cyril”.

возложенная на государя обязанность «защищать управляемые им законы и народ». Он добавляет, что лучше всего эта установка «религиозных государей» выражена в девизе Альфонса Неаполитанского «За закон и народ!». Но, исполняя свой долг, государь вправе требовать исполнения долга от подданных[137].

Обязанность подданных, «чтить государя», он трактует, ссылаясь на Книги Царств (1:15, 30; 3:1, 23, 31), в духе поклонения властителям[138]. Понятия «повиновение» Р. Сибторп трактует как абсолютное смирение, послушание. При этом он напоминает, что государю принадлежит не только право отдавать распоряжения. У него есть еще и право накладывать наказания. Причем даже «если государи повелевают подданным сделать нечто, чего они сделать не могут, потому что повеление противоречит законам Божьим, законам природы или просто его невозможно исполнить, все равно подданные должны принять наказание без сопротивления, проклятий и поношений». Когда они не могут продемонстрировать «активное смирение», им надлежит повиноваться «пассивно»[139]. Под поддержкой (maintenance) Р. Сибтор имеет в виду платежи в казну, которые государь вправе собирать в виде налогов с земель и недвижимости и в виде пошлин с товаров. «Дань, причитающаяся государям», утверждает он, установлена правом Божественным, естественным и государственным. Не собирая налоги, государство окажется не в состоянии выполнять свои функции и станет слабым. Свидетельства на это счет можно найти как у авторитетных

---

[137] Ibid. “The Embleme and Motto of Alphonsus King of Naples... with this Inscription, Pro lege et grege, being a proper ensign for religious Princes. Which duties being performed by a Soveraigne, he may rightly require these duties of Subjects”.

[138] Ibid. P. 12.

[139] Ibid. P. 13. “Two effects of the law: 1. The one to performe the Commandment. 2. The other to undrgoe the punishment. If the Princes command any things which Subjects may not performe, because of it is against the lawies of 1 God, or of 2 Nature, or 3, impossible; yet Subjects are bound to undergoe the punishment without either resistance, or railing, or reviling. And so to yeeld a passive obedience, where they cannot exhibit an active one; yea and in that passive obedience must bee still actually retained...”

представителей патристики и схоластики, так и реформаторов, которые настаивали на том, что государям следует абсолютно повиноваться в гражданской и светской областях. Посему, заключает он: «Подданный не может отвергнуть послушание и долг, даже если государь устанавливает чрезмерный, несправедливый налог. По совести он обязан подчиниться»[140].

В Англии налогообложение без согласия подданных, полученного в парламенте, считалось незаконным, вызывало ассоциации с нормандским завоеванием и континентальными «деспотическими» практиками[141]. Р. Сибтор, напротив, считает право собирать налоги имманентным для королевской прерогативы[142]. Столь же

---

[140] Ibid. P. 14–17. "For maintenance is to be allowed for Princes... Ordinatie taxes upon immoveable; vectigal... imposts upon Trades, Traffiques, and Merchandize... Tribute, being due to Princes, by a Triple Obligation... Iure 1 divino, 2 naturali, et 3 civili... Sithence that without money, Solders cannot be waged for warre; Counsellors cannot be supported for peace; Intelligence cannot bee procured from abroad; Lawes cannot bee executed at home; nor Church can flourish; nor Common-weale stand firm. The consideration of which things, no question, made Polycarpus, Martialis, Iustin Martyr, Tertullian, Greg. Nazianzen, Ambrose, August, Hilarie, Prosper, Cyril, Bernard, Anselme... Yea, all antiquity to be absolutely for absolute obedience to prince, in civil and temporal things. And the moderate moderne Divines, as Luther, Brentius, Melancthon, Calvin, Beza, Cranmer, and the Bishops and Divines of England... That, if a Prince impose an immoderate, yea an injust Taxe, yet the Subject may not thereupon withdraw his obedience and dutie; nay hee is bound in conscience to submit". В этом разделе Р. Сибторп нередко ссылается на Мат. 17:24, 25, 26, 27.

[141] См. об этом подробнее: Кондратьев С. В. Идея права в предреволюционной Англии. Тюмень, 1996; Его же. Дело пяти рыцарей и Петиция о праве.

[142] Sybthorpe R. Op. cit. P. 17. "Nor was onely the Custom of Conquerers, in foraine Kingdoms, which they invaded; but even of Native peacefull Kings, to their naturall Subjects, in those Dominions where to they were elected, or wherein they succeeded". При этом Р. Сибторп ссылается на стихи 1 Книгу Царств 8:11–17 и 3 Книги царств 12:14, которые можно трактовать, как наличие у государя права пользоваться всем, что есть у подданных, как своим, и по собственному усмотрению.

"11: And he said, This will be the manner of the king that shall reign over you: He will take your sons, and appoint them for himself, for his chariots, and to be his horsemen; and some shall run before his chariots. 12: And he will appoint him captains over thousands, and captains over fifties; and will set them to ear his ground, and to reap his harvest, and to make his instruments of war, and instruments of his chariots. 13: And he will take your daughters to be confectionaries, and to be cooks, and to be

имманентным для подданных должна быть обязанность повиноваться любым повелениям правителя[143]. По его мнению, не следует подвергать сомнению собираемый короной «заем» и «иную помощь». Платить налог — это долг поданного. Далее, напоминает он, платежи предназначены для помощи «нашим единоверным собратьям», во имя которых можно пожертвовать небольшой частью состояний. Кроме того, сами англичане (их тела и души) находятся в опасности по причине наступления Контрреформации и католичества[144].

Разногласия между поданными и «нашим сувереном», предупреждает Р. Сибторп, выгодны только папистам. Разногласия

---

bakers. 14: And he will take your fields, and your vineyards, and your oliveyards, even the best of them, and give them to his servants. 15: And he will take the tenth of your seed, and of your vineyards, and give to his officers, and to his servants. 16: And he will take your menservants, and your maidservants, and your goodliest young men, and your asses, and put them to his work. 17: He will take the tenth of your sheep: and ye shall be his servants" (1 Sam. 8: 11 to 17). "14: And spake to them after the counsel of the young men, saying, My father made your yoke heavy, and I will add to your yoke: my father also chastised you with whips, but I will chastise you with scorpions" (I Reg. 12:14).

[143] Ibid. P. 18. Здесь Р. Сибторп ссылается на стихи из Первого послания к Тимофею и Первое послание Петра, не оставляющие никаких сомнений. См.: "1: I exhort therefore, that, first of all, supplications, prayers, intercessions, and giving of thanks, be made for all men; 2: For kings, and for all that are in authority; that we may lead a quiet and peaceable life in all godliness and honesty" (I Tim 2:1, 2). "13: Submit yourselves to every ordinance of man for the Lord's sake: whether it be to the king, as supreme; 14: Or unto governors, as unto them that are sent by him for the punishment of evildoers, and for the praise of them that do well" (I Pet. 2:13, 14).

[144] Sybthorpe R. Op. cit. P. 19. "O let us not therefore, conceive to our selves such scruples, as not to give Tribute where and when Tribute is due, or to refuse a Loane, or any other Aide, which is not un justly exacted; and which is promised shall not be immoderately demanded, especially, considering that thereby, wee who are bound, to lay downe our lives for our brethren, may be laying downe a little of our estates, save our owne lives, and our brethrens: Yea further considering, that is not our brethren onely, but our selves also that are in danger, as is more than probable by the proceedings in farraine parts. And further this may be considered also, that not onely oue bodies are in danger of warre and wounds; but our souls, of Heresie and Superstition; Religion it selfe (as it is established in this Kingdome) being the marke that is shot at this business".

запрещены Богом и сопоставимы с «антихристианским» разделением в речах Бога и короля. Думать так, пишет он, значит, «пленять христианскую свободу, создавать тиранию, спускать небеса на землю, превращать богословие в служанку политики, а религию — в государственную приманку». Сам он предпочел бы, чтобы у него «отбили мозги», чем помыслил бы о подобном[145].

Страшась раскола и разногласий, Р. Сибторп говорит, что в политическом теле государь и подданные связаны взаимными обязательствами. Обязанности государя в отношении подданных таковы: 1. «Утверждать и защищать религию и право Бога». 2. «Поддерживать фундаментальные законы и вольности нашего королевства». 3. «Обеспечить подданным общественную безопасность и мир». 4. «Не расточать без надобности государственную казну». Делая свое перечисление, Р. Сибторп все время подчеркивает, что правящий король все свои обязанности исполняет и будет исполнять впредь[146].

Р. Сибторп считал важным провести различие между Англией Карла I и «шаткими» государствами, где распространена либо католическая вера, либо религию направляют пресвитерианские

---

[145] Ibid. P. 20–21. “The papists lye at waite, if they find a Rent betwixt our Soveraingne and his Subjects, (which the Lord forbid) to reduce superstition into England... Not speak... as one who had left God to preach for the King; as some are too uncharitably to censure; unchristianly dividing God and the King. Yea sooner would I... have my brains beaten out with club... than my braines should be made the Instrument to invent, my tongue to utter, or my hand to write and defend, by which Christian Libertie should be captivated; Tyranny erected; Heaven forced to descend to serve Earth; Divinitie made the Handmaid of Politicie; or Religion the Stalking-horse of the State”.

[146] Ibid. P. 21–22. “I speak my conscience in Christ, both concerning what is duty of, and the due to the head of this body politike, which is the King... Rulers alsoowe mutual duties to their Subjects, as 1 to establish and defend Religion, and the law of God.; as (the Lord be praised) our hath done; 2 to maintain the fundamentall Lawes and Liberties of the Kingdom; as wee may certainely perceiue hee doth and will doe; 3 to provide for the Common Safetie and Peace of the Subjects; as all my see he is doing; 4 Not needlesly exhaust, nor prodigally to mispend the Treasure of the State; whish assuredly no man can say he hath done”.

богословы. В первых господствует принцип, что «церковь выше короля, а папа — выше церкви», что папа обладает властью лишать престола государей. Пресвитериане, напротив, ставят «право выше короля, а народ — выше права». Народ, провозглашают последние, вправе устраивать мятежи и бунты и свергать государей. Здесь Р. Сибторп прежде всего оппонирует идеям, изложенным шотландским реформатором Джорджем Бюкененом в диалоге «О праве властвования у шотландцев» (De Jure Regni Apud Scotos), где говорилось, что послушание обязательно для подданных только в отношении к «истинным государям», но не к тиранам, которые утрачивают легитимность и могут быть свергнуты, изгнаны и даже убиты[147]. Однако Р. Сибторпу кажется, что Бюкенен и другие реформаторы не имеют в виду «наследственного правителя», но только тех, кто получил полномочия («поставлен над народом») либо 1) по выбору самого народа, либо 2) по выбору сената (парламента), либо 3) по выбору специально определенных выборщиков, либо 4) по выбору высших должностных лиц. Такая точка зрения (неправильное правление избранного правителя. — *С. К.*), кажется ему не лишенной «парадокса», и он оставляет ее в стороне, поскольку в Англии правление «наследственное». Кроме того, государство и церковь в результате Реформации объединились в единое тело. И каждая душа обязана исполнять свой долг, что бы по этому поводу ни говорил папа и «его монахи». На единстве, опять повторяет он, основывается безопасность государства, а «разобщение всегда опасно». Право он рассматривает, как некую промежуточную ступень между государем и народом. «Право, — продолжает он, — есть молчащий судья. А судья есть говорящее право». Они оба подвержены переменам. Государство только тогда остается здоровым, кода право будет ограничивать пристрастность судей, а судья исправлять несовершенство законов[148].

---

[147] Cambridge History of Political Thought 1450–1700 / Ed. by J. H. Burns. Cambridge, 1991. P. 217. Р. Сибторп на полях специально сослался на этот трактат Дж. Бюкенена.

[148] Sybthorpe R. Op. cit. P. 22–25. “I doubt not... what a difference there is betwixt his happy Thorne, and the tottering State of those, who should governe in

Деятельность права и судей, по Р. Сибторпу, должна опираться на 4 принципа. Во-первых, исполнять обязанности справедливо, «без тирании». Во-вторых, при отправлении правосудия придерживаться принципа равенства, оставаться беспристрастным, т. е. правоприменение не должно делать исключений ни по принципу места рождения (своя страна/иностранное государство), ни по принципу благосостояния (богатый/бедный). В-третьих, праву и судьям следует избегать применения самых крайних мер, быть «умеренными». В-четвертых, праву и судьям следует стремиться к ясности и избегать двусмысленности. Он поясняет: не вести себя как во времена «завоеваний», когда, согласно хронисту Холиншиду, состояния людей, не знавших закона и не понимавших смысла его, изымались[149].

---

a Common-weale, where the Religion was directed by Bellarmine, Simancha, Tolet, Parsons, Crewell, Saunders, Stapleton, and the Iesuited societie; or by Buchanon, Knox, Danaeus, Iames Gibson, Goodman... The one of which makes the Church above the King, and the Pope above the Church, and so dethrones Princes by his Thunderbolts of Excommunication and Deprivation. The other make the Law above the King, and the people above the Law, and so depose Princes, by their Tumults, and Insurection... the later sort (if I understand) stretch not so farre, as against an Hereditary successive Ruler; but only to those, qui cunstituuntur, vel per populi consensum, vel per senatum/vel per electores, vel per alios Magistratus; who are placed over the people, 1 either by the consent of themselves in general; 2 or by the Senate or Parliament in special; 3 or by Electors in particular; 4 or by other Magistrates and Rulers which are Superiours; And of these they hold, quorum est constituere, eorum est etiam enormiter grassantes coercere; which paradoxe, although I have not time to dispute, yet I may conclude positively, that, howsoever this trencheth not upon our Princes, nor warranteth any waywardness in our State.... That Church and State being so nearly united, that though they may seeme two bodies, yet indeed in some respects they may be accounted but as one, in as much as they are made up of the same men, which are different onely in relation to spirituall or civill ends... Every soul is injoyned to be subject in performance of this dutie... whatsoever the Pope and his Shavelings glosse to the contrary... The Common-weale be safest and most beatifull when it is at unitie in it selfe, and divisions are always dangerous...The Law should be reckoned... as a medium betwixt the Prince and People: But whereas the Law is mute Judge; and the Judge a speaking Law; so that these two are sometimes Termini convertibles; and the State can as ill stand without the one as the other; the Law restraining the Judges affection, and the Judges supplying the Lawes defect".

[149] Ibid. P. 25–26. "The Dutie therefore of the Law and Interpreters of the same is, First; to be just, without tyranny... Secondly, Equall without portialitie: The same

Действенность права опирается на 3 принципа: исполнение (execution), «которое является жизнью права», повиновение, послушание, смирение (obedience), «которое является результатом права», и наказание (punishment), «которое придает праву силу». Свое мнение Р. Сибторп подкрепляет очередным стихом из Библии: «Кто же не будет исполнять закон Бога твоего и закон царя, над тем немедленно пусть производят суд, на смерть ли, или на изгнание, или на денежную пеню, или на заключение в темницу» (Ездра 7:26)[150]. Он провозглашает: «Тот, кто изменяет королю, должен быть уничтожен»[151]. Перечислив серию библейских наказаний преступников, он среди прочего упоминает о непокорности, за которую побивают камнями[152].

Третье и четвертое положения изложено Р. Сибторпом более лаконично.

3. Местоимение «им» (their) означает, говорит он, что обязательства в упорядоченном обществе христиан иерархически дифференцированы согласно их статусу. Сославшись на Евангелие от Луки (Лука 3:10–15), проповедник поясняет, что каждому че-

---

law shall be to him that is borne in thing house, and so stranger... And thou shalt not respect the person of the poore, not the rewards of the rich in judgement... Thirdly, They must be moderate without extremity... Fourthly, They must be plain without ambiguitie: Not like those Lawes in the Conquirors time, of which Hollinshed complaines, that the peoples estates were confiscate, before they knew the Law, or understood the meaning it".

[150] Ibid. P. 26–27. "So is there Due to the Law, First Execution, which is the life it: and secondle Obidience, which is the fruit of it; or else lastly punishment, which is the power of it. So that whosoever will not do the law of thy God, and the law of the king, let judgment be executed speedily upon him, whether it be unto death, or to banishment, or to confiscation of goods, or to imprisonment". Ezra, 7:25–26.

[151] Ibid. P. 27. "He who is a Traitor of the King, should bee destroyed".

[152] Ibid. P. 27–28. "By the Law of God, a disobedient riotous person, and a drunkard, upon complaint of the parents, was to bee stoned, Deut. 21:20–21". Сравните с библейскими стихами: "20: And they shall say unto the elders of his city, This our son is stubborn and rebellious, he will not obey our voice; he is a glutton, and a drunkard. 21: And all the men of his city shall stone him with stones, that he die: so shalt thou put evil away from among you; and all Israel shall hear, and fear".

ловеку надлежит пребывать в «покорности и в границах профессии». «Не следует народу совать нос в дела государей, светскому лицу — в дела клириков, присяжному — в дела судей, каждому надлежит заниматься своим»[153].

4. Слово «отдайте» означает, что делать платежи государю надлежит «добровольно», «без принуждения», «не по необходимости», «без внутреннего сопротивления»[154].

II. АРГУМЕНТЫ АРХИЕПИСКОПА ДЖОРДЖА ЭББОТА

Джордж Эббот оставил собственную версию этого «беспримерного примера» отстранения архиепископа от должности[155]. По его словам, о необходимости предоставить лицензию на печатанье проповеди Сибторпа он узнал от Уильяма Мюррея, служащего

---

[153] Sybthorpe R. Op. cit. P. 6, 33–35. “Thirdly, That although there be duties to which Christians are so obliged, and all have their part in the matter of that Obligation or Dutie, yet they have it in a different degree or manner, every one in his particular place and order, designed in this word (their)... The People must not be busie-bodies pry into the Princes Dutie, the Laitie into the Clergies, or the Ioror into the Iuges, but every one into his owne... Every man may be the better contented to doe, and to containe himselfe within the Lifts of obedience and limits of his calling, I will onely briefly point at the manner of practice required at every mans hands, to the end that he may performe his dutie according to this order”.

См. также: “10: And the people asked him, saying, What shall we do then? 11: He answereth and saith unto them, He that hath two coats, let him impart to him that hath none; and he that hath meat, let him do likewise. 12: Then came also publicans to be baptized, and said unto him, Master, what shall we do? 13: And he said unto them, Exact no more than that which is appointed you. 14: And the soldiers likewise demanded of him, saying, And what shall we do? And he said unto them, Do violence to no man, neither accuse any falsely; and be content with your wages. 15: And as the people were in expectation, and all men mused in their hearts of John, whether he were the Christ, or not” (Luke 3:10–15).

[154] Ibid. P. 7, 35–36. “Fourthly, that those duties of every man according to his order, to al Princes, are not to be performed meerely for compulsory Necessity, but voluntary and cheerefully, denotated in this word (Give or Render)...”

[155] Cobbet’s complete collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanors. London, 1809. Col. 1453.

королевской опочивальни, специально посетившего резиденцию архиепископа. Архиепископ сразу же ответил отказом, ссылаясь на то, что читать тексты и определять возможность их опубликования — обязанность его капелланов. Но узнав о том, что таково желание короля, согласился изучить текст. То, что происходило следом, может быть названо заочным диалогом архиепископа и монарха. Посредником в этом диалоге был все тот же У. Мюррей, который с интервалом в несколько дней перемещался от резиденции архиепископа ко двору и обратно. В ходе этого диалога Дж. Эббот оказался разбит подагрой и даже принимал посланца в постели.

Сначала Дж. Эббот поиронизировал над мыслью Р. Сибторпа, что у подданных *по закону* (курсив наш. — *С. К.*) есть долг в отношении государей. Архиепископ заявил, что полностью с этим согласен сам и с этим согласны подданные, которые отказываются платить принудительный заем, ибо нет «ни закона, ни обычая», которые обязывали бы делать подобный платеж. Он считает опасным положение о том, что государь может наложить на подданных «необходимость защищать свободу». Опасным потому, что «необходимость» легко может смениться «принуждением»[156].

Король, со своей стороны, продолжал настаивать на том, что обладает по закону и обычаю правом вводить и собирать принудительный заем, что принудительный заем законен. Фраза о необходимости защищать свободу, пояснял Карл I, относится ни

[156] Ibid. Col. 1456. “That Christian Liberty hath not freed us from Civil Obedience, but that Christians are bound in duty one to another, especially all Subject, to all their Princes, according to the Laws & Customs of the kingdoms wherein they live. Out of this will men except this Loan, because that there neither law nor custom for it in the kingdom of England. Habemus nessecitatem vindicandea libertatis. For this was all that then quoted out of Calvin, no mention being made of any the other words which are now in the printed copy: For when by the former rule he hath set men a liberty, whether they will pay or no, he imposeth upon them a necessity to vindicate this liberty, and vindicare mau be extended to challenge with violence cum vi”.

к подданным, а к монарху[157]. Тогда архиепископ составил перечень замечаний. Наибольшие претензии у него были к пассажу, что долг короля состоит в том, чтобы издавать законы, и к отождествлению займа (loan) и дани (tribute)[158]. Главную же опасность он усмотрел в учении Р. Сибторпа об абсолютном, или полном, смирении подданных, по которому королю якобы принадлежит право требовать имущество по собственному усмотрению. Дж. Эббот счел необходимым вспомнить здесь проповедь епископа Нориджа Семуэля Хаснета, произнесенную и затем сожженную при Якове I. В проповеди Хаснета было сказано: «Отдайте кесарю кесарево». После чего Яков I собрал лордов и общины в Уайт-холле и пояснил, что епископ был не точен, ибо, произнеся «все принадлежит кесарю», он забыл указать — настолько, насколько это соответствует законам и обычаям страны, в которой живут подданные. По мнению Дж. Эббота «абсолютное повиновение» Р. Сибторп трактует слишком расширенно, в частности, как право требовать имущество у клириков и жителей Лондона[159]. Публикация про-

---

[157] Ibid. Col. 1458–1459. "His majesty made his answer: First, for the laws and customs of the kingdom/ he did not stand upon that, he had a precedent for which he did, and therein he would insist... Secondly, the King saith, for the words, 'Habemus nessecitatem vindicandea libertatis,' he taketh them ti be for him; and he be will stand on his liberty. Thirdly, For poll money, he thinketh it lawful..."

[158] Ibid. Col. 1460. "The king's duty is first to direct and make laws. There is no law made till the king assent unto it; but if it be put simply to make laws, it will make much startling at it... How this Loan may be called a Tribute; and when it is said, 'We are promised, it shall not be immoderately imposed': how that agreeth with majesty's commission and proclamation, which are quoted in the margin?"

[159] Ibid. Col. 1463–1464. "Yea, all antiquity to be absolutely for absolute obedience to prince, in civil and temporal things... Here the Bishop... saith, that was an odious comparison...If the King, the next day, had commanded me to send him all money and goods I had, I must, by my own rule, have obeyed him, and if he had commanded the like to all clergymen in England, by Dr. Sibthorp's proportion, and my lord of Canterbury's allowing of the same, they must have sent in all, and left their wives and children in a miserable case. Yes, the words extend so far, and so absolutely delivered, that by this divinity, if the king should send to the city of London, and the inhabitants thereon, commanding them to give onto him all the wealth which they have, they were bound to do it: I know our king is so gracious, that he will attempt no

поведи, на его взгляд, означает разрушение фундаментального права собственности. Это означает, что никто в Англии не будет иметь ничего своего[160].

Кроме того, Дж. Эббот счел необходимым поддержать «поведение лордов и джентльменов, которые отказались выплачивать заем»[161]. Он счел необходимым связать проповедь Р. Сибторпа и герцога Бэкингема, импичмента которого добивались парламентарии в 1626 г. «Проповедь Сибторпа дает мне основание опасаться (я молю Господа, чтобы мои опасения были напрасными), что герцог (Бэкингем. — *С. К.*) имеет замысел опрокинуть наши законы, фундаментальные устои в целом и вольности подданных; чтобы мы жили ни по законам и обычаям наших предков, а по воле государей»[162].

24 марта 1628 г. депутаты только что созванного парламента сразу же поставили вопрос об отпечатанных «опасных» проповедях, авторы которых, заявил Роберт Харли, «владеют приходами», «представляют папизм» и «стремятся изменить религию и церковь»[163]. В это же день в палате общин был сформирован

---

such matter; but if he do it not, the defect is not flattering divines, who, if they were called to question for such doctrine, they would scarce be able to abide it. There is a Meum and a tuum in Christian Common-wealths, and according to law and customs, princes may dispose of it, that saying been true 'A reges potestas omnium pernet, ad singulos proprietas'..."

[160] Ibid. Col. 1465. "What have you done? You have allowed a strange Book yonder; which, if it be true, there is no meum or tuum, no man in England hath any thing in own".

[161] Ibid. Col. 1473."I conceive it to be agreeable to the proceedings with the lords and gentlemen which refused to contribute to the Loan".

[162] Ibid. Col. 1477. "When the allowance of Sibthorp's Pamphlet put upon me, I then had some reason, out of the grounds of that Sermon, to fear, (and I pray God that my fear was in vain) that the duke had a purpose to turn upside down the laws, and the whole fundamental courses, and liberties of the subject, and to leave us not under the statutes and customs which our the progenitors enjoyed, but to the pleasure of princes; of whom, as some are gentle and benign, so some others, to ingrate themselves, might strain more than the string will bear".

[163] Proceedings on Parliament in 1628 / Ed. by R. C. Johnson, M. F. Keeler. New Haven, 1977. Vol. II. P. 86. Депутат счел необходимым назвать опубликованные

комитет по делам религии во главе с будущим лидером Английской революции Джоном Пимом[164]. На его первом заседании было заявлено, что главную опасность для религии в Англии представляют арминиане, которые хотят «уничтожить вольности нашего королевства и власть нашей палаты... Книги мистера Мэнверинга и мистера Сибторпа были изданы, чтобы подорвать установленную религию»[165].

тексты Ричарда Монтегю, Томаса Джексона, Джона Коузина, Роберта Сибторпа и Роджера Мэмверинга. “Sir Robert Harley. I will add another to Mantagu, no less dangerous. ‘Yis one Doctor Jackson. They would introduce popery. They pretend they are the reformed religion and Church of England. They do introduce a supremacy. Thay are possessed of churches amongst us. They new way is to bring in popery. Let there be a committee named to consider of the books of Cosinm, Sibthorp, and Maynwaring’...”

[164] Ibid. P. 89.

[165] Ibid. P. 92. “[Anonymous] Two things igniteth against our religion: Roman Catholics and Puritans in name, but truly Arminians another sort. Who in opposing our religion go about to overthrow the liberties of this kingdom, and power of this House. And those are such as Mr. Maynwaring. Mr. Maynwaring’s book and Mr. Sibthorp’ with articles there published to the scandal of religion established”.

Глава IV
ГОЛОСА РОДЖЕРА МЭНВЕРИНГА

Настоящая глава посвящена двум проповедям Роджера Мэнверинга, королевского капеллана, названным «Религия и верность[166]», а также последующей реакции парламента 1628 г. Как и Роберт Сибторп (о котором я писал ранее[167]), Мэнверинг пытался напомнить подданным об их долге перед королевской прерогативой и развеять

[166] Проблема «верности» актуализировалась в Англии во второй половине XVI в., когда страна вернулась к протестантизму, но в ней осттавалось значительное католическое меньшинство. Папская булла 1570 г. об отлучении Елизаветы Тюдор освобождала ее английских подданных от необходимости хранить «верность» государыне. С этого времени проблема «верности» с разной интенсивностью обсуждалась в английской общественной мысли. Она стала еще более актуальной с приходом на английский престол династии Стюартов, объединивших под своей короной католическую Ирландию, пресвитерианскую Шотландию и англиканскую Англию. В 1606 г., после Порохового заговора английских католиков, была установлена специальная «присяга на верность».

[167] Кондратьев С. В. «Все могут короли, все могут короли...?» (Теория и практика в предреволюционной Англии). Голоса Роберта Сибторпа // Европа: международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 73–79.

сомнения налогоплательщиков относительно законности «принудительного займа».

О Роджере Мэнверинге (1589–1653) сохранилось немного информации. Он родился в графстве Чешир. Изучал богословие в Оксфорде, колледже Всех душ, где удостоился сначала степени бакалавра (1607/1608), затем магистра (1611) и, наконец, доктора (1625)[168]. Обретение докторской степени позволило Мэнверингу получить должность королевского капеллана. Обе проповеди богослов произнес в присутствии Карла I[169]: первую — 4 июля 1627 г. в королевском дворце в Отланде, графство Сари, вторую — 29 июля в Олдертоне, графство Сэффолк. Содержание проповедей настолько понравилось монарху, что они в этом же году были опубликованы, как недвусмысленно указывалось на титульном листе, «по Его Величества особому повелению»[170].

Роджер Мэнверинг был несравненно более образован, чем Роберт Сибторп. Его проповеди обильно насыщены цитатами и реминисценциями из Библии, отцов церкви — Тертуллиана, Августина, Клемента Александрийского, Дунса Скота Эригены, Филона Александрийского, Епифания, Фомы Аквинского и античных авторов — Платона, Аристотеля, Сенеки, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Полибия, Диона Хрисостома, Тацита. Из современников он обильно ссылался на испанского иезуита Франсиско Суареса, тексты которого пользовались тогда в Европе особым авторитетом. В отличие от произведения Роберта Сибторпа проповеди Роджера Мэнверинга более рафинированы. Их автор явно не хотел, чтобы

---

[168] http://newsgroups.derkeiler.com/Archive/Soc/soc.genealogy.medieval/2005-09/msg01731.html

[169] Произнесение проповедей перед государями, видимо, являлось распространенной прак — тикой в Англии в XVI — начале XVII в. См.: Wickham T. H. Prearchin before Princes. A Study of some sixteenth sentury sermons preached before the monarch during the Tudor era. A Thesis submitted in fulfillment of the requirements for the Degree of Master of Frts in English at the University of Waikato. 2007.

[170] Maynwaring R. Religion and Allegiance: in two sermons preached before the Kings Majesty. London, 1627.

его речи стали очередной публичной декламацией в поддержку принудительного займа. Он претендовал на большее.

ПЕРВАЯ ПРОПОВЕДЬ

Эпиграфом к проповедям стала цитата из Екклесиаста: «Я говорю: слово царское храни, и это ради уважения клятвы Бога» (Екклес. 8:2)[171], где сущещствительное «commandment» можно читать и как «повеление», «заповедь», а глагол «to keep» — как «держаться», «повиноваться». Роджер Мэнверинг в проповеди отождествляет Екклесиаста как сына царя Давида с царем Соломоном. Для того чтобы дальнейшее изложение проповеди было более понятным, передадим стих из Екклесиаста максимально близко к смыслу проповеди. Итак: «Я (Соломон. — *С. К.*) советую тебе, ради уважения клятвы Бога, будь послушен повелению царя».

Содержание проповедей лишь отчасти совпадет с названием: первая проповедь посвящена королевской власти и ее взаимоотношению с подданными. Вторая — религии.

Свои рассуждения Роджер Мэнверинг начинает с декларации общепринятого положения, отражающего привычную для человека XVII в. картину мира. Вслед за Аристотелем, Фомой Аквинским и Франсиско Суаресом он утверждает, что Бог устроил мир как определенную иерархическую систему, где все множество предметов и живых существ, несмотря на их родовые и видовые дифференциации, должно находиться в отношении единства и соподчинения[172]. Всего видов таковых отношений, или уз он

---

[171] “I counsell thee, to keepe the Kings commandement, and that in regard of the oath of God” (Цитаты воспроизводятся по Мэнверингу с сохранением авторской орфографии. При этом текст цитат всегда подвергается проверке по авторизованной английской версии Библии короля Якова I, изданной впервые в 1611 г.).

[172] Maynwaring R. Op. cit. First sermon. London, 1709. P. 3 “Unity is the foundation of all difference and Distinction Distinction the mother of Multitude; Multitude and number inferre Relation; which is the knot and confederation of things different, by reason of some Respect they beare unto each other. These Relations and Respects challenge Duties correspondent; according as they stand in distance or deerenesse, afarre off, or neere conjoined”. См.: Фома Аквинский. Сумма теологии. Киев,

выделяет пять: 1) в мире — между творцом и его творениями, 2) в семье — между супругами и 3) между родителями и детьми, 4) в обществе — между слугами и хозяевами, 5) в государстве — между государем и подданными. «Над всеми вышеупомянутыми отношениями поднимается самое высокое, священное и трансцендентное отношение между помазанником Господним и его верными подданными, для которых законные суверены являются не меньше, чем отцами, господами, королями и земными богами». В основе отношений заложен самой природой принцип подчиненности и послушания (Obedience)[173].

2002. I.11.2. О Ф. Суаресе и его воззрениях см.: Шмонин Д. В. Фокус метафизики. Порядок бытия и опыт познания в философии Франсиско Суареса. СПб., 2002. Отметим, что, несмотря на изданный в 1614 г. Суаресом памфлет «Защита католической веры против английской секты еретиков», который был затем осужден теологами Оксфорда и публично сожжен в Лондоне, воззрения испанца пользовались авторитетом среди английских арминиан.

[173] Ibid. P. 3–4. “Of all Relations, the first and most originall is that betweene the Creator, and the Creature; whereby that which is made depends upon the Maker thereof, both in Constitution and Preservation: for which,the Creature doth ever owe to the Creator, the actuall & perpetuall performance of that, which, to its Nature is most agreeable: which duty is called Naturall. And sometimes also is the Creature bound to submit in those things, that are quite and cleane against the naturall,both inclination, and operation thereof; if the Creator’s pleasure be so to command it: which dutifull submission is called by the Divines, an Obedientiall capacity, in that which is made, by all meanes to doe homage to him that made it of meere nothing.

The next, is that betweene Husband and Spouse; a respect, which even Ethnick Antiquity called and accounted Sacred: the foule violation of which sacred Bed and bond of Matrimony, was ever counted hainous; and justly recompenced with that wound and dishonour, that could never bee blotted out.

Upon this, followed that third bond of reference which is betweene Parents, and Children; where, if dutifull obedience be not performed by them that received, to them that gave their being...

In the fourth place, did likewise accrew that necessary dependence of the Servant on his Lord; God having so ordained, that the eyes of Servants should looke unto the hand of their Masters; and the eyes of the Hand-maid, unto the hand of her Mistresse.

From all which forenamed Respects, there did arise that most high, sacred, and transcendent Relation, which naturally growes betweene The Lord’s Anointed, and their loyall Subjects: to, and over whom, their lawfull Soveraignes are no lesse than Fathers, Lords, Kings, and Gods on earth”.

Узы, или отношения базируются на строгом следовании долгу (Duty), исполнение которого гарантирует «спокойствие, умиротворение и порядок». Следование долгу приводит великое множество дифференциаций вновь к изначальному единству. Задача природы и религии — препятствовать распаду и восстанавливать единство[174].

Государство, пишет Мэнверинг, опять-таки следуя традиции, состоит из двух тел — «духовного и светского», во главе с королем. Первое тело он именует еще «религией», а второе — «гражданским» и «политическим». Оба тела являются опорой друг другу. Из религии произрастают все добродетели, а пренебрежение религией становится причиной упадка и разрушения государств[175].

Затем богослов останавливается на терминах — «король» (King), «слово, повеление» (Mandatum Regis, the Commandment of a King), «послушание» (Custodia Mandati, the Keeping of, and obedience to this Commandment), «говорить, советовать» (Consilium, Counsel), «советник» (Counselor) — из используемой им цитаты из Екклесиаста.

---

[174] Ibid. P. 4. “the Duties comporting with all these severall Relations, if they shall be answerably done, are the cause of all the prosperity, happinesse, and felicity which doth befall them in their severall stations: so is it, in the world, the only cause of all tranquillity, peace, and order; and those things, which distinction, number, and disparitie of Condition have made Different, it most effectually reduceth to Union: that, as of One there arose many, so, by this means, doe Multitudes become to bee made One againe. Which happy Reunion,Nature doth by all meanes much affect: but the effecting thereof is the maine and most gratious worke of Religion”.

[175] Ibid. P. 5. “the King is the sacred & supreme Head of two Bodies, the one Spirituall, the other Secular... The one Civill, which is a Counsell of State, or a politique caution... the other Spirituall, which is a devout or religious Reason... The First part is founded upon the Second; the Second is the ground of the First: Religion the stay of Politie; which, if it be truly taught, devoutly followed, & sincerely practiced, is the roote of all virtues; the foundation of all well-ordered Commonweales; and the well-head, from whence, all, even temporall felicity doth flow. The zeale, and fervor of which Religion, if at any time it fall into a wane or declination, contempt or derision, portends evermore, the Ruine and desolation of that State and Kingdome, where, the service and worship of him who sits in heaven, is set at naught: and fills the world with terrible examples of God’s revenging Justice, and most irefull indignation”.

Король, говорит Мэнверинг, ссылаясь на Екклесиаста (5:8) поставлен Господом на земле выше самого высшего[176]. Все действия в мире происходят либо по побуждению власти (Power), либо по причинам, находящимся внутри вещей. Все власти либо сотворены, либо имеют источником первопричину, которая сама не сотворена и абсолютно независима, т. е. всякая власть проистекает от Бога[177]. Королевская власть среди властей «самая высокая, сильная и протяженная. Король выше всех, он не подчиняется никому, ни человеку, ни людям, ни ангелу, ни ангелам». И хотя в установленном Богом иерархическом порядке ангелы стоят над людьми, короли ангелам не подчиняются. Никто, включая церковь, не может ограничивать власть государей. Перед этой властью вынужден склоняться ниц самый знатный вельможа, и эта власть доходит в своей заботе даже до подзаборного бродяги. Королевская власть — не просто власть над людьми, она — сверхчеловеческая. Сказано самим Господом о «тех, кто носит короны, восседает на тронах и со скипетрами в руках управляет народами, Вы — Боги» (Псал. 82:6). Всем, включая пищу и одежду, подданные обязаны монархам и установленным им законам. Бедствия — когда приходит война, из плугов куются мечи, а из кос — пики, кровь заливает одежду, а зубы от голода приходится класть на полку — являются наказаниями за грехи царей и самих подданных[178].

---

[176] Ibid. P. 5. “Excelso excelsior: higher than the highest”.

[177] Ibid. P. 6. “All things that worke, and have any operation, must (of necessity) worke by some Power, or ability which is in them. All Power is either such as is Created, and derived from some higher Cause, or such, as is Uncreated, and Independent. Of this last kinde, is that Power which is in God alone; who is selfe-able in all things, and most puissant of himself, and from, and by no other. All Powers created are of God; no power, unlesse it bee given from above. And all powers, that are of this sort, are ordained of God”. Ссылается при этом Мэнверинг на стих из Евангелия от Иоанна “Jesus answered, Thou couldest have no power at all against me, except it were given thee from above” (John 19:11), и знаменитый стих из «Послания к Римлянам» апостола Павла, где сказано: «Всякая душа да будет покорна высшим властям. Ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены»; “Let every soul be subject unto the higher powers. For there is no power but of God: the powers that be are ordained of God” (Romans 13:1).

[178] Ibid. P. 6–7. “the Regall is most high, strong and large: Kings above all, inferiour to none, to no man, to no multitudes of men, to no Angell, to no order of Angels. For

В трактовке источника власти Мэнверинг расходится с Суаресом. Испанский иезуит считал, что власть происходит от Бога не прямо, а опосредованно. Сначала она делегируется народу, который по обоюдному соглашению передает ее государю. Мэнверинг отвергает идею о «сложении» в одной голове «отдельных властей» в результате народного соглашения. Он настаивает на прямой передаче власти от Бога государям, которую они обретают непосредственным образом по аналогии с авторитетом отцов в семьях. Получив власть от Бога, короли не только правят, но и одновременно обретают (соучаствуют) часть божественной мощи. «Власть государей естественна и божественна, она не исходит от соглашения между людьми». Такой властью обладал Адам задолго до появления папы и народа. Ни у папы, ни у народа нет права

---

though in Nature, Order, and Place, the Angels be superiour to men: yet, to Powers and persons Royall, they are not, in regard of any dependence that Princes have of them. Their Power then the highest. No Power, in the world, or in the Hierarchy of the Church, can lay restraint upon these supreames; therefore theirs the strongest. And the largest it is, for that no parts within their Dominions, no persons under their Jurisdictions (be they never so great) can be priviledged from their Power; nor bee exempted from their care, bee they never so meane.To this Power, the highest and greatest Peere must stoope, and cast downe his Coronet, at the footstoole of his Soveraigne.The poorest creature, which lieth by the wall, or goes by the highwayside, is not without sundry and sensible tokens of that sweet and Royall care, and providence; which extendeth itselfe to the lowest of his Subjects... The Lawes, which make provision for their reliefe, take their binding force from the Supreame will of their Liege-Lord. The bread, that feedes their hungry soules, the poore ragges, which hide their nakedness, all are the fruit and superfluity of that happie plenty and abundance caused by a wise and peaceable government. Whereas, if we should come to heare the dreadfull and confused noyse of warre, and to see those garments rolled in blood, if plough-shares should bee turned into swords, and sythes into speares; then Famine of bread, and cleanesse of teeth, and dearth of all good things, would bee the just and most deserved punishment, of all, both their, and our sinnes... Now, to this high, large, and most constraining Power of Kings, not only Nature, but even God himselfe gives from heaven, most full and ample Testimonie: and that this Power is not meerely human, but Superhuman, and indeed no lesse than a Power Divine... because God would have men to conceive quite otherwise of Regal Soveraignty; therefore himselfe pronounceth this of them, who weare Crownes on their heads, sit upon Thrones, and with Scepters in their hands rule Nations; I said yee are God".

чем-то наделять или что-то забирать у государей. Государи так же святы, как сам Господь. Тот, кто трогает их, трогает око Господне. Государей не должны касаться ни злобные языки, ни мерзкие перья, ни даже дурные мысли[179].

Король, который печется о стране в целом[180], должен получать поддержку из рук людей. Народу следует платить королю «дань» по долгу и не считать ее взимание произволом. Короли, в свою очередь, тоже исполняют долг, но по отношению к Господу тем, что с попечением и болью сохраняют народ в благополучии, мире и благочестии[181].

---

[179] Ibid. P. 7–9. "That sublime Power therefore which resides in earthly Potentates, is not a Derivation, or collection of human power scattered among many, and gathered into one head, but a participation of God's owne omnipotency, which hee never did communicate to any multitudes of men in the world, but, only, and immediately, to his owne Vicegerents... To put then, an end to this first point: Royalty is an Honour,wherein, Kings are stated immediately from God. Fathers they are,& who gave Fathers Authority over their Families, but hee alone, from whom all the Fatherhood in heaven and earth is named? The power of Princes then, is both Naturall, and Divine, not from any consent or allowance of men. And hee that gaine-says this, transgreditur terminus quos posuêrunt Patres, saith Antonine. Not therefore, in any consent of Men, not in Grace, not in any Municipall Law, or Locall custome, not in any law Nationall, nor yet in the law of Nations, which, consent of men, and tract of time, hath made forcible; not finally, in the Pope, or any People is Regall preheminencie founded; for Adam had Dominion setled in him, before ever there was either Pope, or People. Neither Popes nor Populous Multitudes have any right to give, or take, in this case. So that Royalty is a Prehemencie wherein Monarches are invested, immediately from God... that Royalty is a Prehemencie wherein Monarches are invested, immediately from God; For by him doe they raigne. And likewise Sacred to God himselfe; For hee who toucheth them, toucheth the apple of God's owne eye: and therefore, Touch not mine anointed. Supreame also it is, and Independent upon any Man, Men, or Angels; and for this saith he; They are Gods: whose glorious and dreadfull Names, must not bee medled with by any wicked tongues, or pennes, nor mingled with any lewd, perverse or depraving thoughts; and for this, Curse not the King in thy though".

[180] Вновь цитата из Екклесиаста: "Moreover the profit of the earth is for all: the king himself is served by the field" (Eccles. 5:9).

[181] Ibid. 9. "And yet notwithstanding this; they are to bee sustained, and supplied by the hands and helpes of men; for the King himselfe is served by the field; & Reddite quae Caesaris, Caesari: Render as due, not give as arbitrary, for, for this cause pay

Термин «слово, повеление» короля (Mandatum Regis; the Commandment of the King) вызывает у Мэнверинга референцию к более широкому понятию «воля, желание» (will), которое может становиться 1) приказом и действием, вызванным непосредственно монаршим разумом, 2) советом произвести возможные или должные действия, 3) разрешением на производство действия, 4) запретом на действие, 5) декларацией монаршего желания.

«Повеление» прямо обусловлено тремя факторами: «пониманием» проблемы, «сформулированным решением» проблемы, выраженном в декрете или резолюции, и претворением проекта в жизнь, или реализацией решения нижестоящими властями[182].

---

wee tribute, saith the great Apostle. God alone it is, who hath set Crownes on their heads, put scepters, yea and revenging swords into their hands, setled them in their thrones; for this, doe their Royalties render to God (as a due debt) that great Care, Paines, and Providence which they sustaine in the ruling over, and preserving of their people in wealth, peace, and godlinesse: and for this, doe the people render, as due, to them againe, by naturall and originall Justice, tribute, to whom tribute, custome, to whom custome appertaineth".

[182] Ibid. P. 9–10. "The second point was, Mandatum Regis; the Commandement of the King. Now, a Mandate or Commaund is a signification of his will, who hath power to send it forth. Five severall Intimations of the will are observed by the Divines. 1. Either, when a man doth undertake the transacting, and doing of anything himselfe, and that is cleere intimation of his will, by reason that all actions rise from the will: whose proper sway is, to set on worke all the power of the soule, and parts of the body. Or 2. when some Counsell is given for ought to be dispatched, by which the Will and Pleasure of him who gives the Counsell, is signified; and that which is counselled, is shewne possible to be done, and that, in reason, it ought not to be left undone. 3. The Permitting also of anything to be done, where there is power to hinder it, is a cleere intimation (at least), of a kinde of resolution, to have it done. But 4. the Resolute and Mandatory forbidding, Or 5. commanding of anything, is the most undoubted and expresse declaration of his will, who hath Power and Jurisdiction, so to derive his pleasure.

Now then, a Commandement is an act descending from three mosteminent faculties of the human soule. First, from the Understanding, finding out by exact discourse, advice, and counsell, what is to be done, by which extensions of reason, the Intellectual part drawes to practise. Secondly, from the Judgement, decreeing and resolving what is the meetest to bee done, amongst many particulars. And lastly, from the Imperiall sway of the Will, which fastens a Command on all other powers, to doe their parts,

Каким бы «значением» (the significations of a Royal pleasure) королевская воля не представала бы перед «верными подданными», она не перестает быть «повелением». Никто из подданных не должен пытаться проникнуть в суть повеления, ибо оно ему не доступно. Король отстоит от обычного человека так же, как небо — от земли. «Как небо в высоте и земля в глубине, так сердце царей — неисследимо» (Притч. 25:3), — цитирует проповедник Библию. Никто не смеет сомневаться в решении власти, ибо «сердце царево — в руце Божьей: куда захочет Он направляет его» (Притч. 21:1). Сомневаться в решении короля, следовательно, сомневаться в промысле Божьем, который королем руководит. Кроме того, государева воля, выраженная в эдиктах, исходит из интереса государства и глубины совета. Всякий, кто сопротивляется власти, совершает грех, ибо «противится Божьему установлению» (Рим. 13:2). Такой человек идет против совести, достоин тягчайшего наказания, а его душа «навлекает на себя проклятие» (Рим. 13:2)[183].

Повелению суверена нельзя сопротивляться, учит дальше Мэнверинг, даже если оно явно противоречит Божьему закону.

---

for the dispatch of such designes, as Reason hath found out, and Judgement thought meete or necessary to be done".

[183] Ibid. P. 10–11. "All the significations of a Royall pleasure, are, and ought to be, to all Loyall Subjects, in the nature, and force of a Command. As well, for that none may, nor can search into the high discourse, and deepe Counsells of Kings; seeing their hearts are so deepe, by reason of their distance from common men, even as the heavens are in respect of the earth. Therefore said he, who was wise in heart, and deepe in Counsell, The heavens for height, and the earth for depth, and the heart of a King is unsearchable. As also, for that none may dare to call in question the Judgement of a King, because, the heart of a King is in the hand of God, and hee turneth it which way hee pleaseth.Who then may question that, which, God doth proclaime from heaven to bee in his hands, and at his guidance? And for his Soveraigne will (which gives a binding force, to all his Royall Edicts, concluded out of the Reasons of State, and depth of Counsell) who may dare resist it, without incurable waste and breach of Conscience? seeing the Apostle speakes under termes of so great terrour; that he who resists commits a sinne done with an high hand, for he resists the ordinance of God: and so contracts an hainous guilt, and incurres likewise the heaviest punishment: for, to his owne soule doth he receive Damnation".

Следует терпеть страдания и повиноваться, помня при этом, что повинуешься скорее Господу, чем человеку. Терпящие делаются «славными мучениками», а сопротивляющиеся — «мерзкими предателями и нечестивыми злодеями»[184]. Тем более государь вправе ожидать повиновения от подданных, если его повеление не противоречит Божьему закону, закону природы, праву народов и Евангелию, а только в какой-то части не согласуется с национальными и государственными законами. Сопротивление в этом случае является мятежом против Господа и подлежит проклятию. «Как отец страны, он вправе приказать то, что ему угодно, в соответствии с советом и принятым решением. Как король подданных, он повелевает. Как распорядитель наследия Господа, он взыскивает подати. Как глава тела, он оповещает члены. Как защитник веры, он требует почитания. Как защитник людей, жизней и состояний, он заслуживает награды. Как суверенный гарант всякого счастья, мира и благосостояния, которыми наслаждаются те, кто под ним, он требует от трудов рук их. Следовательно, короли во всех отношениях ни в чем не могут иметь отказа». Цена жизни королей — жизнь миллионов, поэтому при возникновении неотложных нужд, вызванных необходимостью защищать самих королей, их королевства и территории, помогать союзникам, отстаивать и продвигать веру, им должна быть оказана материальная поддержка, что предусмотрено законами и королевской прерогативой[185].

---

[184] Ibid. P. 11. “Nay, though any King in the world should command flatly against the Law of God, yet were his Power no otherwise at all, to be resisted, but, for the not doing of His will, in that which is cleerely unlawfull, to endure with patience, whatsoever penalty His pleasure should inflict upon them, who in this case would desire rather to obey God than Man. By which patient and meeke suffering of their Soveraigne’s pleasure, they should become glorious Martyrs: whereas, by resisting of His will, they should forever endure the paine, and staine of odious Traitors, and impious Malefactors”.

[185] Ibid. P. 11–12. “on the other side; if any King shall command that, which stands not in any opposition to the originall Lawes of God, Nature, Nations, and the Gospell; (though it be not correspondent in every circumstance, to Lawes Nationall, and Municipall) no Subject may, without hazard of his own Damnation, in rebelling

Далее богослов разъясняет, что под термином «послушание» (Obedience) он понимает «добровольную и сознательную готовность нижестоящего поступать в соответствии с повелением и статусом вышестоящего». Принудительное исполнение долга, на его взгляд, является отклонением от «истинного послушания». Правильным является «добровольное служение», которое «угодно Господу и человеку». «Послушание, — воспроизводит он библейскую цитату, — лучше жертвы, и повиновение лучше тука овнов» (1 Царст. 15:22). Господь изначально вложил в свое творение, во-первых, естественную склонность к послушанию. Благодаря ей «небеса пребывают в движении, земная твердь — в покое, огонь — в горении, воздух и вода — в свежести, в прохладе и течении». Во-вторых, Господь вложил в творение «пригибающую» (Obedientiall) склонность, которая всегда поддерживает готовность делать то, что противоречит природе, если есть на то воля творца. Поэтому земля разверзается, открывает скорый путь в ад и поглощает тех, кто восстает против Господа и короля (Числа 16:32). Расступаются воды, обнаруживается суша, народ Господний находит удивительный путь, а враг его — странную смерть (Исход 14:15–27). Камни падают с небес, «останавливается солнце над Гаваоном, а луна над

---

against God, question, or disobey the will and pleasure of his Soveraigne . For, as a Father of the Countrey, hee commands what his pleasure is, out of counsell and judgement. As a King of Subjects, he injoines it. As a Lord over God's inheritance, hee exacts it. As a Supreame head of the body, he adviseth it. As a Defendour of the Faith, hee requires it as their homage. As a Protectour of their persons, lives, and states, he deserves it. And as the Soveraigne procurer of all the happinesse, peace, and welfare, which they enjoy, who are under him, hee doth most justly claime it at their hands. To Kings therefore, in all these respects,nothing can be denied (without manifest and sinfull violation of Law and Conscience) that may answer their Royall state and Excellency: that may further the supply of their Urgent Necessities: that may be for the security of their Royall persons (whose lives are worth millions of others): that may serve for the Protection of their King domes, Territories, and Dominions: that may enable them to yield Reliefe, aide, and succour to their deere & Royall Confederates & Allies: or that may be for the defence, and Propagation of that sacred and precious Truth; the publique profession whereof, They doe maintaine by their Lawes, and Prerogatives Royall".

долиной Аиалонскою» (Навин 10:1, 12), сыны Израиля остаются невредимыми в вавилонской печи (Дан. 3:27)[186].

Каждый человек находится в отношениях послушания (obedience) с другим человеком. Это послушание (добровольное, сознательное подчинение) — одновременно и естественно, и морально[187]. Императивно движимый послушанием нижестоящий отдает законную долю вышестоящему, дети повинуются родителям, слуги — господам, солдаты — командирам, народ — пастырям, подданные — законным суверенам. Именно о таком послушании идет речь в Библии[188].

---

[186] Ibid. P. 12–13. "Obedience is a willing and Understandingact of an Inferiour, done at the command, and to the honour of a Superiour. Reasonable then, and Willing, must it be. Violenced duties, forced and extorted actions, are not within the compasse of true Obedience. Voluntary service is that which pleaseth God and Man. And so well doth this suit with the nature of God, (to whom all things ought to yeeld most willing obedience) that hee pronounceth it better than sacrifice, and to hearken, better than the fat of Rammes. Every will therefore, and Inclination that is in the Creature, is charged with the dutie of Obedience toward the Maker of it. To this end, God hath planted a double Capacity, and possibility in the Creature, to submit to his pleasure. The one is Naturall, by which, the Creature, in all its actions, that follow, and flow from its forme, doth actually and perpetually serve the Creatour: as the Heavens, in moving; the Earth, in standing still; the Fire, in burning; the Air, and Water, in refreshing, cooling, and flowing. The other capacity, is called Obedientiall: whereby the Creature is ever ready to doe that which is contrary to its owne Nature; if the Maker's pleasure bee to command it so. And with this Obedience, did the Earth fearefully shrinke, and fall asunder, to swallow up those Rebells against God, and the King; so to give them a sudden and ready passage into hell, by a direct and streight diameter. Thus, did the waters stand on heapes, and leave the Channell dry, that God's people might finde a marvelous way, and his enemies a strange death. Thus, did stones yeeld to be lifted up against their nature, into the air, that they might fall backe, and recoile with greater violence; to bruise and braine the enemies of his people. Thus, did the Fire of the Babilonian-Furnace refresh the three Children. And thus, in fine, did the Sunne stand still in Gibeon, and the Moone, in the Valley of Aialon".

[187] Так ли уж оригинален был Гегель, когда провозглашал, что все разумное действительно, а все действительное — разумно?

[188] Maynwaring R. Op. cit. First sermon. P. 13. "All the Obedience therefore, that Man can challenge from man, is, in part, Naturall; as agreeable and convenient to their inclinations: and, in part, Morall, in as much as it is Free and Willing. And

В стихе Екклесиаста, говорит Роджер Мэнверинг, сказано о трех взаимно связанных и взаимно обусловленных «величиях»: одно — у «Бога живого и царя вечного» (Иерем. 10:10), второе — «величие Соломона», третье — «величие всех царей земных». Иначе говоря, в библейском тексте речь идет о короле, который дает совет, о короле, который получает послушание, и о короле, ради которого все перечисленное делается. По его мнению, вышеприведенных аргументов должно быть достаточно «всем разумным людям», дабы принять истину о необходимости «ради уважения клятвы Бога» следовать совету Соломона (Екклесиаста), т. е. оставаться послушными государю[189].

Роджер Мэнверинг считает необходимым в заключение первой проповеди ответить на «спекуляции» и «практические ошибки» тех, кто поражен тщеславием и противопоставляет совесть послушанию, религию — верности, законы людей — законам Бога, мирское право — естественному, человеческую мудрость — воле и мудрости Господа, а свои собственные слова — словам Соломона[190].

---

this, of right, may every Superiour exact of his Inferiour, as a due debt. And every Inferiour must yeeld it unto his lawfull Superiour, for the same reason. Children, to Parents, in discipline, and Domesticalls: Servants, to their Lords, in their respective and obliged duties: Souldiers, to their Commanders, in Martiall affaires, and feates of Armes: People, to their Pastours, in Conscientious-duties and matters of Salvation: Subjects, to their lawfull Soveraignes, in the high Concernements, of State and Policie. And This is that Obedience, wherewith we are all charged in this Text, by the Word of God, and Wisdome of Salomon".

[189] Ibid. P. 13. "We may observe, that, in the Text, there is a double, nay a treble Majestie: The Divine Majestie of him, who is the Living God, and everlasting King; The Majestie of King Salomon, that gives the Counsell; And the Majestie of all Kings, on whose behalfe this Counsell is given. And, did we well consider the King, that gives the Counsell; and the King, that is now to receive the Obedience; and the King, for whose sake it is to be given; and the Reason, why: In regard of the oath of God: it were reason sufficient, without any more adoe, to perswade all Rationall-men, to accept of this Counsell".

[190] Ibid. P. 13–14. "But, there be Pretenders of Conscience, against Obedience; of Religion, against Allegiance; of Human Lawes, against Divine; of Positive, against Naturall; and so, of Man'sWisdome, against the will and wisdome of God; and of their owne Counsells, against the Counsell of Salomon. These men (no doubt) may bee wise

1. Он разделяет мнение тех, кто считает, что «ассамблеи» являются в любом королевстве самыми «высокими и величественными представительными органами». Но он не согласен, что они могут определять и устанавливать «данническую помощь», предназначенную монарху. Он пишет, что у них есть только полномочие «равномерного» распределения обложений. Само же право взимать «субсидии» принадлежит королям по естественному праву и естественной справедливости, по праву рождения и по праву наследования. Более того, утверждает Мэнверинг, ссылаясь на трактат Франсиско Суареса «О законах» (книга 5, глава 17), «высший магистрат при крайней и острой необходимости вправе требовать субсидий». Они должны взиматься, исходя из платежеспособности налогоплательщиков. Тяжела будет участь того, кто сопротивляется установлению Господа: он навлечет на себя проклятие, даже если это не предусмотрено государственными законами»[191].

---

in their generation; but wiser than Salomon no man can thinke them: nor (as I hope) doe they thinke themselves so, for if they did, of such there were little hope. Some there were, in the days of Justin Martyr, who were so strongly conceited of their owne wayes, as to thinke themselves wiser than the Scriptures. Upon them, and the like, Saint Augustine, (against the Donatists), lets fall this sentence, as an heavy beame to bruise their hairy scalps: They (saith he) who preferre their owne desires of contention, before divine and human testimonies; deserve, that, neither their words should be ever held for Lawes, nor their deeds taken for Precedents. Now therefore, Salomon's wisdome is great, and his Counsell deepe, and able to perswade; and, if these men's wisdome be from above, as Salomon's was, it is no doubt perswadeable. And, if I wisht it were, and that they would be perswaded, (as some have beene) I would propound unto their view, a few short Considerations, which, (if they would please well, and seriously to weigh them) might (with facility) remove, as well, all their Speculative, as, Practique errours".

[191] Ibid. P. 14–15. "First, if they would please to consider, that, though such Assemblies, as are the Highest, and greatest Representations of a Kingdome, be most Sacred and honourable, and necessary also for those ends to which they were at first instituted: yet know we must, that, ordained they were not to this end, to contribute any Right to Kings, whereby to challenge Tributary aides and Subsidiary helpes;1 but for the more equall Imposing, and more easie Exacting of that, which, unto Kings doth appertaine, by Naturall and Originall Law, and Justice; as their proper Inheritance annexed to their Imperiall Crownes, from their very births. And therefore, if, by a Magistrate, that is

2. Проповедник говорит, что ассамблеи созываются, когда государство находится в опасности и испытывает крайнею нужду. Но они вместо того, чтобы находить ответы и помогать суверенам, прибегают к возражениям. Под предлогом «вольности и свободы» они служат удовлетворению частных интересов[192].

3. Оппоненты часто забывают про важность тех проблем, на разрешение которых требуется финансовая помощь, а это: «честь» участвующего в войне короля; его безопасность, «ибо его жизнь стоит миллионов наших»; безопасность и защита территории королевства; помощь союзнику, королю Дании, который рискует своей жизнью, короной и королевством «в деле, которое касается нас больше, чем его самого»; укрепление безопасности и сохранности жизней, добра и состояния подданных, а также предупреждение вторжения, которое замышляют и планируют злобные и искушенные враги; защита и продвижение протестантской веры[193].

Supreame; if, upon Necessity, extreame and urgent; such Subsidiary helpes be required: a Proportion being held respectively to the abilities of the Persons charged, and the Summe, or Quantity so required, surmount not (too remarkeably) the use and charge for which it was levied; very hard would it be for any man in the world, that should not accordingly satisfie such demaunds; to defend his Conscience, from that heavy prejudice of resisting the Ordinance of God, and receiving to himselfe Damnation: though every of those Circumstances be not observed, which by the Municipall Lawes is required".

[192] Ibid. P. 15. "Secondly, if they would consider the Importunities, that often may be; the urgent and pressing Necessities of State, that cannot stay (without certaine and apparent danger) for the Motion, and Revolution of so great and vast a body, as such Assemblies are; nor yet abide those long and pawsing Deliberations, when they are assembled; nor stand upon the answering of those jealous and overwary cautions, and objections made by some, who (wedded over-much to the love of Epidemicall and Popular errours) are bent to crosse the Just and lawfull designes of their wise and gratious Soveraignes: and that, under the plausible shewes of singular liberty, and freedome; which, if their Consciences might speake, would appeare nothing more than the satisfying either of private humours, passions, or purposes". Эта формула Мэнверинга содержала намек, что законы в государстве принимаются по соглашению большинства в представительном органе, а такое согласие зачастую случайно и непредсказуемо, тогда как государь в решениях, будучи наместником Господа, руководствуется высшим смыслом и общим благом.

[193] Maynwaring R. Op. cit. First sermon. P. 15. "In the third place; if they would well weigh the Importance,weight,and moment of the present affaires; for which such

4. Как и Р. Сибторп, Мэнверинг упрекает современников, что внутри английского королевства они расточают «сокровища» по пустякам, тратят на «непристойности и гнусности», на «спину и брюхо», на «ноги и пальцы», на «кольца и розы», на «бесчинства и пьянство» и проч. Поэтому, когда Бог приходит за своей десятиной или король за своей данью, то выясняется, что дьявол уже «пожрал» все, и «весь мир лежит во зле»[194].

5. Непослушание в делах светских, по мнению Мэнверинга, сравни отказу католиков-рукузантов признавать верховенство суверена в делах духовных[195].

---

helpes are required. 1. It is for the honour of his Sacred Majestie; and to enable him to do that which he hath promised in the word of a King: that is, to give supplie to those Warres, which, the Resolutions of his owne Subjects represented in the high Court of Parliament, caused him to undertake; and that, with the highest Protestations, and fullest Assurances from them, to yeeld him all those Subsidiarie helpes that way, which, the Power, or Love of Subjects, could possibly reach unto. 2. It is for the Security of his Royall State and Person, which ought ever to be most deare and tender unto us: his Life being worth Millions of ours. 3. It is for the Safety and Protection of his Majestie's Kingdomes, Territories, and Dominions. 4. It is for the Reliefe, and Succour of his Royall and Confederate Uncle the King of Denmarke; who, in a Cause that much neerer concernes us, than it doth himselfe, hath hazarded his life, Crowne, and Kingdome; as they well know. 5. It is also, for the Securing, and Preserving of all our Lives, Goods and States, and the Preventing of Forreigne Invasions, by bitter and subtile enemies of ours, both intended, and projected. 6. And lastly: It is for the Defence, and Propagation of that Sacred and Precious Truth, which we all professe to follow, protest our Interest in, and resolve to die for; if need require, and occasion bee offered".

[194] Ibid. P. 16. "Fourthly, if they would Consider, what Treasures of wealth are dispended within this Realme, upon purposes of infinite less importance: Nay, to lewd & vile uses, much is spent and with wonderfull alacrity quite cast away: what within, and what without the body; upon backe, and belly, upon fingers, and feete, Rings and Roses, rioting, and drunkennesse, in chambering, and wantonnesse, in pride, and vanity, in lust, and luxury, in strife, and envie; So that, if God come to claime his Tenth, or the King his Tribute, the Devill is gone away with all. So that, we cannot say, as Saint Augustine yet sometimes said, Quod non accipit Christus, tollit fiscus: but where the Devill hath devoured all, there, God and the King, doe loose their right. Mundus totus in maligno positus" (1 John 5:19).

[195] Ibid. P. 16. "Fifthly, if they would consider, what Advantage this their Recusancy in Temporalls gives to the common Adversarie: who, for disobedience in Spirituals, hath hitherto alone inherited that Name. For, that, which we ourselves condemne in them, blame them for so doing, and professe to hate that Religion, that teacheth them so to doe; that is, to refuse Subjection unto Princes, in Spirituals: The same (if not worse)

6. Тот, кто отказывается повиноваться суверену, как то советует делать Соломон, не может считаться ни добрым человеком, ни добрым христианином, ни добрым подданным. Такой человек не может быть «разумным». Те же, кто поступают по высшему долгу, отдают помазаннику Божьему и своей стране то, что предписано природой, совершают благое дело для себя, приносят награду своей душе и вечный мир своей совести»[196].

ВТОРАЯ ПРОПОВЕДЬ

Вторая проповедь, посвященная религии, несколько более пространна, чем первая. Несмотря на то, что она детерминирована указанием короны и логикой политического момента, властная проблематика представлена в ней не так очевидно, как в первой.

---

some of our owne side now (if ours they be) dare to practise. For, in Temporalls they submit to his Majestie; though he be no Defendour, but a Suppressour of their Religion. Of their Lives, and States, indeed, his Majestie is a most gratious Protector; but of their Religion not so. Of our Lives, States, Faith, and Religion, is his Sacred Majestie a most gratious Defendour, by his Lawes, and Prerogative Royall; and in his owne Person, a most glorious Example of zealous and active Devotion. Therefore, wee must needs bee argued of lesse Conscience, and more ingratitude, both to God, and the King; if in Temporall things we obey not. They, in Spiritualls, deny Subjection, wherein they may perhaps frame unto themselves some reasons of probabilitie, that their offence is not so hainous. If we, in Temporalls, shall bee Refractary, what colour of reason can possibly we finde out, to make our defence withall, without the utter shaming of ourselves, and laying a staine (that cannot easily be washed out) upon that Religion, which his Majestie doth so gratiously maintaine, and ourselves Professe?"

[196] Ibid. P. 16. "And last of all, (to conclude) if they would consider and know, that hee who doth not, upon the former reasons and Considerations, yeeld all willing Obedience to this Counsell of grace; and observe the Command of his Soveraigne; as Salomon here adviseth: is so farre from being a good man, or a good Christian, or a good Subject, that he is not worthy to be reputed amongst the Reasonables; but such as the Apostle calls absurd and unreasonable men. And, if they shall now at length thinke upon this Transcendent dutie, to doe it with all Obedience, and Alacritie; to God, shall they doe that, which, to him, will be most acceptable: to his Anointed, shall they give great content, in the performance of that promise, we all made to his Majestie, by way of Representation, in that high and honourable Court of Parliament: to their deere and Native Countrie, shall they doe that, which, by Nature they are bound to doe: to themselves, shall they doe well, yea, their owne soules shall they reward with good, and their Consciences with perpetuall Peace. Amen".

Роджер Мэнверинг вновь начинает с того, что воспроизводит тот же самый стих их Екклесиаста: «Я (Соломон. — *С. К.*) советую тебе, ради уважения клятвы Бога, будь послушен повелению царя». Проповедник подчеркивает, что стих этот взят из Библии, следовательно, он есть слово Божье, авторитет которого незыблем и которому посему надлежит повиноваться. С ним перекликается другой стих: «Храни заповеди (повеления. — *С. К.*) мои» (Притч. 7:2), который означает то же самое, а именно: что повелению Божьему и повелению короля надлежит всегда беспрекословно повиноваться, ибо все повеления исходят «от одного автора и от одной власти»[197].

Этот совет — совет мудреца и совет пророка. Господь посылает людям не только совет, но наделяет их для его восприятия «пониманием», которое есть «матерь знания». Знание поднимается до «мудрости», мудрость порождает разумный совет. Все эти качества от Бога, который есть источник всего совершенного[198].

---

[197] Maynwaring R. Op. cit. Second sermon. London, 1627. P. 1–3. “This Text is Scripture, and the word of God. The Word of God is a Mystery most deep and Sacred: Sacred, as well for the things it doth contain, which are the Treasures of wonderful depths; as for the Fountain from whence it flows, to wit, the Sublimity of Gods most blessed Understanding; to whom, the Scriptures are even naturally known, and with much more facility understood; then by Us, matters of Sense and Reason can possibly be discerned [...] Now, the Commandments of God in Scripture, though they differ in Matter and Manner of Revelation; yet have they the same Author, and one and the fame end. If God please to command for himself, and say, Keep my Cornmtnlments, Prov. 7.1. no man will deny, but that all Audience and Obedience is to be given to it. And, if God command for the King (as here he doth) and sav, Keep the Kings Commandments it is all from one Author, and of the same Authority; with the same Conscience and Reverence to be received; for the same Reason, with the same Religion, and under the same Obligation to be observed. For, as in things to be believed, we restin the credit of him that speaks; So in Matters of Fact, and to be done, we content our selves with the Authority of him that Commands”.

[198] Ibid. P. 3–4, 8. “therefor, Counsel is not any profane thing; but, by the verdict of the Heathen [...] That the first step to wise Counsel is the Gift of Understanding ; rhis Understanding is of God. There is a spirit in Man (saith Job) but the inspiration of the Almighty giveth understanding. Job 32:8. This is so bright andcleer a Lamp, in this dark house of Sin, Mortality and Ignorance, wherein we dwell; that Solomon calls

Итогом данного пассажа становятся «пять афоризмов»: 1) ничто так не препятствует опасностям в государстве, как совет тех, кто мудр сердцем и наделен властью; 2) нет лучшей дамбы на пути потока злонамеренности, строптивости, вредоносности и греховности, как внимание словам советников; 3) ничто не является столь соответствующим времени, в которое богохульство норовит захлестнуть благочестие, а гордыня, безволие и порок поглотить добродетель и скромность, как отдаться с вниманием и послушанием мудрому совету; 4) ничто так не отвращает от Бога и человека, как пренебрежение послушанием; 5) пренебрежение и презрение верховной власти формируются в юности. Долг повиновения всегда производен от моральных и хорошо организованных умов, от нормальных и правильных установок. Определенно, если рука власти не будет сдерживать строптивцев, появится такое порочное и развратное поколение, которое зальет мир грубостью, распутством и крайней жестокостью. Наступит то, чем грозил пророк Исайя: «Отрок будет нагло превозноситься над старцем и простолюдин над вельможею» (Иса. 3:5). И превратятся, повзрослев, эти отроки в чудовищ, которые, испытав голод или страдание, будут «хулить царя своего и Бога своего» (Иса. 8:21), нисколько не стыдясь и не боясь ни человеческой, ни божеской кары. Постоянство в грехе делает человека упертым и упрямым, а безнаказанность — дерзким и смелым. Те, кому в юности не внушен религиозный страх и почтение к поставленным над ними, впоследствии становятся столь дерзкими и наглыми, столь распутными и развратными, столь пренебрежительными к

---

it, The Candle of the Almighty, Prov. 20:27. Now this Understanding is the Mother of Knowledge: Knowledge brings up to the maturity of Wisdom and Prudence , There two are the Parents of wise Counsel, Prov. 1:5. Therefore Solomon saith, That a Man of understanding, shall attain unto wise counsels, Prov. 20:5. Counsel then draws deep, and is far-fetch'd ; from Understanding and Knowledge, from Wisdom and Prudence, all these from God; who is the unemptiable Fountain of all perfection [...] I should now speak of the Counsellor Solomon which was my Firsth Circumstance, and I hope you know he gave a Wisemans Counsel, and the Counsel of a Prophet".

высокочтимой персоне правителя, что осмеливаются без всякой боязни злословить о его деяниях[199].

Роджер Мэнверинг считает необходимым еще раз указать, что творец, создавая мир, иерархически упорядочил его, т. е. определил каждой вещи ее место в субординированной системе. «Верховен-

[199] Ibid. P. 4–7. “1. That as there is nothing more high, deep, or sacred than Wife Counsel; So neither is there any way to prevent dangerous Sequels in a Commonwealth, more effectual, than the Sovereign Counsel of those, who are Wife in Heart, and Mighty in Power. 2. That no way so pregnant to raise up a Damme against the over-flowing of Wickedness, and superfluity of Naughtiness, and those fearful Evils, into which our Sinnes are like to sink us; as hearkening to the Counsellors of Peace. 3. Nothing more seasonable in this Age, wherein Profanesse hath so far over-run Piety; Pride, Meekness; and Vice, in a manner, drowned all Virtue and Modesty; as to boare the ears of Men, that they may give all Audience and Obedience to Wise Counsel. 4. Nothing more the cause of so little Fear of God, and Reverence toward Man (as there is in these days) than is the supine-flacking of this Obedience. 5. And (in fine) nothing so much the cause of this neglect, and (in a manne) Contempt of all Dutiful submitting to Supreme Authority; as the want of that Discipline and due Correction, wherewith men ought to be framed, and smoothed in their Minority, and tender age. Dutiful obedience being ever the effect of moral and well disposed Minds; of regular and well composed Affections. And most certain it is, That, if the hand of Discipline be not held more streightly, over this late and stif-necked Brood that is now growing to Maturity in the World; nothing is more to be expected, than that the coming-Generation will bring in such a Torrent of Vice and Corruption, as will over-run the World with Rudeness, Lewdness, and extreme Barbarity; and bring upon us that Curse which Esay threatens to them, who ought timely to repress such Intemperancies; That the Child shall behave himself proudly Against the Ancient; and the Base against the Honourable; and which, in time will grow to such Monsters, as the same Prophet speaks of (in another place) who being but a little pinch’d with Hunger, or touch’d with the least Calamity, will Curse their King and their God. and look upward: not being a whit ashamed of themselves, or afraid of Humane or Divine Revenge. For, what makes the Nature of Man more stiff and inflexible, than, hardening in Sin? What more desperate and daring then Impunity in their evil moral dispositions, and never to suffer that smart of Correction which is meet for the back of Fools? Hence it comes to pass, that the Hearts of Men, (in their tender years) being never subdued, with any Religious Awe; nor acquainted with any Reverence or godly fear toward their Superiours, do afterwards (in their riper times) become so Desperate and Audacious, so Lewd and Licentious, as to be so far from honouring the Person of the Ruler, that they dare with great boldness Traduce his Actions”.

ство» и «подданство» (подчиненность) — два основных свойства, имманентно присущие вещам, которые удерживают порядок. Богу принадлежит верховенство над миром. Он — творец, первопричина и конец всего созданного им. «Господь — законодатель наш, Господь — судия наш, Господь — царь наш» (Иса. 33:22), — цитирует проповедник пророка Исайю. Люди отвечают перед Богом за свои деяния. Они должны отдавать ему что-то от своего имущества. «Чти Господа от имения твоего и от начатков всех прибытков твоих» (Притч. 3:9). Мир управляется Богом посредством субординированных же законов — божественных, естественных и человеческих, а также власти, которой Бог наделил королей и духовных лиц. На земле верховенство принадлежит королю, который облачен среди людей наивысшей святостью. Он стоит сразу после Бога, обладает всей полнотой власти над людьми, и юрисдикцией относительно актов и действия людей[200].

---

[200] Ibid. P. 8–11, 15. “We must know, That this World is not one thing only, but, many things; yet fairly disposed, and fitly ordered [...] Order therefore (as Saint Augustine saith) facit quie scere: Order gives to every thing its proper place, and so procures, and preserves Rest and Quiet thereunto. In order therefore, of necessity must be those two things which Justine Martyr calls [...] Transcendency, and Lowliness; Sublimity, and Inferiority; Supremacy, and Subordination; Majesty and Subjection. Now, That which is most high and supreme (be it in Heaven above, or on Earth beneath) that is ever the best. Which, that wise and illuminate Heathen Ecphantae did see full well, when he said, In Heaven, God; on Earth, the King it chief: Of Creatures Man, Of Men, the King most sacred is. A Natural Ground it is, That look what is best and most Divine, that ought to Rule; and what is of a lower strain of Goodness, that ought to be at Command, and in Subjection. And so in Goodness God being the highest, of necessity all Power, as well of Dominion, as of Jurisdiction, originally resides in him. And hence is that of the Prophet Esaiah. The Lord God isi our Law-giver; the Lord God is our Judge; the Lord God is our King. In the first, we do believe that out Persons to him are acceptable. In the second, that our Actions to him are accountable. In the third, that our Substance is liable to his Honour and Service, as Solomon elsewhere faith, Honour God with thy Substance and with the first fruit. of all thy Increase, Prov. 3.9. And, from that natural Right that is in God, to give Laws unto the Creature, and by them to Govern all things; and from that natural Obligation which is in Man, to submit to the Creator’s Law; is supported, and held up all the Credit, Reverence, and Obedience, which is due to all Laws both of

Бог, будучи источником власти, постоянно следит за тем, должным ли образом исполняют свои функции те, кому она делегирована, т. е. за должностными лицами. Одновременно «словом своим» он призывает «сыновей Адама» следовать «естественному долгу», т. е. «относиться с почтением и послушанием к священным повелениям их суверенов». Этому учит разум и религия[201].

С этого момента Роджер Мэнверинг сосредотачивается на религиозных доводах. «Слово Божье» он называет «семенем» религии. «Религию» именует «корнем» совести. «Совесть» характеризует, как «мать» верности. «Верность» — как «наставницу» послушания. «Послушание» — как самый прямой путь к вечной жизни. Через религию Господь приводит людей к повиновению короне, о чем гласит легший в основу проповедей стих из Екклесиаста[202].

God, Nature, and Men, and all that Power which is derived to Men, be they Kings, or Priests, is wholly, and immediately transmitted from God; in whom is the Plenitude of all Power. To the King then, as the best, and highest under God, and after God, the most Divine, is communicated all Power of Domininion over the States, and Persons, and of Jurisdiction over the Deeds and Actions of mortal men [...] What Religion is: God, who, by his Will, Goodness, and Power, is the Author, and Cause of all Things, the lame God, by his Providence, is the End for which they were Created... For he Crested all things for himself".

[201] Ibid. P. 11–12. "Nor yet doth God's stay here,but goes farther; and as he is the Fountain of those Powers, and doth derive; them to, and bestow them on, and lettle them in, all Earthly Potentates; for the endless good of all Generations of Men: So hath he a special care to see that Power both feared and obeyed in Them, who are the Dispensers of hi; Power, and Ministers of his Providence. And for this cause therefore, doth he himself call for in his Word, the Actual and perpetual discharge of that natural Obligation, which lies upon all the Sons of Adam, To yield ail Reverence and Obedience to the sacred Mandates of their Soveraigns [...] And further, to this purpose nor only useth Reason, but Religion too (which is the Queen of all Virtues, and Crown of all Reason)".

[202] Ibid. P. 12–13. "God is the Author of all Power, of the Being; of the deriving thereof into Men; of the Care and Providence over it; of the Obedience done unto it. This Care is manifested in his Word: His Word is the seed of all Religion; Religion the Root of all rightly informed Conscience; Conscience the Mother of Allegiance; Allegiance the Mistress of Obedience; Obedience the Way of Life (saith Saint Gregory) For, no sooner are we rendred to the Paths of our Obedience, but we are set upon the

Под «клятвой перед Богом» он подразумевает:

1) «религиозную присягу», которая означает признание того, что нет никого выше и священнее Господа;

2) «присягу на верность» (Oath of Allegiance), при принесении которой Бог становится ее свидетелем, а сама она означает обязательство исполнять заповеди веры и хранить верность «помазанному им королю»[203].

Религия побуждает людей благочестивых и нравственных повиноваться Господу и королю, тогда как враги ее не только клевещут, но и разрушают ее. Подлинно верующие лишены богохульства и злословия. Религия, как и разум, не может звать к мятежу и непослушанию верховной власти[204].

Промысел (провидение) Божий, который направляет творения его, может быть «естественным» и «моральным». Естественный промысел трактуется им в духе естественного императива, или

Borders of Eternal Life. That God therefore, who, by Religion, brings us to Obey them that Reign over us, by Obedience shall bring us also to a Crown; if, with Conscience to his Commandment, we perform the fame: And that in regard of the Oath of God".

[203] Ibid. P. 13. "First, If the Oath of Religion be here meant, then God is a Party, and so it is Juramentum Dei [...] for that God is the most high and sacred Person, to whom we, by solemn protestation, impledge our selves. Secondly, If the Oath of Allegiance be understood; there God is a Witness, and an Undertaker both; and so this is the Oath of God too, and a great Oath, wherein God becomes a Witness that we have Sworn; and an Undertaker for us, that we shall perform Faith, and true Allegiance to his Anointed King". Заметим, что «присяга на верность», введенная в 1606 г. для католиков именовалсь еще и как «присяга послушания» (oath of obedience). См.: Patterson W. B. King James VI and I and the Reunion of Christendom. Cambridge, 1997. P. 75–123.

[204] Maynwaring R. Op. cit. Second sermon. P. 14–15. "What Power and Property it hath, to perswade Obedience to God and the King. For, as a Reason, if ought to perswade Men; as a Virtue, Moral Men; as a Religious Vow, Religious and Devout Men, to Obedience... What Objection have been framed against her, and what Aspersions have been cast upon this Queen of Graces; by a world of Enemies, whose endevour hath ever been, not only to Traduce her Fame, but to suppress her very Being... What Regard, All (in whom there is as yet any Impression of this Virtue of Religion) ought to have, that they cause not the Name of God to be blasphemed, nor the way of Truth to be evil-spoken off, by pretending Religion, as a Reason, to perswade Rebellion or Disobedience in any wise, to Supreme Authority".

правительства. Эта трактовка (судя по цитатам из Сенеки, Аристотеля и Блаженного Августина) позаимствована у античных авторов. Промысел встроен в природу и действует помимо разума людей. Он управляет светилами, сменами дня и ночи, ведет живые существа от рождения до превращения в прах, удерживает нации и человеческие общности в мире и порядке[205].

Однако Роджера Мэнверинга больше интересует моральный промысел, который работает в обществе «людей и ангелов», побуждая их сознательно придерживаться определенных стандартов и моделей поведения. Мораль возвышает людей и связывает их души с Господом.

Человек в течение жизни многократно присягает прибывать в союзе (Covenant, Bond) с Богом. Это происходит во время обрядов крещения, евхаристии, через соприкосновение со словом Бога. Наряду с установленными законами, стыдом и страхом наказания, религия является «уздой» и самым «легким хомутом», которые удерживают человека от дурных поступков: насилия, болтливости, богохульства, клеветы, злоязычия, тщеславия, злобы и проч. Религия, кроме того, учит с послушанием (obedience) благодарить и воздавать Богу и помазанному им королю в виде

[205] Ibid. P. 15–16. “This Providence is twofold: The first is termed Natural; which some, even of the wiser Gentiles, did acknowledge. One of them saith, That impossible it is, that so huge a Frame, at this Worlds compass is, should stand without some special Guardian to protect and overlook it. And that Nature (saith another) which works under the command, and moves it the instance of the first and most understanding Agent; drives at some End, which it desires, and labours to attain; and unto which, it is secretly and undiscernably guided, by that Supreme Mover, who ‘sets all the World on wheels. St. Augustine calls this kind of Providence, A close and hidden Government of Things in. Heaven above, and Earth beneath. For by this (saith he) The Night exchangeth with the Day: The Sun by Day, the Moon and Stars by Night do take their turn; by this the Earth as Center stands, the Waters stow upon the Surface of the. Earth; the Air, like Oyl, doth state upon the Waters: By this, all living things do breed, increase, decay, and fall to dust again: By this do Angels fiy to do his Will, and Man doth haste unto his Work: By this, the fields are till’d, and blest with fruitful increase; Arts and Sciences are learned; and Cities, Nations, and Societies of Men ere fettled and preserved in Peace and Order”.

десятины первому, и дани — второму. Жить без религии значит жить без Бога, значит «не иметь надежды и быть безбожником» (Ефес. 2:12)[206].

Помимо всего прочего, религия есть любовь, в том числе любовь к власти и личности короля. Король величественен в своей непосредственной близости к Господу. В тексте священного писания о почтении Бога и короля часто говорится нераздельно: «Бойся, сын мой, Господа и царя» (Притч. 24:21); «Отдавайте кесарю кесарево, а Богу — богово» (Мат. 22:21); «Бога бойтесь, царя — чтите» (I Петр 2:17); «Ради клятвы Бога, будь послушен повелению царя» (Екклес. 8:2)[207].

---

[206] Ibid. P. 16–21. "The Second kind of Providence is that which is called Moral; distinctly guiding Reasonables (both Men and Angels) to such several Ends, as their deliberate and willing Actions may with justice bring them to [...] that Ties and Conftdederates our Souls to God [...] Religion is the Belt or Girdle that doth clasp the Soul to God. And many ways doth this Religion tie us. In Baptism, by a Vow; whereby, at our first Entrance, we do, in express and solemn manner, Impledge our Souls to God, and voluntarily resign and swear our selves to his Service; with a Protestation to renounce all contrary Powers. In the Sacrament of the Altar are we tied by a Divine Indenture, Sealed with the Blood of Christ. To his Word are we tied by Faith; to his Promises by Hope; and by Love are we ingaged to his Insinite Goodness. By Gratitude, to his Benefits; by Fidelity, to his Covenant: And by Justice, to that excellent Glory that shines in him. And not only doth our Religion bind us unto God; but, from many other things are we Tedered, by this Oath of God. Human Laws, Shame, Disgrace, and Fear of Punishment; the hope of obtaining our wished Desires, may tie, and often do manacle our External Actions [...] Religion is a Curbe, The Hands it ties from Violence; the Tongue from speaking; the Ear from hearing Blasphemy, Slander, or Detraction; the Eyes from beholding Vanity; the Heart from evil Thoughts; the Head from wicked Imaginations; the Feet from running twist to vile Excess: On all these, Religion lays a most sweet and easie yoak. And beside all these, Religion Prays; it Adores and falls low before his Footstool: it offers up Praise and Thanksgiving [...] With most willing and devout Obedience, pays She Vows to God; Tithes to the Tribe of his Inheritance; and Tribute to his anointed Kings; labouring ever, by most dutiful Obedience, to submit, wherein it is commanded; and by sorrowful Repentance to. Satisfy [...] Without Religion therefore, and without God [...] but lived without all hope, and without God in the World, Ephes. 2.12".

[207] Ibid. P. 21–22. "The Power of Religion is seen by. her Property; This Property is a. Passion, this Passion js Love, and that kind of Love, which, by the Divines is called

Дальше теолог развивает идею королевского величия, предопределенную близостью к Богу. Он приводит три аргумента. Во-первых, в Библии сам Господь нередко именуют царей богами (См.: Псал. 82; Иоанн 10:35), чего не делает в отношении других своих творений. Во-вторых, неповиновение помазанному Богом королю и мятеж против короля стоят радом со святотатством. Неповиновение проявляется в отказе в выплате Господу десятины и предоставлении королю поддержки. В-третьих, люди, живя в мире, получают от Господа и короля идентичные благодеяния. Но король не получает от народа то, что ему полагается по справедливости. Люди воздают Богу, дети — родителям. Король же не получает равное ему воздаяние, хотя он — «отец отчизны», заботящийся обо всех, и общий для нации родитель[208].

Appreciative; the Love of singular est'eemi, regard, and honour, which true Religion ever bears to Powers end Persons Royal. And this affection of Religion.is expressed in this; That Regal Sublimity is, by her Command, placed so near the Presence of the Deity. For, as the Honour and Reverence which is due to God and the King, do both (in some manner) appertain to one Table, so is it (for the most part) conjoyned in oae Text throughout the Scriptures. My Son, fear God, and the King., Prov. 24.21. Give to Casar, the things that ere Casars; and to God, the things that are Gods, Matt. 12.21. Fear God, Honour the King, I Pet. 2.17. Keep the Kings Commandment; And that, in regard of the Oath of God, Eccles, 8.2".

[208] Ibid. P. 23–25. "Now, if we demand the Reason, why Religion doth thus associate God, and the King; It may be conceived to be from three Causes: Ehither from the Communion of Names; for God, is not only said to be Standing in Synagoga Deorum; in the Assembly of Princes, Psal. 81. as One of them; But doth also vouchsafe them the Participation of his own most Blessed Name: A Privilege, which He never did impart to any Creature, but only unto such as are most near and dear unto him; namely to Kings, Psalm. 82.6 Angels, PsaL 8.5. Priests, St. John 10.35 whom alone the Scriptures honour with that high and noble Grace, to be called Gods. Or else from the Propinquitie, and near-bordering of such Offences as reflect upon God, and his anointed King. That the Sin of the next assinity unto Sacrilege, is Disloyalty unto Princes [...] And hence it comes to, pass (from this Nearness) that Sacrilegious Persons, who are not afraid rod God of his Tithes, and Christ of his Patrimony, (the only Tribute which the World must for ever owe and pay to Cod, for his Universal Dominion and Providence over the World) fall incontinently upon Kings [...] Or else, from that Parity of Beneficence, which Men enjoy from God and Sacred Kings. Impossible it is for any Creature in the World to answer, or proportion Divine Beneficence [...]

Правосудие предполагает пропорции. Оно не исключает соподчинения. Ибо абсолютное правосудие может существовать только между равными. Бог и король возвышаются над людьми, поэтому «частью правосудия (справедливости. — *С. К.*)» является покорность (submisse obedience) им, а также плата Богу и королю в соответствии с правом, в котором они прибывают. «Пока богатства мира изливались на Христа, — чему проповедник приводит множество библейских примеров, — мир пребывал в любви и религии». Аналогично по отношению к государям подданным надлежит проявлять любовь и одобрение. Подданные должны следовать библейскому правилу: «Все, что не повелишь нам, — сделаем, и куда не пошлешь нас — пойдем» (Иисус Навин, 1:16)[209].

«Религия, — продолжает Роджер Мэнверинг, — приводит в действие послушание», поэтому она стоит выше других добродетелей. Подобно королеве и императрице восседает религия среди других

Nor likewise, can a King receive ought from the People, that may consist in that Indivisibility of Justice, or have that Condignity, as to Merit or Recompence (in rigour) Imperial Excellence in it self, or Regal Providence over the World. For there is no way (as yet) in the World, found out for Men to recompence God; or Children to requite their Parents; much less Him, who is Patet Patria and hath the Care of all; and is as I may term him a general Parent".

[209] Ibid. P. 25–26. "Now as Justice, (properly so called) intercedes not between, God and Man; nor between the Prince, being a Father, and the People, as Children; (for Justice is between Equals [...] Those Parts of Justice therefore which the Divines call Potential, as Religion, Piety, Devotion, Gratitude, and most dutiful and submisse Obedience (all which respect not Equals but Superiors) are chosen and assigned, to pay God and the King their Right in some Proportion [...] And how far a Religiously-affected Mind, a Pious and Devout Affection, the Impression of true Thankfulness, will reach and extend it self towards God, may easily be discerned by Maries Oil, Job. 12.3 and Martha's Toil to entertain tneir Lord, Luke 10.41: by Zacbeu's half, Luke 19.8 and Peter's All, Matt, 19.27 left for their Lord's sake; By those willing Hearts und ready Hands, to pull out of their Heads so many Eyes., to please their dear Apostle, Gal, 4.15 and by that World of Treasures poured out upon Christ and his Service, while the W rid was in love with Religion. And to the King, how far the like Affections will go, may be seen by that Unanimous Acclamation of those right-loyal and well-affected People to their Prince; All that thou commandest us, will we do; and whithersoever thou sendest us, will we go, Joshua 1:16".

добродетелей. Она же посылает «суверенное повеление» и приводит в действие «веру», «надежду», «любовь», «мудрость», справедливость», «стойкость», «терпение», «воздержанность», «раскаяние» и «послушание». «Как поставлены люди управлять животными, страсти двигать людьми, добродетели повелевать страстями, так Господь сотворил религию, дабы повелевать добродетелями [...]. Если мы разумны, пусть разум направляет нас, если мы моральны, пусть добродетели руководят нами, если мы христиане, пусть религия повелевает нами, ибо такова заповедь Господа. Естественный разум может размышлять, крючкотворить и (всегда пребывая в сомнении) приводить аргументы «против», но религия не может так поступать: «А ты кто, человек (говорит апостол), что позволяешь наглость спорить с Богом?» (Рим. 9:20)[210].

Обращаясь к наследию патристики (Тертуллиан и Блаженный Августин, прежде всего) Роджер Менверинг говорит, что христианская религия всегда подвергалась, нападкам, обвинениям и преследованиям. Христиан обвиняли в том, что они были причиной различных бед и потрясений. Однако история Рима свидетельствует, что бедствия посещали его задолго до того, как мир услышал имя Христа, и узнал о христианах. Христиан называли сектой грязных еретиков, а христианскую религию — «матерью

[210] Ibid. P. 26–29. “What force Religion hath to work Obedience: We must know that it is a Maxim Solemn with the Schoolmen, That the Virtue of Religion is not only a Transcendent amongst the other Virtues (as well Divine as Moral) But, that She doth also lit as Queen and Empress of them all; at whose Sovereign Command, those sacred Habits of acquired and infused Graces, are sent forth about the exercise of their several Act: Saying to Faith, Believe; to Hope, Rely; to Love, Adhere, to Prudence, advise well; to Justice, divide aright; to Fortitude, endure with Patience, and do Valiantly; to Temperance, Abstain; to Repentance, grieve for Sin, and to Obedience [...]: As Men Rule Beasts, so Passions rule Men, and Virtues command Passions; and so, God hath made Religion to command Virtues [...] And if we be Rationals, let Reason guide us; If morail Men, let Virtues rule us: If Christian Men, let Religion sway us, for this is God’s Reason. Natural Reason may be reasoned with, cavill’d at, and (be it never so convincing) disputed against: Religion may not: (That art thou, 0 Man? (saith that great Apostle) For so doth He rebate the Infolency of such as dare disputie with God”.

нечистот» (the Mother of Impurities). Наконец, говорили, что христианская религия побуждает к бунту, содержит «опасные положения», которые враждебны государям. Однако сама доктрина учит противоположному: «Отдайте кесарю кесарево» (Мат. 22:21). Богослов приводит библейский пример, когда Спаситель послал на море апостола Павла, дабы тот поймал рыбу, извлек из ее рта монету и отдал монету кесарю. Причем сделал это Господь, подчеркивает Мэнверинг, явно намекая на коллизию с «принудительным займом», «не дожидаясь созыва парламента в Риме, или в Иудеи»[211].

Христианская религия, следовательно, никогда не представляла угрозу государству, никогда не учила «неправедному» и не звала «к нечистому» (I Фес. 4:7), никогда не учила «чью-либо душу [...] отказывать законному суверену в подданстве или послушании».

---

[211] Ibid. P. 30–38. “Most true it is (as Tertullian saith it is, Christian Religion, not being a home born, but a Pilgrim here on earth; most easie it is tor Her, in this case, to find few Friends, and many Enemies [...] That Christian Religion was a fatal Supersiition, and the Professors thereof (as Sueton calls them) the Authors of new and scandalous Incantations [...] For first, Thee did quarrel the Christians, as the cause of all those Troubles and Calamities, which at any time befall the Roman Common-weal [...] What in cause that Carthage gave Rome such a Defeat, as that a whole Bushel was filled with the Rings that were taken from the Fingers of the slain? Where could they lay the fault, when the Senones took the Capitol? All this being long before the Name of Chrift, or any of his Race was known or heard of in the World [...] Secondly, They did object. That Christian Religion was the Mother of Impurities: And for this they may thank a certain Sect of foul and nasty Hereticks [...] The third Imputation, That Christian Religion was a seditious Doctrine, and did contain dangerous Principles, and such as were adverse to the Imperial Crowns, and Dignities of Kings and Princes [...]. But he cleared the Point (and that moit fully) with his own Deed and Doctrine both; By his Doctrine, when he said, Reddite quae Caesaris, Caesar; For, by natural Justice, hath Caesar a Right unto, and a Portion in that which bears his Image and Superscription; and which from his Authority alone, receiues Price and Valuation. So, by his own Deed, when he sent the Apostle Saint Peter to the Sea, to fetch Money (by Miracle) out of the Mint of the Fishes Mouth, rather than he would give offence, or let Caesar be seanted of his Right. And this our Blessed Lord did with that Readiness, not expecting any Parliament at Rome, or in Judea, to be first Assembled”.

Даже если суверенами оказывались идолопоклонники Нерон, Юлиан и Диоклетиан. Христианская религия всегда наставляла, и христиане всегда следовали послушанию, противоположному учили ее враги. Ограничивать послушание можно только тогда, когда повеления государей «явно и прямо» противоречат естественному праву и закону Бога. Так четыре израильских юноши не стали подчиняться приказу Вавилонского царя Навуходоносора и вкушать яства с его стола. Сирийский царь Антиох не смог заставить Маккавеев есть свинину. Христиане не подчинялись приказу языческих императоров и не воскуряли фимиам перед идолами. Повеления царей не встречали препятствия, если не затрагивали чего-то большего, чем самих людей и их кошельки[212].

Эту «правду» исповедовали «все первые святые и мученики», и с ней согласны «все праведные епископы и католические писатели»[213]. «Никогда ни один добрый и ученый муж не учил и

---

[212] Ibid. P. 38–42. “Briefly then, (to finish this Point) we may resolve, That christian Religion was never the cause of any dangerous Sequale, Crossy or Calamity to any Commonwealth [...] Christian Religion never taught any Untruth, or perswaded any Impurity, 1 Theff. 4. 7. or unclean thing, but the contrary [...] Christian Religion never taught any Soul [...] to deny Subjection, or Obedience to any lawful Sovereign. But even to the most Impious, Infidel, and Idolatrous princes, such as were Nero, Julian, Dioclesian [...] Christian Religion ever taught, Christian men ever performed [...] most willing Obedience; notwithstanding all the bitter and invective eloquence of her most learned and subtle enemies, to perswade the contrary [...] No mention, nor so much as any touch of any Limitation, Caution, Protestation, or Pragmatical Sanction; in all the holy Scriptures; to barre Kings of the Obedience, which, by natural Right to them doth, appertain; in any case whatsoever, but only, where their Commands stand in clear and direct, Dan. I opposition to the Law of God. If Nebuchadnezar had not erected an Image, and commanded the People to fall down and worship it; If Antiochus, 2 Maechab. 7:1 had not, by his Decree, consinting the Machabees to eat Swine-flesh. If the heathen Emperors had not compelled the Christians to cast Incense into the fire of Idols. If these Kings had commanded no more then the Persons, and some of the Purses of the People”.

[213] Здесь Роджер Мэнверинг цитирует Ричарда Филда, который писал: «Все достопочтенные отцы и епископы церкви убеждали воздавать должное царям, хотя те и были еретиками и язычниками». Ричард Филд (1561–1616) в 1610 г. издал работу (См.: Field R. The Fifth Booke of the Church, together with an appendix

не помышлял о противном, пока дьявол, недавно, не вложил это в головы тех огненных и влекущих лисиц, которые зовутся римскими иезуитами и немецкими пуританами»[214].

По мнению Роджера Мэнверинга, проповедующие отказ от послушания высшей власти, не могут не сталкиваться с парадоксами. Таких парадоксов он насчитывает семь:

Первый парадокс лежит в области богословия, которое якобы исповедует, что религия — возбудительница мятежа, что религия учит неповиновению «священным и помазанным королям». Нет, говорит он: «Не может быть такого, чтобы из религии (которая есть наставница послушания) некто извлек ложный урок непослушания».

Второй парадокс лежит в области природы, внутри которой якобы часть не должна соединяться с целым. Нет, убеждает проповедник, природа устроена так, что в ней часть должна сочетаться с целым, повиноваться целому и той большей части, частью которой является часть меньшая. Так устроена церковь, так устроены парламенты мира. Так должно быть в обществе: если 200 тысяч человек повинуются «его Величеству», то и «рекузанты[215] должны следовать им».

---

containing a defence of such passages of the former books that have been excepted against, or wrested to the maintenance of Romish errors. London, 1610), в которой среди прочего проводил различие между «католической» и «латинской» церквями». Аналогом прилагательному «католический» он считал прилагательное «универсальный», «всеобщий», т. е. католическая церковь, по Филду, — это всеобщая церковь, включающая, несмотря на различия, отклонения и злоупотребления, церкви греческую, римскую и проч. Здесь Филд явно смыкается с арминианами. Любопытно, что книга Филда была переиздана именно в 1628 г. См.: Patterson W. B. Op. cit. P. 118–119.

[214] Maynwaring R. Op. cit. Second sermon. P. 42 “this is a Truth so solid and fundamental, that it is fath the clear and express Text and Testimony of Holy Writ: Is grounded on the perpetual practice of all the Pnmitve Saints, and Martyrs; Hath the consent of all the holy Bishops and Catholick Writers. Never any good or learned Man taught, or thought the contrary, till the Devil of late insured it into the heads of those Two fiery and entailed Foxes of the World, the Roman Jesuits, and Geman Puritans”.

[215] «Отказники». Так называли католиков, не признающих англиканскую церковь.

Третий парадокс лежит в области политики, которая якобы предполагает, что в государстве только часть людей должна «подставлять свои плечи бремени» налогов. Нет, учит проповедник, в хорошо устроенном государстве каждый должен его поддерживать пропорционально «доходам и статусу».

Четвертый парадокс лежит в области «лояльности», которая якобы допускает «давление на верховную власть», дабы удерживать «королей» внутри четких границ, лишая их возможности «повелевать подданными», хотя, настаивает Мэнверинг, «законы Бога и природы в действительности со всей очевидностью позволяют им (королям. — *С. К.*)» повелевать подданными.

Пятый парадокс лежит в области «практического наблюдения за человеческими законами», которое якобы учит, что человеческие законы «имеют превосходство перед установлениями божественными». Нет, полагает Роджер Мэнверинг, «правда» состоит в том, что «человеческие законы только тогда остаются в силе, когда они не умаляют, не отклоняются от Вечных законов Господа и естественного света». Человек, ставящий под сомнение законы Бога и природы, совершает смертный грех. Как человеческие законы не могут не требовать послушания, так они не могут толкать людей на то, чтобы выйти за вечные барьеры законов божественных.

Шестой парадокс лежит в области «человеческой и моральной искренности», которая никак не может учить подданных отказывать «христианскому королю, — королю, наделенному великой добродетелью, терпением, справедливостью, милосердием, мудростью, богопочитанием, и чистой совестью, — в том, что один человек обычно делает в отношении другого, в том, что турок и христианин делают в отношении друг друга, в том, что первые христиане делали по повелению языческих государей, которые, в свою очередь, преследовали их и их религию с необычной жестокостью и поношениями.

Седьмой парадокс лежит в области «терпения». Разве может говорить о терпении тот, кто не повинуется повелениям короля, претендуя тем самым на то, чего ни писание, ни природа не позволяют ему. И разве понесенные за это страдания, спрашивает

Роджер Мэнверинг, позволяют таким людям считать себя мучениками? Так и рекузанты начнут претендовать на имена мучеников и страдальцев. Согласиться с таким утверждением, значит, по Мэнверингу, уподобить двух преступников, распятых вместе с Христом, Спасителю. Проповедник согласен с тем, что тела всех трех страдали. Но причины их страданий противоположны, как свет и тьма. Именно причина, но не боль, решительно заявляет он, делает людей мучениками. Причина, по которой отправили на смерть преступников, отсутствие у них совести, не позволяет считать их «страдальцами»[216].

---

[216] Ibid. P. 43–50. "For (first) what a Paradox is it in Divinity, to opine. That Religion is an Oratress to persuade Rebellion, or Disobedience to sacred and anointed Kings? [...] And (indeed) impossible it is, That of Religion (whish is the Mistress of Obedience) any Man should learn the evil Lesson of Disobedience. Again, What a Paradox is this in Nature, to think, That the Part should not conform it self co the whole, Nature having stampt this Law, audit being the very Impress of Natures light; That every Part ought in right, to Comply with the whole or greater Part. So, in all the Councels of the Church, and Parliaments in the World [...] Now, these Refusers of Obedience, have quite forgotten, their very yielding to the major part: For, what a handful thousand men, which have willing submitted, and lead the way of most dutiful Obedience towards his Majesty? And therefore, these Recusants must of necessity follow them [...] Thirdly, What a Paradox if this in point of Policy, so imagine, that a part of the Republique (though the greater) should submit their shoulders to the Burthen of the whole? For in every well-ordered Commonwealth/ as/ by Distributive Justice, each person hath a share in the Profits and Honours therein [...] Fourthly, what a paradox if this in Loyalty, (and that very soul) so far to depress supreme Authority, and [...] to attempt the keeping of them within such straight and intolerable bounds, as not to be able to command that from their Subjects, which, the Laws of God and Nature doe most plentifully allow them [...] Fifthly, what paradox is this, in the Practique Observation of humane Laws; [...] as to cause them hereby, to prejudice and preponderate divine Determination? It being a certain truth, that so far are human Laws in force as they derogate not, from the Eternal Law of God, and naturally imperssed Light, In prejudice of which Laws of God and Nature, if any Man in the World should observe the Constitutions of Men, he did Sin mortally. Neither do Mans Laws exact Obedience any farther than so far, as the observance which they require, may not cause Men to Rush over the everlasting bounds of Laws Divine. Sixthly, What a Paradox is this, in Humanity and Moral Honeiiy? That, what one Friend usually doth for another: One Christian, nay one Man for another: nay, what a Turk will do for a Christian, and a Christian for a Turk, and a

В конце проповеди Роджер Мэнверинг дает трактовку понятия «уважение», «почтение» (Regard).

Он подчеркивает, что к религии надлежит относиться с почтением. «Религия (я говорю) это клятва. Клятва Бога! Да, клятва Бога! И наша клятва также! Ибо она связывает нас с Господом!», — восклицает Роджер Мэнверинг. Отсюда он делает пять ясных выводов:

1. Уважение религии должно быть императивом. Эту «максиму» теологи выводят из Писания. Ибо человек сам по себе противоречив и несчастен, но он становится самым праведным и уравновешенным, когда получает указание от Господа, открытое в его слове. Установлено правило, что слово Бога есть семя религии. Опасным для государства является «фанатичный и ложный дух», который люди впитывают и который учит «отвергать те ясные и общие правила естественного света и сверхъестественной правды, которыми все люди должны руководствоваться».

2. Уважать религию убеждает разум. Ради вечного и небесного Бога воздается всяческое почтение и послушание светским господам и земным королям.

3. Уважать религию учит добродетель, которая контролирует поведение людей и повелевает ими. Добродетель предполагает

Jew for both; Wnat (and much more) the Primitive Christians did at the Command of such Princes, who did pursue their Persons and Religion with cruel Torments and bitter Contumelies; the some (and much less) Christian Men should deny to a Christian King: ands such a King, of so great Goodness, and Patience, Justice, and Clemency, Wisdom, and Prudence, Piety, and pure Conscience [...] Lastly, What a Paradox is this in point of Patience, for any Man to disobey the Commandments of a King, requiring but what, by Scripture and Nature is allowed him; and for Disobedience, to resolve to Suffer, and in so Suffering, to think themselves Martyrs? By whom, such Impressions as these, are made in their Minds, is not hard to Conjecture [...] But as for any conformity that such Recusants may have in their supposed deserving Sufferings, with Martyrs, (Who altogether suffered for Righteousness-lake, I (for my part) can conceive none at all [...] And the two Malefactors, who were Crucified with our Lord at the same time, might as well have said, That (for the sense and semblance as Bodily Pains) their Sufferings were not unlike His; but for the Cause, they differed as far as Light and Darkness: And the Cause it is, not the Pain, that makes up a Marttyr's definition [...]. That Cause cannot be good, nor that Conscience well warranted in what it doth, that is not able to defend it self in what it doth or suffers".

милосердие. «Плодом» милосердия становится лучшее познание «Господа нашего Иисуса Христа» (2 Пет. 1:8).

4. Уважать религию «нам» диктует обет (vow), «который твердо прикрепляет нас к Богу». При этом Господь выступает и стороной, и свидетелем обета. Преступлением против «совести», «света природы», «установок разума», «человечности» и «моральной честности» являются действия, направленные на отказ от него, или, как говорит проповедник, попытки «сдвинуть [...] межевые столбы». Ибо сказано: «Когда даешь обет Богу, не медли с исполнением его» (Екклес. 5:4).

5. Уважать религию необходимо. Кто поступает не так, не уважает самого Бога, богохульствует, поносит его правду и прочее[217].

---

[217] Ibid. P. 51–55. "The Regard which we are to have to Religion. Religion (as I said) is an Oath, the Oath of God, yea, and our Oath too, for it ties us to God: Regard it then we must and ought, because an Oath; for that it is God's Oath, and out own Oath also. 1. Regard it we must, as a Rule, to direct. 2. as a Reason to perswade us. 3. As a Virtue, yea, a Queen of Graces to Controll and Command us. 4. As a Vow that strictly binds us unto God. As a Rule of Direction: the Schoolmen have a Maxim, and they take it from the Scriptures ; That the will of Man being cross and unhappy in it self, becomes then most right and equal, when it receives Motion, or Direction from the Will of God, revealed in his Word. This Word then, which is the Seed of Religion, is the Rule of Direction too: A dangerous thing therefore it is, to suffer Men, in any Christian Common-wealth, to drink in that Phanatical, and Erronious Spirit, which teacheth them to relinquish those clear and common Rules of Natures Light, and supernaturally revealed Truth, by which all Men ought to be guided [...] Regard it also we must as a Reason [...] That for their most blessed Lord's sake, who is .eternal in the Heavens, they did yield all Reverence and Obidience unto their Temporal Lords and Kings on Earth [...] To Regard it likewise as the Queen and Empress of all other Graces are we bound: Without whose Active and Imperial Charge, the exercise of all other Virtues (as well Divine as Moral) Will prove remiss and idle. Religion being the only Grace that can bring to pass (as St. Peter speaks) That we neither become barren, nor unfruitful in the knowledge of our Lord Jesus Chrift, 2 Pet. 1.8. And in the fourth place; We stand bound religiously to observe, and keep Sacred; the Grounds of that Religion, by which our Souls are Confederate to God; And to believe, that we can do nothing contrary to the Principles thereof, without the fearful Violation of that Oath, whereunto God himself is not only a Witness and a Party, but an Undertaker: For wheresoever these Bonds of Religion are wilfully and against Conscience violated, there the very Light of Nature, and Dictates of Right Reason are trampled under foot;

Завершает проповедь Мэнверинг призывом: «Будем добрыми и верными слугами Господа и помазанного им короля, самыми верными и послушными подданными (первое не может быть без второго). Как только мы возвратимся на дорогу надлежащего послушания, мы (в установленное Господом время) окажемся у ворот вечного рая.

Пусть здравствует король и пусть победит истина! Пусть жизнь его Величества протекает в благословении и мире, пусть он живет долго, царствует славно над нами и триумфально побеждает врагов, пусть сам станет непобедимым защитником веры, религии и правды. Пусть правда, вера и религия защищают всегда его священную персону, его имперскую власть и его королевских отпрысков.

И пусть все, кто любят Бога и короля, скажут аминь! И еще раз: Аминь! Аминь!»[218].

КАЗУС МЭНВЕРИНГА В ПАРЛАМЕНТЕ 1628 г.

«Мы желаем, чтобы нами управляли как подданными, но не как рабами», — заявил 24 марта 1628 г. Роберт Филипс, в нижней

Humanity and moral Honesty find themselves grieved: The Conscience wounded, cries secret Shame and Horror to that Soul, that wilfully rusheth over such clear and Open Land-marks: This tenderhearted Matron, Religion, weeps bitterly to see the sinful Transgression of that Positive Charge, which saith, Eccles. 5.4. Vow to God, and defer not to Pay. But Fifthly, above all To Regard it; because the Dis-regard of it Imposeth upon God himself most heavy Prejudices: causeth his Name to be Blasphemed, and the way of his Truth to be evil-spoken of [...]".

[218] Ibid. P. 55–56. "So shall we be good and faithful Servants unto God; and to his anointed King, most dutiful and obedient Subjects (the one whereof can in no wise be without the other. And so we being restored to the Paths of our dutiful Obedience, we shall be (in God's good time) rendred at the Gates of Eternal Paradise. And so, Vivat Rex, & Vincat Veritas: The Blessing of Life and Peace be upon the Head of his most Sacred Majesty, that He may Live long and long, and Reign Glorious over Us, and Triumph Victoriously over His Enemies; and so become an Invincible Defender of this Faith, Religion, and Truth: That so, this Truth, Faith and Religion, may defend Him in His most Sacred Person, in His Imperial Power, and in His Royal Posterity for evermore. And let all those Who Love Gog, and the King, say Amen: Even so, Amen, Amen".

палате английского парламента[219]. Эта короткая фраза предельно точно передает настроения депутатов, занятых исследованием государственных бедствий, главными из которых они считали сбор принудительного займа, произвольные аресты, применение законов военного времени, наступление арминиан в англиканской церкви[220]. Их настроение и озабоченность потом, как известно, вылились в знаменитую «Петицию о праве».

Среди раздражающих злоупотреблений депутаты назвали и проповеди Роджера Мэнверинга. 24 марта 1628 г. депутат Роберт Харли предложил комитету по делам религии, который возглавлял будущий лидер пресвитериан в Долгом парламенте Джон Пим, «изучить» среди прочих книгу Мэнверинга. И уже в полдень это было сделано впервые[221]. Депутат, обозначенный в парламентских журналах как аноним, счел необходимым заявить, что кроме «римских католиков и пуритан» есть еще арминиане, «другой сорт людей, который противостоит нашей религии, готов опрокинуть вольности нашего королевства и привилегии нашей палаты. Это такие люди, как мистер Мэнверинг». Его книга и проповедь Сибторпа являются вызовом установленной религии[222].

---

[219] Common Debates 1628 (Далее СД 1628) / Ed. by R.C. Johnson and Maija Jansson, New haven, 1977. Vol. II. P. 89. “We desire to be commanded as subjects and not as slaves”.

[220] Помимо Роджера Мэнверинга обвинения звучали в адрес каноника из Виндзора Ричарда Монтегю (в будущем епископа Чичестера и Нориджа) за его публикации, в которых он отвергал кальвинистскую доктрину предопределения, и архидиакона Ист-Ридинга Джона Косина (будущего епископа Дарема) за его публикацию, где он давал отличную от кальвинистской трактовку евхаристии. См.: Morrill J. Britain in Revolution 1625–1660. Oxford, 2002. P. 39–40; Aquilina I. D. The Eucharistic Understanding of John Cosin and his Contribution to the Book of Common Prayer. Thesis in the Faculty of Theology and Religious Studies, University of Leeds, March, 2002. Ch. 2.

[221] Ibid. P. 86, 89.

[222] Ibid. P. 92. “[Anonymous] Two things igniteth against our religion: Roman Catholics and Puritans in name, but truly Armenians: (per allium) another sort, who in opposing our religion go about to overthrow the liberties of this kingdom, and power of this House. And those are such as Mr. Maynwaring. Mr. Maynwaring’s

31 марта 1628 г. клерк палаты отмечал, что комитет по делам религии «обследовал» проповедь Мэнвернга, который «отрицает» религию[223].

5 мая 1628 г. один из двух представленных в палате общин Роусов, от имени подкомитета комитета по делам религии, информировал депутатов, что в проповедях Мэнверинга присутствует: «1) замысел и попытка изменить и ниспровергнуть устройство целого государства; 2) учение, что человеческие законы не ограничивают власть»; 3) обоснование возможности «грабежа» собственности подданных. «Он наделяет короля правом отбирать собственность подданных» и наказывать мучеников тюрьмой за отказ». По словам Роуса, Мэнверинг «отделяет короля от тела, а тело — от головы, чтобы свергнуть парламент». Доказательства злого умысла Роус находит на страницах 19 и 26 первой проповеди[224] и страницах 35, 46, 47, 48, 49, 53, 54 — второй проповеди[225]. Роус подчеркивает, что «ложное» учение Мэнверинга появилось

---

book and Mr. Sibthorp's with articles there published to the scandal of religion established".

[223] Ibid. P. 219. "In the committee this afternoon for religion, Maynwaring's sermon examined, which they say he disavows..."

[224] В использованном нами издании первой проповеди это p. 11 и 14.

[225] CD 1628. Vol. III. P. 261–262. "Mr. Rouse reporting from the subcommittee concerning Dr. Maiynwaring.

1, a plot and practice to alter and subvert the frame and fabric of the whole commonwealth; [2] a persuasion of the power not bounded by human law. 3, robs the subject[s] of the property pf their goods, and brands them who will not yield to this.

He goes about to divide the King from the body and the body from the head to overthrow the frame of parliaments [...] "if any king command that which stands not", etc. "If it would please you to consider that... ordained and not to contribute to kings", etc. This makes parliament but mere circumstances "That Christian religion" etc., "which from his authority received value", enc. Here the property of goods wholly given to the sovereign "what a par[adox] in loyalty so far to depress authority" etc. Thai applied to the elevation of the loans. "What a par[adox] in morality: what a Christian for a Turk", etc. "What a par[adox] for man to deny a king", etc. Here he gives power to the King to take the goods of his subjects, and puts a scorn of martyrs upon those that shall be imprisoned for refusal, here comparisons cannot be more odious than Korah, etc., by men".

в ходе споров по поводу принудительного займа и во время процесса над «пятью рыцарями». Оно является злым умыслом и по праву, и по совести. «Христос пришел спасать, но не разрушать. Этот же человек учился у иезуитов и монахов, но они честнее его. Он оболгал самого дьявола. Он близок к богохульству и нашептывает в уши короля измену». Мэнверинга Роус именует «лживым пророком», которого необходимо либо «казнить», либо «бросить в огонь»[226].

К проповедям Роджера Мэнверинга комитет по делам религии возвращался 15 и 20 мая[227]. 22 мая в ходе дебатов уже в самой нижней палате пространную речь произнес Роберт Мэсон. Коммонер обвинил проповедника в «искажении» Франсиско Суареса. Испанский иезуит, по мнению Роберта Мэсона, напротив, писал, что король Испании мог только первые 200 лет «обкладывать данью» свой народ без его согласия, но затем было заключено «соглашение», которое «связало» королей Испании. «Это соглашение этот автор (Суарес. — *С. К.*) именует уздой суверенной власти». С тех пор испанские короли могут требовать «дань», только получив согласие народа[228].

---

[226] Ibid. “this time this doctrine of distrust was set abroach — in the heart of loans, the canicular days. Printed the term which ended in a remittitur. So a double plot: by law, by conscience. Christ came to save, nor destroy. This man has learned of Jesuits and friars this doctrine, but they are honester then he. He has belied the devil himself. He comes near blasphemy; and to put that into ears of f king, treason [...] Now Mr. Maynwaring found the laws written, and I wish the judgment of a false prophet may fall upon him and leave it to your censure whether not fit to cut him down and cast him into the fire”.

[227] Ibid. P. 419, 491.

[228] Ibid. P. 528, 536. “I hope it is as lawful for me to cite a Jesuit as it is for Dr. Maynwaring to falsify him. Suarez, in his first book, De Legibus, cap. 17, delivers his opinion in these words, Amplitudo et restricto potestatis regum circa ea quae per se male vel injusta non sunt... pendet ex arbitrio hominis et ex antique conventione vel pacto inter reges at regnum. And he further expresses his opinion that the King of Spain was so absolute a monarch that he might lawfully impose tribute without consent of his own people until about 200 years since, when it was concluded between him and his people that by proxies he should not impose any tribute; and Suarez’s

Пока печатные проповеди Мэнверинга обсуждались в парламенте, богослов, докладывал Джон Пим нижней палате от имени комитета по делам религии, еще дважды выступил перед прихожанами: первую проповедь он произнес 4 мая 1628 г. в Лондоне, в своем приходе в церкви Сент-Джилс, вторую на латыни 23 мая 1628 г. перед студентами и профессорами Оксфорда. Судя по вступлению Пима, которое было затем дополнено Уильямом Хаквиллом, проповедь от 4 мая строилась на интерпретации 25 главы 1 книги Царств, которая повествует об отказе богача Навала (безумца) дать царю Давиду то, «что найдет рука» его, и последующем решении Давида уничтожить Навала и его людей. От мести царя Навал был временно спасен своей женой Авигией, которая снарядила караван с дарами и вымолила пощаду. Беседуя с царем, она сказала среди прочего: «Господь [...] поставит тебя вождем над Израилем» (1 Цар. 25:30). Хотя Давид отказался от мести, но Бог «воздал» за его посрамление, и Навал умер спустя десять дней (1 Цар. 25:38, 39). Мэнверинг вычитал здесь, подчеркивал Джон Пим, что короли обладают суверенной властью, король поставлен самим Господом и, следовательно, «король имеет власть распоряжаться всем по своему желанию без согласия кого-либо. [...] Король может требовать помощи в случае надобности, и если ему будет отказано, он может с легкостью мстить». Латинская проповедь от 23 мая касалась другого библейского стиха: «Есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, особенно среди обрезанных» (Тит 1:10), который мог быть намеком на начавшееся разбирательство казуса Мэнверинга в палате общин. Уилям Хаквилл сказал, что своей латинской проповедью доктор пытался «оправдать все свои прежние произведения [...],

---

opinion is that by that agreement the kings of Spain are bound and can impose no tribute without such consent, and this agreement that author terms a restraining of sovereign power [...] I cite a Spanish Jesuit, which Mr. Maynwaring wrongfully wrests to his purpose, Amplitudo et restricto potestatis pendet ex arbitrio regali. The Jesuit says nevertheless that Spain first did impose by proxies, but afterwards the king did not impose but by consent".

утверждая, что миряне не могу быть судьями в делах духовных (Другой клерк передал это иначе: «У мирян нет компетенции судить произведения богословов». — *С. К.*, Ibid. P. 45). Он говорил, что собственность принадлежит подданному, но верховная власть (над ней. — *С. К.*) всегда принадлежит королю». Очевидно, что новые проповеди Мэнверинга спровоцировали депутатов на более жесткие и быстрые ответные действия. Джон Пим предложил «пополнить» обвинения материалами двух новых проповедей. Депутат Лоренс Уайтайкер сказал палате, что богослов «желает быть услышанным», после чего было решено дать Мэнверингу возможность выступить перед комитетом по делам религии «утром следующего понедельника», дабы он «выступил в свою защиту» и был «выслушан»[229].

---

[229] Ibid. Vol. IV. P. 36–37, 39, 45. “Mr. Pym reports from the committee for Maynwaring’s charge, 2 sermons late made by him [in his own parish church. Resolved this shall be by Mr. Pym added to his charge. His Latin sermon at Oxford. His 2 sermons lately made referred to the examination of the former]. [...] Mr. Whitaker. That Dr. Maynwaring desires to be heard here [...] Ordered that Dr. Maynwaring, if he will come upon Monday morning next to make his defense shall be then heard, and Mr. Whitaker has undertaken to give him notice. [...] Mr. Pym [...] aggravates his fault by relation of Latin sermon of his preached at Oxford the 4th of May last, the parliament sitting. His text was in the 1 of Samuel, 25 cap., the 30th verse. Amongst many other of his strange assertions, he affirmed that kings had a sovereign power and right to order all things without any man’s consent [...] Mr. Hakewill acquaints the House that he newly had received a letter from good friend in Oxford that give him to understand that on Friday last Dr. Maynwaring did preach again at Oxford, a Latin sermon for his degree, out of the 1 chapter of Titus and 10 verse, where he took occasion to justify all his former proceedings, and all the whole cause, affirming that laics could be no good judges of divine matters. He said also that it was true the subject had a property in his goods, but the supreme power remained always in the King. [...] Mr. Pym [...] This Dr. has offended many times since — in a sermon at Oxford, in his parish May 4 upon 1 Sam. 24–30, that all kings were immediately ordained of God; ergo, a king has power to rule as please him without consent of any. Nabal refused David. A king might require aid in the time of necessity and, if they did not supply, the King might easily revenge it. For his Latin sermon he [...] lays an aspersion upon this House [...] Mr. Hakewill [...] The whole scope of his sermon was to prove that laics are no competent witnesses to censure the writings of divines”.

В протоколах парламента не сохранилось каких-либо упоминаний о том, что Мэнверинг выступил перед комитетом.

3 июня Джон Пим докладывал палате, что подготовка обвинения Мэнверинга в комитете закончена и завтра его услышат депутаты[230]. 4 июня депутаты приняли декларацию и предложили лордам обсудить проповеди Мэнверинга на совместной конференции[231]. Декларация гласила, что депутаты руководствуются стремлением предотвратить «разрушение королевства», которое может явиться следствием презрения и насилия «над фундаментальными законами и обычаями», а также стремлением сохранить «корону и достоинство общин». Они уверены, что «по законам и обычаям королевства свободные подданные в Англии без сомнения наследуют право, которое не позволяет заставлять их предоставлять налоги и сборы, или делать займы, не установленные и не введенные по общему согласию актом парламента». Этими законами они руководствовались, когда отказались давать взаймы деньги без согласия парламента. «Несмотря на это, названный Роджер Мэнверинг, пренебрегая и противореча законам нашего королевства, произнес в присутствии его Величества две проповеди», которые он затем опубликовал. Он руководствовался «дурным намерением» изменить воззрение короля на «законы и обычаи королевства и права и вольности подданных, «вызвать его гнев против добрых подданных, отказавшихся осуждать и ниспровергать добрые законы и управление нашим королевством и авторитет Высокого Суда Парламента [...]». Авторы декларации обвиняли Мэнверинга также в том, что тот пытался изменить решение короля созвать парламент, «отвратить сердце короля от его народа» и вызвать «раскол в королевстве». Кроме того, в своих проповедях он совершил преступление против церкви, которая установлена Богом, дабы «укреплять согласие между людьми и, в особенности, между королем народом».

---

[230] Ibid. P. 68.

[231] Ibid. P. 83, 86, 90, 95.

Всего было сформулировано три конкретных обвинения:

1. Мэнверинг заявляет, что в отношении прав и вольностей подданных король не связан законами и обычаями; что подданные не могут отказывать королю под страхом «вечного проклятия» в навязываемых королем им без согласиях парламента «займах, налогах и других видах помощи».

2. Мэнверинг говорит, что подданные, которые отказались платить заем, совершили преступление против Бога и короля, следовательно, повинны в «неуважении, неверности, бунте и непослушании».

3. Мэнверинг провозглашает, что «ассамблеи», подобные парламенту, слишком медлительны в принятии решений, и когда государство испытывает острую нужду в средствах и находится в трудном положении, ассамблеи, скорее, чинят препятствия планам государей.

В заключение декларация требует предать Мэнгверинга суду и наказать согласно праву и справедливости[232].

---

[232] Ibid. P. 102–103. “For the more effectual prevention of the apparent ruins and destructions of this kingdom, which must necessarily ensue if the good and fundamental laws and customs therein established should be brought into contempt and violated, and that form of government thereby altered by which it has been so long maintained in peace and happiness, and to the honor of our sovereign lord the King, and for the preservation of his crown and dignity, the Commons [...] declare against Roger Maynwaring, clerk, doctor in divinity, that whereas by the laws and statutes of this realm the free subjects in England do undoubtedly inherit this right and liberty not to be compelled to contribute any tax and tallage or to make any loans not set or imposed by common consent by act of parliament, and divers of his Majesty’s loving subjects, relying upon the said laws and customs, did in all humility refuse to lend such sums of money as without authority of parliament were lately required of them: nevertheless he, paid Roger Maynwaring, in contempt and contrary to the laws of this realm, has lately preached in his Majesty’s presence two several sermons [...] both which sermons he has since published [...] and with a wicked and malicious intention to seduce and misguide Majesty touching the observation of the laws and customs of this kingdom, and of rights and liberties of the subjects, to incense his royal displeasure against his good subjects to refuse to scandalize, subvert, and impeach the good laws and government of this realm and authority of the high court of parliament, to avert his Majesty’s mind from calling of parliament, to alienate

Во второй половине того же дня состоялась конференция общин с лордами, на которой декларацию сначала зачитал, а потом выступил с пространной речью Джон Пим. Он сказал, что «обескуражен проповедями», ибо:

1. «Изменение формы правления не может происходить без разрушения государства». Форма правления представляет из себя целое, в котором одна часть является опорой другой. Если единство будет сломано, тогда возникнет вражда и одна часть встанет против другой.

2. «Наши законы не являются подарком государей». Они возникли вместе с королевством как «неизменная» часть конституции. «Наши законы старинны, изначальны и неизменны». Крепить их присягал даже Вильгельм Завоеватель. К «старинным законам» он причисляет, прежде всего, Великую Хартию Вольностей и еще шесть статутов.

3. «Наши законы существуют не только для блага подданных, но и во имя чести и процветания самого короля. Без этих законов

---

his royal heart from his people, and to cause jealousies, sedition, and division in the kingdom [...] Roger Maynwaring, does in his said sermons and book persuade the King's most excellent Majesty:

1. That his Majesty is not bound to keep and observe the good laws and customs of the realm concerning the rights and liberties of the subjects [...], and that his royal will and command in imposing loans, taxes and other aids upon his people without common consent in parliament does so far bind the consciences of the subjects of this kingdom that they cannot refuse the same without peril of eternal damnation.

2. That those of his Majesty's loving subjects which refused the loan [...] did therefore in offend against the law of God, against his Majesty's supreme authority, and by so doing became guilty of impiety, disloyalty, and rebellion, and disobedience [...].

3. That authority of parliament is not necessary for raising of aids and subsidies. That the slow proceedings of such assemblies are not fit for supply of the urgent necessities of the state, but rather apt to produce sundry impediments to the just designs of princes, and to give them occasions of displeasure and discontent.

Roger Maynwaring, by preaching, and publishing the sermons and book [...] did most unlawfully abuse his holy function instituted by God in his church for [...] the maintaining of peace and concord among the people [...] The said Commons [...] do pray that said Roger Maynwaring may be put to answer to all and every the premises, and that such proceeding, examination, trial, judgment, and exemplary punishment may be thereupon had and executed as is agreeable to law and justice".

король не может получать помощь» у подданных, придут в упадок «трудолюбие, отвага и доблесть». Сначала Вильгельм Завоеватель произвел значительные конфискации и изъятия. Затем, во время Реформации, когда произвели диссолюцию монастырей, короне отошла треть королевства. Корона взимает потонный и пофунтовый сбор. Ей уже нечего взимать кроме того, что готовы выделить «щедрость и сердца подданных»[233].

Джон Пим подробно перечисляет пассажи проповедей, которые вызвали неприятие депутатов. Это страницы 17, 19, 20, 24, 26–27, 30–32 первой[234] и страницы 37, 43, 46, 47, 49 второй проповеди[235]. Он практически дословно воспроизводит пункты обвинения и, как доказательства, пассажи из проповеди. Его особенно пугает отождествление людей, отказавшихся платить принудительный заем, с преступниками против Бога и короля,

---

[233] Ibid. P. 103–104. “My Lords, [...] in this case I find nothing without myself to discourage me. [...] It contains also 3 positions: forst, that no alteration of form of government in a state can be made without danger of ruin of the state; secondly, that these laws did not grow by grant of princes, [...] but are fundamental from the very original of this kingdom and are part of the essential constitution thereof; thirdly, that these laws are not only for the good of the subject, but for the honor and profit of King himself. For without these laws the King’s aids and reliefs cannot be constant. [...] The form of government does actuate and dispose all the parts of the state to the good of the whole; so as every part gives ornament to, and receives strength from, the whole; and therefore if a common liagament break, all falls to division, one part against another [...] These laws are ancient, original, and essential. William the Conqueror swore in person to maintain and observe them. And the Great Charter of England, and other 6 statutes [...] were always claimed and petitioned for as of right, and no otherwise. [...] For take away these, all industry, courage, and valor will fail. [...] William the Conqueror gave away and divided much to his servants and subjects; since, many supplies have grown by attainders and confiscations, and by the dissolution of the monasteries there came to the crown well near a third part of the kingdom. Besidesm the crown has been supplied by the great subsidy of tonnage and poundage; so as now nothing if left for the further supply to the crown but the bounty and hearts of the subjects”.

[234] В использованном нами издании первой проповеди это P. 10, 11, 12, 13–14, 14–15, 15–16.

[235] CD 1628. Vol. IV. P. 104–110.

стремление «отделить короля от народа», обвинение парламента в препятствовании замыслам монарха, попытка принизить авторитет парламента, желание вызвать недовольство короля парламентом и гнев короля против подданных, что, по мнению Джона Пима, способно подорвать существующую практику принятия законов и исправления пороков[236].

Пим говорит, что если согласиться с Мэнверингом и признать за королем право взимать займы по время «крайней нужды», то власть тогда становится «произвольной», а подданный беззащитным». Взимание платежей по причине «крайней нужды» является французской, а не английской практикой. Во Франции ее установили в начале XIII в., после чего у народа осталось не «право», а лишь «след и память о былой свободе». Джон Пим подчеркивает, что закон принимается по согласию подданных, собранных в парламенте. Согласие это не может считаться случаем (circumstance). Существующая практика принятия законов является основанием права, и без этого основания не будет и основания свободы подданных[237].

Любопытна обвинительная риторика Джона Пима. По его мнению, в своих проповедях Мэнверинг уподобляется иезуитам, нарушающим присягу на верность и строящим заговоры с целью подрыва управления королевством. Кроме того, Мэнверинг, по Пиму, злоупотребляет своей миссией духовного отца. Ибо он должен быть «проповедником слова божьего и послом мира», но он несет «крамолу»: «Ему надлежит быть духовным отцом, но он кла-

---

[236] Ibid. P. 106–107. "...his charging the gentlemen with impiety, disobedience, rebellion, etc., wherein I may also justly affix upon him 2 characters of his malicious intentions. First, to lay aspirations on the subject and incite the King's wrath; 2ly, to alienate the Kung heart from his people / Both these held great offenses heretofore [...] he seeks to divert the King from parliaments, whereby the King and kingdom shall be deprived of the benefit of making laws when occasion shall require, or to help grievances that arise [...]".

[237] Ibid. P. 107. "I answer [...] (that the circumstance of law, not the substance, is to be passed by): but here he makes the consent of the subjects in parliament to be but a circumstance of the law; whereas I am sure, if it be not of the substance of the law, it is of the substance of the subject's liberty".

дет в руку детей камни вместо хлеба и скорпионов вместо рыбы» (Лука 11:11–12). Опровергая Мэнверинга и еще раз обосновывая мысль, что полномочия английского монарха «регулируются... определенными законами», Джон Пим обращается к авторитету короля Якова I, к его речи от 20 марта 1610 г., в которой говорилось, что «справедливый король в установленном королевстве обязан соблюдать заключенный им с народом посредством законов пакт». Король, пренебрегающий законами, «вырождается» в тирана. «Все те короли, которые не превратились в тиранов или нарушителей справедливости, сами рады удерживать себя в границах своих законов; а те, кто убеждает их в обратном, есть змеи и моровые язвы, действующие против них и общего блага»[238].

Джон Пим, как ранее Роберт Мэсон, не преминул сказать, что Мэнверинг неправильно передает высказывания Франсиско Суареса относительно соотношения полномочий короля и права в Испании. Суарес, замечает Пим, проводил различие между «личными платежами» и «реальными платежами». Реальными платежами, по Суаресу, являются ренты от сданных земель и другой собственности, что применительно к монарху означает доходы с его личных земель. Но Мэнверинг «извращает смысл» слов Суаре-

[238] Ibid. P. 107–108. “That these sermons [...] he could have none but a particular end, or else to disturb and distaste the government. [...] His offense aggravated by the abuse of his function: he if a minister of the word of God, an ambassador of peace, but seeks to sow sedition; he is a spiritual father, but gives his children stones for bread, and scorpions for fish; he is a minister of the Church of England, but contends and conspires with the Jesuits of the Church of Rome to disturb the government, which they would do by dissolving the oath of allegiance, and he, by dissolving the oath of protection and justice. [...] His offense aggravated by authors he vouches, and the abuse of them: generally he vouches such sentences of authors as speak of king in general or of such kingdoms are not regulated by any certain laws. But against I oppose the judgment of our late gracious sovereign King James, delivered in a speech in the year 1609, which is in printed book of his works [...].” В речи Пима речь идет о финансовом годе, который начинается с 1 апреля. Содержание речи Якова I и цитируемые Пимом пассажи см.: Кондратьев С. В. «Все могут короли, все могут короли...?» (Теория и практика в предреволюционной Англии) I. Голоса Якова I // Европа: международный альманах. Тюмень, 2006. Вып. VI. С. 45, n. 49, 51.

са, превращая «всякую собственность подданных в собственность короля, что является большим злоупотреблением»[239].

Дж. Пим остановился на проповеди Мэнверинга от 4 мая 1628 г., в которой богослов, по его словам, учил, что 1) король имеет право повелеть, без чьего бы то ни было согласия, сделать все, что представляется ему полезным; 2) что «король может требовать займы у своих подданных и мстить в случае отказа»; 3) что есть «ординарное» и «экстраординарное» право собственности: ординарное принадлежит подданным, но в экстраординарных ситуациях вся собственность становится собственностью короля[240].

Джон Пим назвал статуты, ордонансы и прокламации, которые нарушил Мэнверинг своей проповедью и которые карали за аналогичные поступки. Среди них упомянута прокламация от 25 марта 1610 г., осудившая Джона Коуэлла за «ошибочную» трактовку места парламента в королевстве, фундаментальных законов и привилегий, а также за непочтение к общему праву. «Абсолютно незаконно подданному говорить и писать против права, под которым он живет, и которое король присягал укреплять». Свою речь Пим закончил призывом во имя безопасности народа привлечь Роджера Мэнверинга к суду[241].

---

[239] CD 1628. Vol. IV. P. 108–109. “He quotes out of Suarez these words: tribute esse maxime naturalia et prat se ferre justitamm quia exiguntur de rebus propriis. Whereas the book being looked into, it appears that Suarez puts a difference between tributum personale, and tributum reale; says solent ita vocari pensiones ex terries at aliis, and to that kind of tribute applies these words quoted by Mr. Maynwaring; so as upon the matter he intend it of rents and fee farms which the King upon grant of his own lands or revenues reserved to the crown, which may be truly said esse maxime naturalia et prat se ferre justitamm quia exiguntur de rebus propriis. Whereas Dr. Maynwaring perverts the sense, and applies the place to all sorts of tribute, as if all the subjects’ goods were the King’s which is great abuse”.

[240] Ibid. P. 109. “For on the 4 of May last (sitting the parliament) he, preaching in his own parish church, did deliver 3 articles to this effect: 1, that in matters of this nature the King had right to order all as seemed good to him, without consent. 2, that the King might require loans of his subjects, and avenge in on such as should deny. 3, that the subject has property of his goods in ordinary, but in extraordinaires the property was in the King”.

[241] Ibid. P. 109–110. “8 Jacobi Regis. A proclamation was set out for suppressing Dr. Cowell’s book wherein [...] he had fallen in many things to mistake and deceive

9 июня 1628 г. палата лордов решила взять Мэнверинга под стражу и призвать к ответу по выдвинутым против него обвинениям[242]. На следующий день лорды в присутствии 5 депутатов от общин[243] заслушивали свидетельства, а 11 июня перед ними предстал сам Роджер Мэнверинг. Вначале ему зачитали обвинительную декларацию общин. Затем эти же обвинения, касающиеся проповедей, вышедших из печати 1627 г., и проповеди от 4 мая 1628 г., повторили сержант Крю и генеральный атторней Роберт Хит. Были заслушаны два свидетеля — некий Г. Клэтон и депутат Дениель Нортон. Роджер Мэнверинг отверг все обвинения. Он заявил, что «у него не было намерения побудить короля изменить фундаментальные законы королевства. Он хотел только служить его Величеству. Он хотел склонить (подданных. — *С. К.*) к оказанию в экстренных случаях материальной поддержки (королю. — *С. К.*). [...] Его книга содержит много умозаключений, поэтому только духовные лорды могут быть судьями содержащихся в ней выводов и логических рассуждений». Затем Мэнверинг попросил дать возможность его адвокату говорить от его имени по юридическим вопросам, а ему самому предоставить время для ознакомления с обвинением. Некоторое время в палате лордов продолжались дебаты по процессуальным проблемам, после чего Мэнверинг был помещен под домашний арест[244].

---

himself, in some cases mistaking the true of the parliament of kingdom and the fundamental constitutions and privileges thereof. And on some other points speaking unreverently of the common law of England, and of the works of some of the most famous and ancient judges therein; it being a thing utterly unlawful to any subject to speak to write agaist that law under which he lives, and which the King was sworn and resolved to maintain [...] he may be called to answer, examined and judged; for the comfort of the people present, and security of them that are to come". О казусе Джона Коуэлла см.: Кондратьев С. В. «Все могут короли, все могут короли...?» (Теория и практика в предреволюционной Англии) II. Голоса Джона Коуэлла // Европа: международный альманах. Тюмень, 2007. Вып. VII. С. 58–66.

[242] Cobbet's complete collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanors. London, 1816. Vol. III. Col. 351.

[243] CD 1628. Vol. IV. P. 220, 222, 223, 228, 230.

[244] Cobbet's complete collection of State Trials... Col. 352–353. "Then Mr. Serjeant Crew and Mr. Attorney-General did charge him with the offences [...]viz. 1. «That

Палата общин, со своей стороны, тоже не прекращала расследование. К 12 июня депутаты успели допросить Ричарда Бэдгера, типографщика, опубликовавшего проповеди Мэнверинга, и епископа Лондона Джорджа Монтейна. Они выяснили, что проповедь была опубликована по разрешению короля, которое пролоббировал Джордж Монтейн[245], и поручили бывшему главному судье Англии, а теперь депутату парламента Эдварду Коку доложить о результатах расследования лордам[246] и потребовать наказать Монтейна и других лоббистов, что он сделал в тот же день[247]. 12 июня, кроме того, лорды уже к себе пригласили типографщика и устроили ему допрос. Затем они послали графа Эссекса и епископа Линкольна Джона Уильямса к Уильяму Лоду, дабы он прояснил им обстоятельства королевского решения печатать проповеди Мэнверинга[248].

13 июня перед лордами вновь предстал Роджер Мэнверинг. Преподобный вначале пожаловался на «слабость», а затем выразил признательность лордам за предоставленное время, в ходе которого он мог подготовить ответ. Он не стал скрывать, что

---

in matters of Supplies, in cases of necessity, the king had right to order all, as seemed good to him, without consent of his people. 2. That the king might require Loans of his people, and avenge on such as should deny. 3. That the subject hath property of his goods in ordinary; but, in extraordinaries, the property was in the king."—And they charged the said Manwaring with great presumption, to dispute the right of the king and liberty of the subject, and the right of the parliaments, in his ordinary Sermons. [...] Then Dr. Manwaring being admitted to speak for himself, protested before God, upon his-salvation, "That he never had any meaning to persuade the king to alter the fundamental laws of the kingdom: his only ends were to do his majesty service; and to persuade a supply in cases of extreme necessity; he desired favour and justice to explain himself; and, because his book consists of many conclusions, that the spiritual lords might be judges of the inferences and logical deductions therein". He further humbly besought their lordships to allow him counsel to speak for him, in point of law; time to answer the particulars; a copy of the Charge in writing; and recourse to his books at home, upon caution to attend again, when their lordships shall appoint".

[245] CD 1628. Vol. IV. P. 280, n. 3.

[246] Ibid. P. 280, 281, 282, 284, 293, 296–297, 299, 301.

[247] Cobbet's complete collection of State Trials... Col. 353.

[248] Ibid. Col. 353.

«общественный протест», выразившийся в отказе платить принудительный заем, когда государство оказалось в нужде, побудил его выступить с проповедями. Они были отпечатаны по специальному повелению короля. В своем мнении, выраженном в проповедях, он опирался на священное писание и его интерпретаторов. Когда он произносил проповеди и печатал, он не имел в виду ничего такого, на что жалуются общины. Далее он дает пояснение двум своим положениям:

1. Что короли разделяют с Господом его власть. Он говорит, что не хотел сказать этим больше того, что говорит писание «Вы — Боги» (Псал. 82:6). Кальвин говорит о том же: «Цари от Бога имеют власть, и власть божественная в царях»[249].

2. Что правосудие предполагает пропорции и не исключает соподчинения. Ибо абсолютное правосудие может существовать только между равными. Его следует понимать в том смысле, что как человек не может воздавать Богу, как ребенок — отцу, так и королю, как исполнителю власти Господа, никто не может воздать, но это не означает, что король не должен иметь законов». Далее «перед Богом и ангелами» он выразил протест против обвинений его в крамоле, «разрушении» законов, неуважении парламента, заявив, что никогда не держал подобного в мыслях. Он всего лишь хотел побудить «тех благородных джентльменов», которые отказались поддержать государство в нужде, все-таки сделать это. В заключение он поведал о «печали», вызванной обвинениями, и попросил у лордов и общин прощения[250].

---

[249] См.: Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. М., 1999. Т. 3, кн. 4. Гл. 20:4, 7.

[250] Cobbet's complete collection of State Trials... Col. 353–354. "June 13. Dr. Manwaring being this day brought to the bar before the lords, and admitted to speak for himself unto the Charge of the commons against him, answered in effect as followed); «First, he shewed that be was under a great burthen of sorrow and weakness here to present himself unto their lordships: and then rendered them humble thanks, for tiring him leave and time to recollect himself before he made his Answer: and craved a favorable interpretation of what he was now to speak. As touching his two Sermons complained of by the commons, said "That the scriptures, and are not

Выслушав Мэнверинга, слово взял впавший уже в опалу у Карла I за несговорчивость Джордж Эббот, архиепископ Кентерберийский[251]. Примас посетовал на то, что капеллан мог бы получше подготовиться к защите. Мэнверинг напомнил Эбботу одного из тех несчастных, которые, по словам Святого Бернарда, не вызывают даже сострадания. Архиепископ сожалел об услышанном. Его успокаивало только то, что, благодаря Господу, король сейчас оказывается «отстиранным» от того, что звучало в проповедях. Проповеди примас назвал «отвратительными», а свое выступление миссией по смягчению преступления. Мнение Мэнверинга, что король делит власть с Богом, он назвал «богохульством». Слова псалма «Вы — Боги» не несут, на его взгляд, такой коннотации. Далее примас пришел к заключению, что идея пропорциональности правосудия и справедливости «фальшива». Она дает повод иезуитам для «злословия». Однако здесь, как

---

complained of by commons, but the inferences only drawn from those grounds, are questioned by them. He craved leave to explain himself in two of those positions: The first where he says, “That kings partake of omnipotence with God” be said, that he meant no more by this than is meant by the holy scriptures, and by the laws of the land: for the Psalms say, “Dii estis”; and Mr. Calvin saith, ”Reges a Deo imperium habere, et divinam potestatem in regibus residere”; wherefore to offend against kings he thought it sacrilege; and, by the laws of the kingdom, a great image of God is in the king. The other position, which he desired to explain, was touching the king's justice; where he says, in his second Sermon, p. 25. “That justice intercedes not between God and man, nor between the prince, being a father, and the people, as children:” he said, “That he meant thereby, that as man cannot requite God, nor the child the father; so the king, being dispenser of God's power, cannot be requited; but his meaning was not, that the king should not have laws.”— And touching those inferences, made by the commons out of his two Sermons complained of, which they impute either to sedition or malice, or to the destroying of the municipal laws of the land, or slighting of parliaments, be protested, before God and his holy angels, that they were never in his thoughts. He only thought to persuade those honourable gentlemen, who refused to conform themselves, to yield a supply unto the present and imminent necessities of the state”.

[251] См. об этом: Кондратьев С. В. «Все могут короли, все могут короли...?» (Теория и практика в предреволюционной Англии) III. Голоса Роберта Сибторпа // Европа: международный альманах. Тюмень, 2009. Вып. VI.

кажется, архиепископ лукавил. Писание ясно говорит, подчеркивал Эббот, что правосудие (справедливость) движется от Бога к человеку, от родителя к ребенку, от короля к народу и так далее. Его можно поименовать «согласительным» между королем и народом, когда дело касается денег, и «распределительным», когда речь идет об управлении. Мэнверинг напоминает Эбботу легендарного Анаксарха, философа Александра Македонского, который за свою наглость по приказу Кипрского тирана Никокреонта был истолчен железными пестами[252]. Эббот порицает Мэнверинга за цитирование Суареса и «других иезуитов»[253].

Мэнверинг согласился, что отношение между королем и народом регулируются правосудием и правом, однако настаивал на том, что королю за отправленное им правосудие не может быть

---

[252] Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. IX, 58–60.

[253] Cobbet's complete collection of State Trials... Col. 354–355. "his grace then told him, "That he might have made some better use of the great favour which they did him, in giving him time to recollect himself before 'his Answer: but he saw hi him (as St. Bernard saith) "That there are some men who are miseri sed non miserendi!" and that he was sorry to hear such an Answer to the accusation of the commons:' but, God be thanked, the king had now wiped away what was intended by his two Sermons: which Sermons, his grace said, he both misliked and abhorred, and was sorry that he came only to extenuate his fault. Touching the participation, which Dr. Manwaring gave the king with God, his grace told him, "That it was very blasphemy; and that those words in the Psalms. Dii estis, do warrant no such matter: and touching his other assertion, that there is no justice but between equals, and not between God and man; the parent and his children; nor between the king and his people; his grace told 1tim, 'It was impious and false; and that. be had thereby drawn an infamy upon us and our religion; and bad given an occasion to the Jesuits to traduce us:' and shewed him, 'That the scriptures do plainly declare and prove a justice from God to man, from a parent to his children, and from a king to his people:' and further, "That by the laws of God and man, there was ever a communitive justice between the king and his people, for matter .of coins, and a distributive justice for government". Then putting him in mind of Anaxarchus the philosopher, whom the king of Cyprus caused to be brayed in a brazen mortar for his base flattery (as a just reward for all flatterers of princes) he blamed him much for citing of Suarez, and other Jesuits in his sermons: and willed him to read the Fathers, the anient interpreters of the scriptures".

воздаяния. Он счел необходимым повиниться за цитирование Суареса[254].

В итоге лорды сочли Мэнверинга виновным и подлежащим наказанию за утверждение, что король делит власть с Богом, что король неограничен (абсолютен. — *С. К.*) в управлении, а также за его «скандальные выпады» против парламента и поношение вплоть до проклятия «тех джентльменов, которые отвергли последние займы». Однако, учитывая заявление Мэнверинга, что он не имел намерения «совратить совесть короля», не собирался вносить раскол между королем и народом, не настраивал короля против парламента, не побуждал упразднять законы, а также получив уверение короля, что он не видел в Мэнверинге подобного замысла и его милостивый ответ на Петицию о праве, лорды сочли возможным вынести более мягкий, чем того требовали общины, приговор.

14 июня решение палаты лордов было зачитано общинам. Мэнверинга приговорили к тюремному заключению, к огромному по тем временам штрафу в 1000 фунтов, в течение трех лет ему запретили заниматься проповедованием, а его приход на это время переходил к другому «способному священнику». Кроме того, богослову запретили навсегда занимать какую-либо духовную или светскую должность, а также проповедовать при дворе. Книгу Мэнверинга решено было сжечь и более не печатать[255].

После этого богослова отправили в лондонскую тюрьму Флит. Лордам же был сделан доклад, из которого следовало, что за публикацией книги Мэнверинга стоял епископ Бата и Уэльса Уильям Лод. Именно после его письма, содержащего заверение, что публикация одобрена «личным повелением короля», епископ Лондона Джордж Монтейн выдал лицензию на публикацию

---

[254] Ibid. Col. 355. “Dr. Manwaring made a short reply touching his said two assertions: and said, “That he denied not justice and law to be between king and people; but affirmed that the king's justice could not be reunited: and excused himself for citing of Suarez, for in those places he spake for the king”.

[255] CD 1628. Vol. IV. P 307, 309–310, 320, 322, 326, 328; Cobbet’s complete collection of State Trials... Col. 355–356.

книги Мэнверинга. Было зачитано письмо Лода, подтвержденное свидетельством графа Монтгомери, гласившее, что повеление напечатать обе проповеди было оглашено королем «прошлым летом» во время пребывания Карла I в Вудстоке[256].

16 июня палата лордов обратилась к королю с просьбой издать специальную прокламацию, запрещающую впредь печатать книгу Мэнверинга и предписывающую публично сжечь ее в Лондоне, Вестминстере и в «обоих университетах». Король, с нетерпением ожидающий субсидий, 18 июня заверил лордов, что прокламация уже готовится ведомством генерального атторнея Англии[257].

21 июня нижняя палата получила от лордов официально оформленный приговор, вынесенный верхней палатой. Затем из тюрьмы Флит в палату общин был доставлен сам Роджер Мэнверинг. Он слушал приговор, опустившись на колени. Затем проповедник его подписал и выразил раскаяние в том, что три его проповеди оказались полны ошибок и скандальных измышлений. Он признал справедливость вынесенного приговора и попросил прощения у Бога, короля, почтенной палаты, церкви и у государства в целом[258]. 24 июня на свет появилась обещанная королем прокламация[259].

---

[256] Cobbet's complete collection of State Trials... Col. 356–357.

[257] Ibid.

[258] CD 1628. Vol. IV. P. 403, 407, 411, 414, 417, 420; Cobbet's complete collection of State Trials... Col. 357–358. "May it please this honourable House, I do here, in all sorrow of heart and true repentance, acknowledge the many errors and indiscretions which I have committed; in preaching and publishing those two Sermons or mine, which I called "Religion mid Allegiance" and ray great fault in falling upon this theme again, and handling the same rashly and unadvisedly, in my own parish church of St. Giles in the Fields, the 4th of May last part. I do fully acknowledge those 3 Sermons of mine, to have been full of many dangerous passages, inferences, and scandalous aspersions in most parts of the same: and I do humbly acknowledge the justice of this honourable house, in that Judgment and Sentence passed upon me for my great offence: and I do, from the bottom of my heart, crave pardon of God, the king, and this honourable House, the Church, and this commonwealth in general, and those worthy persons adjudged to be reflected upon by-me m particular, for these great errors and offences".

[259] Calendar of State Papers. Domestic series. Charles I. 1628–1629 / Ed. by J. Bruce. London, 1859. P. 175. (Далее CSPD).

Отметим, что приговор Мэнверингу не долго оставался в силе. 8 июля 1628 г., практически сразу после роспуска парламента на каникулы, Карл I полностью простил проповедника, а 18 июля в дополнение к его ректорству в Сент-Джилсе ему был представлен специальный приход Стэнфорд Риверс в Эссексе, а 28 июля король подтвердил его священнические полномочия[260]. Иначе говоря, решением парламента монарх пренебрег, а карьера Мэнверинга в англиканской церкви пошла в рост. Но и парламентская сессия, начавшая работать в январе 1629 г., не обошла факт такого пренебрежения молчанием. 28 января 1629 г. палата общин приняла специальную декларацию, направлению против арминиан[261]. В феврале 1629 г. и в палате, и в комитете по делам религии депутаты выражали свое возмущение произошедшим и возлагали вину на Ричарда Нейла, епископа Винчестерского, который, по их мнению, добился от короля помилования и освобождения из тюрьмы Мэнверинга и Сибторпа[262].

В 1640 г. имя Мэнверинга, к этому времени уже епископа Сент-Дэвидса (Уэльс), всплывает в протоколах Короткого парламента. Уже на пятый день заседания парламента (18 апреля 1640 г.) общины направляют лордам протест против одного из их членов — Роджера Мэнверинга. Затем лорды лишают епископа Сент-Дэвидса права заседать в палате самолично и посылать в нее своего представителя. Чуть позже Карл I уверяет палату, что направил Мэнверингу аналогичный запрет[263]. Нижняя палата

---

[260] Ibid. P. 196, 198, 217, 237; CD 1628. Vol. IV. P. 310, n. 23. Отметим, что в перерыве между двумя сессиями был прошен и Роберт Сибтор, а ряд ариминиан — Уильям Лод, Ричард Монтагю и Ричард Нейл — получили более высокие назначения. См.: Lockyer R. The Early Stuarts. A Political History of England, 1603–1642. London, P. 346–347.

[261] CSPD, 1628–1629. P. 460.

[262] Commons' Debates 1629 / Ed. by W. Notestein R.H Relf. Minneapolis, 1921. P. 37, 40, 43, 49–50, 59, 68, 174, 179, 192, 281.

[263] Proceedings of the Short Parliament of 1640 / Ed. by E.S. Cope. London, 1977. P. 61, 63, 65, 82–83, 98–99, 102. Лорды, как сказал Джон Дигби, граф Бристоль, исходили из того, что королевское помилование не может ущемлять интересы

выражала возмущение как раз тем, что, несмотря на ее запрет, Мэнверинг продолжал получать церковные должности и даже стал епископом. Депутаты усмотрели здесь «нарушение привилегий парламента»[264].

Долгий парламент также припомнил Роджеру Мэнверингу и Роберту Сибторпу их проповеди. Депутаты требовали лишить Мэнверинга епархии и запретить занимать церковные должности[265]. В результате Роджера Мэнверинга вновь заключили в тюрьму и лишили всех должностей[266].

подданных. Это и другие высказывания лордов можно увидеть здесь: Cope E. S. The Earl of Bedford's Notes of the Short Parliament of 1640 // Bulletin of the Institute of Historical Research, 1980. Vol. 53. P. 257.

[264] Ibid. P. 155, 218, 235, 239, 247.

[265] Proceedings in the Opening Session of the Long parliament. House of Commons / Ed. by M. Jansson. New Haven, 2000. Vol. I. P. 334, 337, 341, 344, 357; Vol. 2. P. 74, 517, 646.

[266] Dictionary of National Biography / Ed. by S. Lee. London, 1894. Vol. XXXVI.

Глава V
ДЕЛО «ПЯТИ РЫЦАРЕЙ» И «ПЕТИЦИЯ О ПРАВЕ»

С начала третьего десятилетия XVII в. внешняя политика английской короны становится все более активной и поэтому все более дорогой. Англия участвует в европейских военных конфликтах. Однако большинство военных экспедиций короны 20-х гг., главным организатором которых был фаворит Карла I герцог Бекингэм, заканчивались полным провалом. После очередной внешнеполитической неудачи парламент 1626 г. стал добиваться импичмента ненавистного большинству англичан герцога, что побудило корону досрочно распустить парламент, не дождавшись необходимых субсидий. Сохраняя при себе Бекингэма, король сохранял очевидную пустоту сундуков казначейства. Тайный совет предложил монарху собрать деньги старыми (хотя они и вызывали критику у англичан) способами: приступить к сбору беневоленсов («добровольных пожертвований»), займа на содержание войск, или принудительного займа (forced loan)[267], и «корабельных денег». Основная роль отво-

[267] Здесь определенная двусмысленность: правительство собирало “forced loan” под предлогом набора и содержания армии, ибо “forces” — «вооруженные

дилась именно принудительному займу, ибо, по замыслу министров, заем должны были выплачивать все налогоплательщики, что сулило итоговую сумму, равную 5 парламентским субсидиям. Иначе говоря, Тайный совет в отсутствии парламента фактически вводил прямой налог, который касался не отдельных лиц, а охватывал все состоятельное население королевства.

Страна продолжала находиться в состоянии войны с Испанией и Францией. Последнее обстоятельство заставляло английское правительство посылать войска, основу которых составляли ополченцы графств, на континент. В Англии еще с конца XVI в. появилось утверждение, что английские государи не имеют права посылать подданных («свободных людей») за границу[268]. Поборы и необходимость воевать за пределами страны выливались в разные формы протеста.

Справедливости ради отметим, что в исключительных случаях общее право допускало взимание налогов без согласия представительного органа. Уже после роспуска парламента 1626 г. пришло сообщение о том, что союзник Англии в Тридцатилетней войне датский король Христиан потерпел поражение в сражении при Луттере (Lutter). Корона и ее министры сочли, что последнее политическое событие на континенте может считаться исключительным случаем[269].

В последних работах специально отмечается воздействие фактора войны на политическую мысль и политический дискурс предреволюционной Англии[270]. Современные историки подчерки-

---

силы», но одновременно глагол “to force” означает «насиловать», «принуждать», и население так и воспринимало заем, как насильственный, принудительный.

[268] См. об этом статью: Дмитриева О. В. Пьянящее вино свободы... С. 229–233.

[269] Подробнее о предыстории принудительного займа и о его поступлении в казну см.: Cust R. The Forced Loan and English Politics, 1626–1628. Oxford, 1987. P. 13–72.

[270] Cogswell Th. Home Division: Aristocracy, the State and Political Conflict. Manchester, 1998; Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge, 1988.

вают, что сторонники усиления королевской власти стремились включить в политическую и правовую лексику Англии некоторые континентальные понятия. Они, в частности, апеллировали к «необходимости» (necessity) и к «государственному интересу» (reason of state)[271].

В сентябре 1626 г. Карл I отправил письмо епископам, призывая их обратиться с кафедр к прихожанам с просьбой «помочь и поддержать» личными средствами «защиту королевства»[272]. Духовенство откликнулось на призыв монарха. В церквях стали произносить проповеди на эту тему, а затем их тексты публиковать. Тексты двух священников — Роберта Сибторпа и личного капеллана короля Роджера Мэнверинга — были настолько вызывающими и настолько противоречили правовой традиции, что против их публикации возражали даже архиепископ Кентерберийский Джордж Эббот и епископ Лондона Уильям Лод[273]. Роджер Мэнверинг произнес две проповеди, в которых исходил из того, что «все власти сотворены Богом», а королевская власть среди них «самая высшая, сильная и широкая»; короли выше всех, включая ангелов. «Верным подданным» надлежит не раздумывая повиноваться желаниям монарха, поскольку подданные своим разумом не могут проникнуть вглубь и оценить замысел короля. Даже если подданным желание короля кажется «решительно противоречащим закону, установленному Богом», надлежит проявлять терпение. Сопротивление есть предательство и преступление. Если же «повеление короля не противоречит законам Бога, природы, наций и Писания (хотя и не соответствует во всех деталях законам национальным и территориальным), то подданный не может... ни сомневаться, ни отказываться повиноваться воли и

---

[271] Christianson P. Notes and Documents. Two Proposals for raising Money be Extraordinary Means, c. 1627 // English Historical Review. 2002. Vol. CXVII, № 471. P. 357.

[272] Ibid. P. 358–359.

[273] Cust R. The Forced Loan and English Politics, 1626–1628. Oxford, 1987. P. 62–65.

желанию суверена. Ибо как отец страны он повелевает по своему желанию, опираясь на полученный совет и мнение».

Р. Мэнверинг считает парламент «самым священным и почитаемым» представительным органом среди аналогичных «ассамблей» королевства. Но он не вправе отказывать королю в «требуемой помощи и субсидиях». Его задача состоит в том, чтобы «равномернее и точнее» распределить выплаты среди населения. И король в случае крайней и острой необходимости такие субсидии может востребовать, распределяя свои запросы пропорционально платежеспособности людей (if upon necessity, extreme and ergent, such subsidiary helps be required, a persons charged) . Иначе говоря, по Мэнверингу, в исключительном случае король может требовать от подданных денег и без решения парламента[274].

В своих действиях правительство руководствовалось не столько принципами общего права, сколько политической целесообразностью, а также законом военного времени (martial law). В прибрежных графствах, например, на постой в дома жителей начали размешать солдат и матросов, которых Джон Огдлендер характеризовал как «убийц, насильников, грабителей, взломщиков»[275]. Для пресечения бесчинств Тайный совет стал посылать в графства предписания, которыми наделял правительственных комиссаров и других должностных лиц полномочиями разбирать такие случаи, руководствуясь законами военного времени, т. е. не считаясь с процедурой общего права, подвергать солдат и матросов телесным наказаниям, отсекать части тел и даже казнить. Иначе говоря, с продолжением войны появлялись все новые и новые поводы для возмущения у населения страны. Не исключено также, что от деятельности комиссаров иногда страдали и мирные жители[276].

---

[274] Manwaring R. Religion and Allegiance. 1627 // The Stuart Constitution, 1603–1688. Documents and Commentary / Ed. by J. P. Kenyon. Cambridge, 1966. P. 14–16.

[275] Цит. по: Sharpe K. The Rule of Charles I. New Haven, 1992. P. 34.

[276] Подробнее о политической ситуации, сложившейся после использования martial law, см.: Ibid. P. 33–36.

Вся аргументация тех, кто планировал этот заем, строилась вокруг понятия «крайняя, или острая, необходимость». Это хорошо видно из недавно опубликованных канадским исследователем Полом Кристиансоном двух документов: «Предложение по устройству Его Величества дел» и «Проект прокламации для повсеместного взимания, или налогообложения на эль, пиво и сидр», написанных государственным секретарем Джоном Коком. Оба документа начинались с признания крайне тяжелого внешнеполитического положения Англии, после побед ее католических врагов на континенте. В первом рекомендовалось издать по этому поводу специальную декларацию, адресованную подданным, где король, ввиду необходимости (present necessarie) защищать королевство, подготовить флот и наземные силы, объявляет о сборе займов, объемы которых соответствовали бы суммам, обещанным, но не выделенным последним парламентом[277].

В проекте прокламации выражалась уверенность, что подданные поймут и поддержат решение короля; что налоги, собираемые «во время такой необходимости оправдываются божественными и человеческими законами»[278].

С самого начала инициаторы займа столкнулись с трудностями. Население реагировало по-разному. Одни территории выплачивали заем безоговорочно, жители других решительно отказывались делиться доходами с короной. Попытка правительства заручится поддержкой судей общего права не увенчалась успехом. Судьи общего права (Рэндолф Крю — главный судья королевства, Ричард Хаттон — главный судья Суда Общих тяжб

---

[277] “A Proposition for the Setling of his Maiesties affairs”, written in the hand of Sir John Coke / Published by P.Christianson // Christianson P. Notes and Documents. Two Proposals for raising Money be Extraordinary Means, c. 1627 // English Historical Review. 2002. Vol. CXVII, № 471. P. 369.

[278] Draft Proclamation for a general levie, or contribution or taxation on ale, beer or cyder. Written in the hand of Sir John Coke / Published by P. Christianson // Christianson P. Notes and Documents. Two Proposals for raising Money be Extraordinary Means, c. 1627 // English Historical Review. 2002. Vol. CXVII, № 471. P. 372–373.

и Джон Уолтер — главный барон Казначейства), к которым лорд-хранитель печати обратился от имени короля с просьбой подтвердить законность предложенного способа пополнения казны, не сочли это возможным. Они заявили, что не могут одобрить то, что представляется им незаконным. Данный вердикт стоил тогда Рэндлфу Крю судейской мантии[279].

Как показано в исследовании Р. Каста, правительство принимало жесткие меры по отношению к «отказникам». Комиссарам предписывалось требовать у «отказников» под присягой излагать аргументы, объясняющие их поведение. Записанные ответы затем служили основанием для возбуждения уголовного преследования. В Англии такая практика вызывала ассоциации с папской инквизицией и вызывала возмущение, ибо по общему праву «никто не должен был быть принуждаем свидетельствовать против себя». Затем «отказников» приглашали в Лондон, а после приезда сразу же заключали в тюрьму. Производилось это с весьма примечательной формулировкой: «по особому распоряжению короля» (per speciale mandatum domini regi). К февралю 1627 г. столичные тюрьмы оказались переполненными и более не могли принимать заключенных, поэтому прежнюю тактику пришлось изменить. Пребывающим в столицу «отказникам» теперь предписывалось каждые три дня являться в Тайный совет и отмечаться там. Вполне вероятно, что жизнь в Лондоне обходилась в сумму большую, чем та, которую требовали в виде займа. Люди несли ощутимые материальные потери. Так продолжалось до конца апреля, когда стало выясняться, что неразумно держать такое количество активных в политическом отношении людей в одном месте. Поведение власти подталкивало к объединению оппозиционеров, обладающих к тому же определенным социальным статусом в своих графствах. Поэтому одна часть членов Тайного совета стала склоняться к тому, чтобы либо просто отпустить всех заключенных, либо под-

[279] Diary of Sir Richard Hutton, 1614–1639 / Ed. by W. R. Prest. London, 1991. P. 63–66.

вергнуть их домашнему аресту в их графствах. Частично эта точка зрения получила реализацию в июне 1627 г., когда Тайный совет под председательством лорда Манчестера, получившего прозвище «друга заключенных», выслал большое число «отказников» домой под надзор шерифов.

Представители жесткой линии в Тайном совете, напротив, выступали за суровое наказание «отказников». Среди них были и те, кто требовал публичного суда. Наиболее последовательно отстаивал последнюю точку зрения генеральный атторней королевства сэр Роберт Хит. К июлю, видимо, организованность «отказников» достигла высокой степени. Двое из их лидеров Уильям Коритон и Джордж Кэтсби не пожелали покидать столицу, ссылаясь на то, что этот шаг ослабит оппозицию. Тайному совету пришлось заключить их в тюрьму Флит[280]. По слухам, которые циркулировали летом 1627 г., в лондонских тюрьмах продолжало томиться около 150 человек[281]. Современный исследователь Л. Рив полагает, что 67 человек выражали готовность остаться в тюрьме в знак отказа выплачивать заем[282]. Их поддерживало полтора десятка пэров, так же отказавших королю в деньгах. А Граф Линкольн даже публично призывал к неповиновению и был заключен в Тауэр[283].

В ноябре 1627 г. пятеро заключенных — Томас Дарнел, Уолтер Эрл, Джон Хевенингхем, Джон Корбит и Эдмунд Гемпден — поступили иначе. Они обратились в Суд Королевской скамьи с просьбой освободить их под поручительство приказом “habeas corpus”, поскольку заключены в тюрьму «произвольно», без предъявления обвинений. Заключенным были предоставлены адвокаты.

---

[280] Cust R. Op. cit. P. 58–61.

[281] Berkowitz D. S. John Selden's Formative years. Politics and Society in Early Seventeenth-Century England. Washington,1988. P. 127 (Д. Беркович полагает, что «отказникам» предлагали «купить» свободу либо через согласие выплатить сумму займа, либо через отправленную королю петицию с просьбой об освобождении. Последнее означало фактическое признание своей неправоты). Ibid. P. 129.

[282] Reev L. J. Charles I and the Poad to Personal Rule. Cambridge, 1989. P. 14.

[283] Ibid. Cust R. Op. cit. P. 60.

Дж. Корбита защищал некий мистер Калтроп, Дж. Хевенингхема и Т. Дарнела — сержант Бремстон, У. Эрла — Уильям Ной, Эд. Гемпдена — Джон Селден. Все юристы в своих выступлениях ссылались не только на нормы права, но и на многочисленные малопонятные прецеденты, реконструировать которые нет никакой возможности[284].

Таким образом, данное дело непосредственным образом затрагивало не только имущественные интересы подданных, но и касалось правовых гарантий от произвольного ареста.

В октябре 1627 г. Королевская скамья направила коменданту лондонской тюрьмы Флит, где содержались арестованные, приказы "habeas corpus". Однако тот, соответствующим образом проинструктированный Тайным советом, отказался освобождать заключенных. В присланном ответе он обосновывал свое решение тем, что рыцари были заключены по указанию Тайного совета, содержащему ссылку «на специальный приказ Его Величества»[285]. Только Томаса Дарнела, который предстал перед судьями Суда Королевской скамьи 15 ноября и освобожден не был, такой ответ каким-то образом удовлетворил. Остальные продолжали, говоря словами представляющего интересы короны в этом деле генерального атторнея Роберта Хита, добиваться, чтобы король «и его люди могли иметь равное правосудие, и когда они желают того — что, как кажется, согласуется с нормами права — они должны обладать этим»[286].

Остальные рыцари предстали перед судом 22 ноября. Первым выступал Бремстон. Он сосредоточил свою критику на отказе

---

[284] Cust R. P. 61; Christianson P. John Selden, the Five Knights' Case, and Discretionary Imprisonment in Early Stuart England // Criminal Justice History, 1985. № 6. P. 66; Kishlansky M. Tyranny Denied: Cyarles I, Attorney General Heath, and the Five Knight'a case // Historical Journal. 1992. Vol. 41, № 1. P. 53–83.

[285] Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanors from Earliest Period to the year 1783 / Compiled by T. B. Howell. London, 1826. Vol. III. P. 3–5; Christianson P. Op. cit. P. 66.

[286] Complete Collection of State Trials... Vol. III. P. 3.

коменданта тюрьмы освободить из заключения его подзащитного Джона Хевенигхема. Ответ коменданта тюрьмы, по его мнению, был сформулирован в слишком «общей и неопределенной» форме. Сама фраза «по специальному приказу короля» некорректна с правовой точки зрения. Он полагал, что в ответе коменданта тюрьмы должна быть четко указана причина задержания и предъявляемое обвинение. Сама формулировка отказа давала адвокату основание утверждать, что его подзащитный был арестован по подозрению или предположению, что противоречит сразу трем статутам, принятым во времена правления Эдуарда III (статуты 1352, 1355 и 1369 гг.), смысл которых сводится к тому, «что никто впредь не будет подвергнут тюремному заключению по просьбе или предположению, сделанному перед королем или его советом, но только после предъявления обвинения или на основе закона». Юрист напомнил, что заключение без предъявления обвинения длится уже продолжительное время, что должно служить основанием для возвращения подданному свободы и восстановления законов. Он выражал опасения, что неправовая форма преследования может превратиться для его подзащитного в пожизненное заключение. Здесь же юрист весьма причудливым образом выразил мысль о том, что без соблюдения закона не может быть прав подданных. «Законы называются величайшим наследием каждого подданного, наследием наследий, без этого наследия мы не имеем наследия (The laws are called the great inheritance of every subject, and the inheritance of inheritances, without the inheritance we have not inheritance)»[287].

У. Ной и Дж. Селден ссылались на знаменитую 29 (в редакции Генриха III) статью Великой Хартии Вольностей, которая гласила: «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владений, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него, иначе как по законному приговору

[287] Ibid. P. 5–8, 11.

равных его и по закону страны»[288]. У. Ной также вспомнил времена правления Эдуарда III. Он говорил, что еще в 1363 г. поднимался вопрос, может ли король заключать кого-либо в тюрьму своим «специальным» повелением по подозрению и не противоречит ли это Великой Хартии. И через год появился статут, который запрещал арестовывать людей по подозрению, если на то нет правовых оснований. Джон Селден, повторив аргумент Бремстона о том, что после издания приказа habeas corpus человек не должен удерживаться в тюрьме, если в ответе коменданта тюрьмы четко не обозначена причина заключения, переходит к 29 статье Великой Хартии. Дж. Селден заявляет, что, если понимать слова «не будет... заключен в тюрьму... иначе, как... по закону страны» подобно словам «по специальному приказу», то Хартия перестает что-либо значить. А поскольку это не так и поскольку «свобода для подданного является ценнейшим наследием, которым он обладает», юрист просит освободить его клиента под залог[289].

Калтроп приводил несколько аргументов против формулировки, послужившей основанием к отказу выпустить арестованных. Ссылаясь на собственные изыскания в судебных отчетах, он считал «незаконными» поступающие от короля повеления подвергнуть кого-либо тюремному заключению, если повеление дано в устной форме; если повеление передано через посыльного; если повеление было основано на «предположении», сделанном перед королем или его советом; если повеление подписано королем и скреплено его личной печаткой. Только в двух случаях заключение, произведенное с такой формулировкой, может считаться законным: если повеление короля скреплено большой королевской печатью, т. е. если вышло из его канцелярии, или печатью одного из судов (но случай с рыцарями не таков); если повеление включено в текст судебного приказа (writ). Юрист находит, что дело его подзащитного

---

[288] Подробнее об этом см.: Thompson F. Magna Carta: Its Role in the Making of the English Constitution, 1300–1629. Minneapolis, 1948.

[289] Complete Collection of State Trials... Vol. III. P. 14–15, 17–19.

может, на первый взгляд, напоминать последнее. Однако ответ коменданта тюрьмы не содержал указания конкретной причины задержания. Исходя из всего вышеперечисленного, адвокат просил освобождения под залог и своего подзащитного.[290]

Генеральный атторней Роберт Хит оказался не готов опровергать доводы оппонентов. Суд назначил перерыв в заседании[291]. Королевская сторона предоставила свои аргументы 26 ноября. Генеральный атторней исходил в своих доводах из того, что хотя свобода подданного действительно является его наследием, но в праве она вторична (secundum legem terrae) по сравнению с властью короля. По его словам, он никогда не слышал ранее, что король не должен подвергать подданного тюремному заключению по своему желанию. Р. Хит отверг любую критику формы отказа освободить заключенных. Для блага государства король может арестовать человека, не считаясь с правовой процедурой. Более того, король сам может создавать процедуры. Нужно проводить различия, подчеркивает генеральный атторней, между нормами права и «той абсолютной властью (absoluta potestas), которую суверен имеет». Обращаясь к судьям, Р. Хит говорит, что король повелевает ими. Они находятся под королем. «Король есть начало того потока правосудия, который Ваша Светлость (главный судья. — *С. К.*) направляет ко всем его подданным; все правосудие исходит от него, и все, что он делает, он делает не как частное лицо, но как глава государства, как юстициарий королевства». Земное правосудие принадлежит королю, а сам король находится под Богом. Юристам же, которые следуют нормам права, надлежит соблюдать его повеления и не задаваться вопросами, являются ли эти повеления законными[292]. Правота короля метафизична. Она не нуждается в доказательствах. Король не может быть неправым и несправедливым, потому что он король (the common law hath

[290] Ibid. P. 22–25.
[291] Ibid. P. 30–32.
[292] Ibid. P. 36–37.

that reverend respect to him, as that it cannot conceive he will do any injure). «Если вы спросите меня, милорд, имеет ли границы его суверенитет, я скажу, что это не вопрос сегодняшней встречи, но общее право, которое долго процветает под управлением нашего короля и его предшественников в королевстве, всегда относилось с почтением к его суверенитету, из чего следует, что король не может совершать неправое (the king can do no wrong)»[293].

Не прошел генеральный атторней мимо ссылки на 29 статью Великой Хартии Вольностей. Он остроумно указал, что нередко мировые судьи заключают людей в тюрьму до вынесения решения судов и предъявления обвинений. Так же поступают констебли в городах, и данная практика не вызывает возражений. Наконец, продемонстрировав знакомство с историческими изысканиями английских антиквариев, Р. Хит заметил, что Великая Хартия вообще не может считаться законом. Поскольку ее подтверждение во времена правления Генриха III является не статутом, а сокращенным вариантом редакции хартии короля Иоанна, которая приведена в хронике Матфея Парижского. Не следует, настаивает он, позволять управлять собой хронике (We do not govern ourselves by Chronicle)[294]. Таким образом, в своем выступлении генеральный атторней настойчиво проводил мысль о том, что решение об аресте и освобождении данных заключенных лежит за пределами права. В отличие от оппонентов, он фактически отрицал то, что право в Англии регулирует все. Королевская власть, по Р. Хиту, находится за пределами правового регулирования. Поэтому суд, считает генеральный атторней, вообще не может решить это дело. А заключенным следует обращаться к королю с прошениями о помиловании[295].

Решение судей главный судья Королевской скамьи Николас Гайд огласил 28 ноября. Судья согласился с многочисленными

[293] Ibid. P. 44.
[294] Ibid. P. 38.
[295] Ibid. P. 50–51.

доводами и историческими прецедентами защиты о том, что арест заключенных без указания причины по специальному повелению короля не может служить основанием для их удержания в тюрьме.

Вместе с тем судья констатировал, что судьи подчинены королю и не могут в данном деле руководствоваться нормами права. Судья фактически сказал о том, что данное дело стало делом политическим. «По справедливости мы должны были бы освободить вас, мы должны поступить так, но, несмотря на все основания, отчеты, прецеденты и приговоры, мы не можем освободить вас, и вы должны быть возвращены под стражу»[296].

Позднее Дж. Селден весьма отрицательно оценивал поведение судей в этом деле. Он считал, что они потворствовали «насилию» над свободой. Ибо, несмотря на одобрение судьями аргументов защиты, было вынесено противоположное решение[297].

Корона и Тайный совет рассчитывали закончить сбор займа к январю 1628 г., удерживая до этого времени отказников в тюрьмах[298]. Эд. Гемпдон умер, не вынеся тягот заключения[299].

Парламент 1628 г., куда, кстати, были избраны некоторые адвокаты и двадцать три бывших заключенных[300], следуя уже сложившейся традиции, счел нужным обсудить злоупотребления последних лет, а именно: практику взимания принудительного

---

[296] Ibid. P. 51–59, esp. P. 59; The Diary of Sir Richard Hutton... P. 72.

[297] 31. Commons Debates 1628 / Ed. by R. C. Johnson, M. J. Cole, M. F. Keeler, W. B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. II. P. 113.

[298] Kishlansky M. Tyranny Denied: Charles I, Attorney General Heath, and Five Knights' case // Historical Journal. 1999. Vol. 42, № 1. P. 61, 63.

[299] Известно, что Эд. Гемпдон приходился дядей знаменитого Джона Гемпдона, тоже отказника, а позднее инициатора дела о «корабельных деньгах».

[300] Commons Debates 1628 / Ed. by Robert C. Johnson, Mary Frear Keeler, Maija Jansson Cole, William B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. I. P. 52. Здесь же можно найти и имена бывших заключенных. Среди них, кстати, оказался Джон Гемпдон, будущий инициатор дела о «корабельных деньгах» и герой первых лет революции, и Томас Уэнтворт, будущий граф Страффорд, отданный под суд решением Долгого парламента и казненный.

займа, высылки подданных для службы за границей, произвольных арестов и использования законов военного времени. Как известно, основное время у парламентариев данного созыва ушло на обсуждение непорядков королевства и причин недовольства подданных, которое, в конце концов, вылилось в принятие «Петиции о праве». Еще только проходило формирование комитетов, а Роберт Филипс и Роберт Гудвин уже точно определили главную цель деятельности нижней палаты — «сохранить служение Богу, вольности и привилегии нашей страны» (Филипс), «разъяснить Его Величеству, что подданные имеют право собственности, ближе и дороже которого у них не может быть ничего» (Гудвин)[301].

Пока комитет по разбору причин недовольства подданных (committee for greivances) принимал петиции с жалобами от частных лиц и корпораций, из уст многих коммонеров в самой разной форме звучала мысль, что принудительный заем, учрежденный короной, противоречит праву и что произвольные аресты, произведенные по королевскому приказу, не могут считаться законными. Приведем в качестве примера наиболее типичные высказывания.

По мнению Френсиса Сеймора, «последний сбор денег противоречит акту парламента»[302]. Джон Элиот заявлял: «Право дает каждому то, что у него есть. Должны охраняться права любого рода... Древнее право Англии, Великая Хартия и другие статуты говорят: подданный не может быть обременен займами, поборами или беневоленсами. Но мы чувствуем их бремя. Разве это не противоречит праву? Где право? Где «мое и твое»? Все подпало под произвол верховной власти»[303].

Эд. Кок напоминал остальным членам палаты: «Король не может принуждать кого-либо к займу... Займы против воли подданного есть деяния, противоречащие разуму и вольностям стра-

[301] Ibid. Vol. II. P. 32, 55.
[302] Ibid. P. 56–57.
[303] Ibid. P. 57, 67–68.

ны... Король не может приказать заключить в тюрьму кого-либо... Посылать человека в тюрьму и не называть причину, значит, идти против разума»[304].

Настоящее обсуждение началось 27 марта 1628 г. на заседании комитета по причинам недовольства и затем продолжалось более двух месяцев. Основные аргументы сторон прозвучали уже в первые дни. Участники дискуссии строили свои доводы на противопоставлении «рабства» («вилланства») и «свободы». Юрист общего права Ричард Крешелд в своей пространной речи однозначно заявил, что законы Англии, вызывающие у него ассоциацию с Геркулесовыми столпами, не делают исключения ни для короля, ни для подданного. «Действия власти, без объявления причины направленные на связывание и ограничение свободы подданных Его Величества, противоречат фундаментальным законам и вольностям нашего королевства... Я считаю закон действительно так сильно заботится о свободе подданного, что человек может быть подвергнут аресту или тюремному заключению не иначе, как по общему праву... Король не обладает абсолютной властью ни над нашими землями, ни над движимостью». Править, не считаясь с этими принципами, полагает он, значит править несправедливо. «Короли Англии имеют монархический (monarchial) статус, но не сеньориальный; первый создает свободу, второй — рабство». Последнее существовало в Англии во времена правления Вильгельма Завоевателя[305].

Дж. Селден, выступая в парламенте, так же как и до этого в Королевской скамье, отказывался признавать законность тюремного заключения без указания причины, поскольку такое действие противоречит Великой Хартии и, следовательно, праву страны. Кроме того, оно превращает свободных подданных в вилланов. «Вопрос состоит в том, имеет ли право подданный и свободный человек, заключенный в тюрьму без предъявления обвинения, быть отпущенным под залог или на свободу. Я твердо думаю, что

[304] Ibid. P. 64, 74, 101–102, 110.
[305] Ibid. P. 147–150, 153, 154, 157–158, 160–161, 163–164.

это право принадлежит каждому подданному, который не является вилланом... Сказать: я могу заключить его в тюрьму — значит сказать: он — мой виллан. Главное и единственное отличие свободных людей состоит в том, что их нельзя делать узниками по желанию (короля. — *С. К.*). В прошлом только евреев и вилланов можно было заключать в тюрьму и ограничивать их свободу. Евреи жили подобно крепостным вилланам короля. Он мог послать к ним, чтобы занять денег. Если они отказывали, король сажал их в тюрьму». В настоящее время, подчеркивает юрист, есть «лекарство» от ареста без указания причины. Это — приказ habeas corpus[306].

На следующий день оппонентам короны пытался возражать сэр Френсис Нотерсоул. По примеру других адептов власти, он напирал на экстраординарность сложившейся в Англии политической ситуации. В таких политических условиях, во имя блага и сохранения страны, по его мнению, король может руководствоваться не только общим, но и естественным правом, а парламентариям «надлежит позволить ему заключать людей без указания причины». Так, полагает он, следует поступать с устраивающими заговоры иезуитами и папистскими священниками, ибо «благо народа есть высший закон» (solus populi suprema lex est)[307].

В этот же день юрист общего права Джон Уистлер отметил, что данное дело совсем не так просто, как представляется многим. Ибо хотя Великая Хартия и связывает королевскую прерогативу, но Уильям Стэнфорд пишет, что никто не может быть выпущен на поруки, если он заключен по королевскому повелению[308].

---

[306] Ibid. P. 150–151, 158.

[307] Ibid. P. 172, 176, 179–180. Уильям Стэнфорд (William Staunford) — автор часто цитируемого юристами трактата о королевской прерогативе. An Exposicion of the Kinges Prerogatiue collected out of the great abridgement of Justice Fitzherbert and other olde writers of the lawes of Englande. London, 1568. См.: Кондратьев С. В. Королевская власть в трактовке юристов общего права предреволюционной Англии // Европа: международный альманах. Вып. 2. Тюмень, 2002. С. 108.

[308] Commons Debates 1628 / Ed. by Robert C. Johnson, Mary Frear Keeler, Maija Jansson Cole, William B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. II. P. 174–175, 178–179, 182–183.

Аргументы Ф. Нотерсоула парировал Джон Селден. Последний совсем иначе определял понятие «благо народа». «Благо народа есть высший закон, а свобода есть высшее благо народа» (Salus populi suprema lex, et libertas populi summa salus populi). Ссылаясь на библейскую историю ареста правителем Иудеи апостола Павла, суда над ним царем Агриппой и последующей отправки апостола в Рим, Дж. Селден говорит, что даже в Римской империи заключенного посылали к судье с описанием преступления (Деян. XXV–XXVII). Кроме того, заключенный в империи не должен был содержаться под стражей без предъявления обвинения больше тридцати дней. За нарушение этого правила тюремщик и судья подвергались штрафу[309].

Ему вторил Джордж Браун, который говорил, что, по У. Стэнфорду, право устанавливает пределы королевской власти (Lex attribuit regi). И все, что касается «salus populi, определяется правом.., ибо нет ничего, что нельзя было бы разрешить, прибегая к праву»[310].

29 марта юрист Генри Шерфилд доказывал, что король не имеет прерогативы арестовывать кого-либо без указания причины. Делать это ему запрещает Великая Хартия Вольностей. Если король заключает человека в тюрьму без указания причины, и того не освобождают, то статус человека становится ниже статуса виллана, ибо даже вилланы могли в аналогичном случае быть выпущены на волю соответствующим судебным приказом (de homine replegiando)[311]. У. Хаквилл, признав, что у короля могут быть политические основания заключить человека в тюрьму без указания причины, посчитал необходимым отметить невозможность длительного пребывания узника в заключении по желанию короля. Он указал также на излишнюю жестокость такого поведения власти. «Тюремное заключение есть гражданская смерть. Оно

[309] Ibid. P. 173, 176, 180, 183.
[310] Ibid. P. 176, 180.
[311] Ibid. P. 189, 193–194, 198–199, 202–203, 208.

истощает тело и подрывает разум». Человек лишается воздуха и друзей[312].

3 апреля палата общин приняла резолюцию, «что каждый свободный человек имеет древнее и несомненное право на полное распоряжение своим движимым и недвижимым имуществом, и что никакой налог, платеж, заем, дарение или иное не может быть введено или наложено королем или его министром без общего согласия, выраженного актом парламента»[313].

На этом же заседании Дж. Селден подробно обосновал то, почему свободные люди не могут быть принуждаемы служить за границей. Он пишет, что таким правом обладал Вильгельм Завоеватель, который раздал захваченные в Англии земли таким образом, чтобы иметь в распоряжении 60 тыс. рыцарей. Рыцарский надел должен был приносить не менее 20 шиллингов дохода ежегодно. Но в 1297 г., когда король Эдуард I собрался организовать экспедицию во Фландрию, парламент принял акт, который затем многократно подтверждался, что свободный человек должен покидать свое графство только для защиты королевства от врага и что его нельзя принуждать служить за границей[314].

7 апреля обе палаты проводили совместную конференцию. Интересы нижней палаты представляли четыре коммонера. Дадли Диггс изложил общие доводы. «Бесспорным и фундаментальным положением нашего древнего общего закона Англии является то, что подданный обладает подлинным правом собственности над своей движимостью и владениями, которые охраняются как святое. Наше «мое и твое» является нянькой производства (industry) и матерью отваги, без которых не может быть правосудия и его главной задачи — защиты «моего и твоего». Недавно это бесспорное прирожденное право свободных подданных подверглось очень тяжелому нападению и ущемлению, поскольку их

[312] Ibid. P. 190, 200, 203–204, 208.
[313] Ibid. P. 276, 289–290, 291.
[314] Ibid. P. 280–281.

(подданных. — *С. К.*) подвергли тюремному заключению, нарушив вольности нашей страны»[315].

Эдвард Литтлетон обосновал это положение, опираясь на многочисленные статуты и Великую Хартию Вольностей. Дж. Селден сделал экскурс в историю судебной практики и, опираясь на многочисленные прецеденты, показал, что судьи никогда не отказывали подданным ни в полном освобождении, ни в освобождении под залог приказом habeas corpus. Эд. Кок суммировал доводы всех остальных, изложив их в виде базовых принципов права. Выступающие сошлись на том, что люди не могут заключаться в тюрьму и лишаться имущества произвольно даже королем. Все это должно производиться в соответствие с нормами общего права[316].

14 апреля палата обратилась к королю с петицией, которая содержала положение о том, что размещение солдат на постой против воли владельцев домов противоречит праву. Король в ответ резонно заметил палате: «Вы желаете обезопасить ваши вольности. Это хорошо. Но ради Бога, не тратьте на это слишком много времени, так как чужеземный враг покушается и на ваши вольности, и на мою прерогативу»[317].

16–17 апреля на совместном заседании палат в присутствии судей Суда Королевской скамьи развернулась полная драматизма дискуссия между Джоном Селденом, который, видимо, хотел взять реванш за проигранное дело пяти рыцарей, и генеральным атторнеем Робертом Хитом. Генеральный атторней ссылался на решение судей 1593 г., которое гласило, «что лица, чья свобода ограничена королем и советом, не могут быть освобождены каким-либо судом». Там, где затрагивается государственный интерес и государственная тайна (matter of state or arcanum imperii), можно заключать человека в тюрьму без указания причины[318]. Роберту Хиту ассистировал сержант Френсис Эшли, который говорил, что

---

[315] Ibid. P. 334.
[316] Ibid. P. 334–358, 451–453.
[317] Ibid. P. 451–453.
[318] Ibid. P. 524.

общее право не приспособлено для разрешения государственных проблем. Само указание на государственный интерес должно служить достаточным обоснованием заключения в тюрьму. Истинные причины в таком деле не следует делать достоянием гласности. Передавая в руки тюремщика посла, не выполнившего свой долг, король не обязан указывать причину. Ибо «каждое государство имеет государственную тайну»[319].

Джон Селден упрекал генерального атторнея в том, что тот неверно истолковывает судебный прецедент 1593 г. По его мнению, судьи тогда решили, что люди должны подвергаться тюремному заключению только с указанием причины. Он подчеркивал, что в решении было сказано, что узники не могут находиться в тюрьме, если не было судебного разбирательства. И что попав в тюрьму без указания причины, узники получают свободу по проведению судебного разбирательства. Кроме того, решение гласило, что заключенные могут оставаться в тюрьме, если ответ на приказ habeas corpus удовлетворяется судьей. Фраза с таким смыслом, полагает Дж. Селден, означала, что ответ должен содержать ясное изложение причины ареста[320]. Ничего подобного, как мы помним, в деле пяти рыцарей не было.

В ходе заседаний все активнее начинали обсуждать факт использования законов военного времени на территории страны. Большинство юристов и парламентариев не отрицало законов военного времени, подчеркивая, что они должны распространяться на солдат и матросов. 16 апреля юрист общего права Джон Бэнкс заявил, что вольности подданных и королевская прерогатива имеют свои правовые границы. Если оставаться в их пределах, любые ущемления будут исключены. «Мы обсуждали вопросы, касающиеся «моего и твоего» и свободы человека (liberty of person). Сейчас коснемся вопроса жизни и части тела (которую отсекают по законам военного времени. — *С. К.*). Я не буду покушаться на власть королей.

---

[319] Ibid. P. 528.
[320] Ibid. P. 525–526.

Подданные имеют свои права, а короли свои прерогативы. Даже океан ограничен берегами. Вольности и прерогативы многие сотни лет сосуществуют вместе в нежном единстве (in a sweet harmony)». Это единство разрушается полномочиями, которыми король, выдав патенты под большой королевской печатью, наделил должностных лиц в провинциях. Юрист полагал, что деятельность таких должностных лиц противоречит общему праву, поскольку военные действия не ведутся на территории Англии. Следовательно, здесь должны продолжать действовать ординарные законы. «Для нас не настало время войны, если суды правосудия остаются открытыми в Вестминстере», — говорил Дж. Бэнкс. «Полномочия, предоставляемые патентами под большой печатью, не могут изменять право, но полномочия действовать в мирное время, опираясь на законы военного времени, изменяют право». Юрист настаивал, что все преступления, совершенные в течение последних лет, могут быть разобраны с помощью общего права[321].

В своих последующих выступлениях значительное число парламентариев говорило о том, что законы военного времени являются частью цивильного (римского), но не общего права, поэтому должны контролироваться последним. Они не соглашались с тем, что политическое положение Англии таково, что на территории острова пора вводить военные законы. Об этом сказал 18 апреля юрист общего права Питер Бол: «Английский язык никогда не знал... что такое цивильное право. Наши предки говорили: «Мы определенно не желаем изменять законы Англии»... Королевство Англии никогда не управлялось цивильным правом, но только общим. Там, где достаточно общего права, мы не должны управляться цивильным правом»[322].

Уильям Ной считал, что законы военного времени можно использовать только во время войны и только против солдат, находящихся в армии[323].

---

[321] Ibid. P. 481, 484, 486, 489–490.
[322] Ibid. P. 543, 553–554, 557, 559.
[323] Ibid. P. 544, 549, 554, 557, 559, 561.

Более последователен был Эд. Кок, который говорил, что общее право контролирует все прочие отрасли права, включая цивильное и военное. Поэтому, пока открыты суды в Вестминстере, считается, что страна находится в состоянии мира, она управляется общим правом и все преступники должны осуждаться на основе общего права[324].

Его поддержал Джон Селден, который отметил, что Тайный совет наделил должностных лиц правом действовать на основе законов военного времени, но ничего подобного не знает общее право. Не отрицая самих законов, он обращал внимание на то, что правительство не соблюдает установленную процедуру. Ибо военное право «известно общему праву, оно инкорпорировано с общим правом». Общее право знает органы, которые могут использовать законы военного времени. Но правительство пошло по пути учреждения абсолютно новых структур. Расширение полномочий должностных лиц может происходить только посредством издания парламентского акта, но не по решению Тайного совета[325].

Юристы общего права Генри Рол, Чарлз Джонс, цивилист Томас Эдн, коммонеры Генри Матен, Франсис Нетерсоул, Ричард Спенсер поддержали корону, заявив, что в особых случаях король может вводить на территории страны законы военного времени, после чего из незаконных они становятся законными. Кроме того, такие законы всегда должны действовать на кораблях, вышедших в открытое море, военных гарнизонах, вооруженных частях. Соответствующие должностные лица могут прибегать к ним для наведения порядка, не испрашивая дополнительных указаний. Именно так поступил в 1578 г. Френсис Дрейк, казнив во время кругосветного плавания некоего Томаса Доути, попытавшегося

---

[324] Ibid. P. 545–546, 549–550, 555, 558, 559–560.

[325] Ibid. P. 568. Vol. III. P. 25, 33. Речь, по-видимому, шла о том, что общее право знало так называемую комиссию “Oyer and terminer”, которая создавалась в Средние века под руководством маршала или королевского констебля во время воин и мятежей. Эта комиссия действовала по упрощенной процедуре военного времени и могла предавать виновных казни.

поднять мятеж. И действия адмирала после возвращения в Англию были признаны судом правомерными (Ч. Джонс)[326].

Государственный секретарь Джон Кок, представлявший интересы короны в нижней палате, в своем выступлении 22 апреля фактически уравнял общее право с другими частями права Англии. Он говорил о том, что, управляя государством, король не может довольствоваться только общим правом: ему требуется и «право справедливости», и церковное право, и законы военного времени. Последние всецело отнесены им к королевской прерогативе и подчеркнуто поставлены вне формальных правовых процедур. Государство и общее право у него не тождественны друг другу. Первое представляется ему гораздо более важным и стоящим над вторым. Деятельность комиссий и проблема законов военного времени, подчеркивает он, касается не общего права, а «короля и королевства. В Англии не найдется человека, который не хотел бы жить под правом, и мы все держимся того, что общее право есть наше наследство, которое охраняет нас. Но мы живем в государстве. Военное право касается непосредственно королей. Оно — их по происхождению. Они — божьи капитаны и руководители своих народов. Имя королей священно и прочность государства зависит от них. Всякое гражданское правление может быть добрым и счастливым. Что же касается военных и поведения войсковых соединений, то для них не существует формального права. Я должен сказать вам, что военное право является важней-

---

[326] Генри Матен, например, говорил, что нельзя противопоставлять общее право цивильному, как нельзя противопоставлять дочь и мать. Он соглашался с тем, что все должно регулироваться правом. Но, вместе с тем подчеркивал, что есть нечто, что не повинуется праву, это «необходимость». Необходимость заставляет пассажира тянут канат на корабле вместе с матросами во время шторма. Необходимость заставляет надевать на дикого, не подчиняющегося поводьям, жеребца более жесткую узду. «Законы военного времени не правовые, но когда необходимо, они делаются правыми».

Ibid. P. 541, 547,551, 556 (Рол), 548, 552 (Спенсер), 542, 548, 552, 558, 560 (Эдн), 552, 556 (Джонс), 542, 548, 552, 556, 558, 560,566, 568, 572, 575 (Матен), 543, 553, 557 (Нотерсоул).

шим правом королевства, и не все управление заключено в общем праве, но и в других законах. Король является верховным главой и правителем над всем, и все, что управляется по общему праву, не исключает других законов»[327].

С 21 апреля резолюцию палаты общин начала обсуждать верхняя палата. 25 апреля состоялась еще одна совместная конференция палат. Лорды выступили на ней с пятью предложениями. По их мнению, королю следует подтвердить 1) законность и действенность Великой Хартии Вольностей и 6 статутов, на которые ссылались коммонеры; 2) наличие у каждого свободного человека *фундаментального права* (здесь и ниже курсив наш. — *С. К.*) собственности и фундаментального права на личную свободу; 3) наличие у подданных всех тех старинных вольностей, привилегий и прав, которыми обладали их предки; 4) намерение не пугать подданных в будущем и поступать со всем тем, что касается прав подданных, в соответствии с процедурами общего права и других законов королевства; 5) свой отказ от прежней практики ареста подданных, свобода которых, если дело затронет *«государственные интересы»*, будет ограничиваться, а причины будут объявляться *«в должное время»*. Принятие последнего пункта, полагали лорды, полностью согласуется с прерогативой и *суверенитетом* короля[328].

Предложения лордов говорят сами за себя. Они, кроме последнего, двусмысленно сформулированного, почти полностью согласуются с раннее принятой резолюцией нижней палаты. Юристов палаты общин не устроят упоминаемые лордами термины. Они вызовут весьма оживленную дискуссию, в ходе которой большинство выскажется против их использования. Традиционализм мышления, присущий людям начала XVII в., отвергал всякие новации. Мысль о необходимости противостоять опасным новациям стала рефреном многих выступлений.

Коммонеры приступили к выработке законопроекта, который должен был опираться на собственную резолюцию и предложения

---

[327] Ibid. Vol. III. P. 24, 27, 31, 37.
[328] Ibid. P. 74–75, 81, 85, 90.

лордов. Выступающие призывали пользоваться только терминологией общего права. Эд. Кок, употребляя выражение «фундаментальное право» (fundamental law), выступал против использования терминов «фундаментальная вольность» (fundamental liberty) и «фундаментальная собственность» (fundamental property). Не нравилась ему также фраза «должное время». «Должное время!» — восклицал он, обращаясь к коммонерам. — Кто должен судить, когда наступает это «должное время»? До принятия Великой Хартии король владел такой властью, но сейчас все по-другому... Если мы дадим согласие заключать в тюрьму в интересах государства и в должное время, мы изуродуем Великую Хартию и другие статуты»[329]. Джон Селден говорил, что каждый сам для себя определяет «должное время». Если допустить здесь пренебрежение правовой процедурой, позволить судьям определять, что есть «должное время», то «мы вскоре начнем попадать в тюрьму по их желанию»[330]. Бенжамин Радьярд коснулся «государственного интереса» (reason of state), заявив, что «государственный интерес» пожирает не только почти все наши законы, но и христианскую религию»[331].

Король попытался воспрепятствовать выработке закона. 28 апреля лорд-хранитель Большой печати Томас Ковентри выступил в палате общин по поручению Карла I, который, по его словам, просил передать, что король «держится Великой Хартии и шести статутов, защищающих свободу подданных», король обещает поступать так и впредь[332]. 1 мая, во время дебатов в нижней палате, поднялся со скамьи государственный секретарь Джон Кок и от имени короля попросил коммонеров дать ответ, достаточно ли переданного через лорда-хранителя печати королевского обещания сохранять древние английские законы, чтобы, наконец, прекратить прения. Выступление Дж. Кока, как пишет клерк

---

[329] Ibid. P. 94, 105, 114. Уильям Ной заявлял о том, что он «не понимает» слова «фундаментальное», по-видимому, оно означает «обычное». Ibid. P. 97, 107.

[330] Ibid. P. 106.

[331] Ibid. P. 138.

[332] Ibid. P. 125.

палаты, вызвало продолжительное молчание[333]. Вступать в открытую конфронтацию с монархом никто не хотел, ибо это могло закончиться роспуском парламента.

В течение последующих пяти дней должностные лица короны настойчиво добивались прекращения дебатов. 5 мая Карл I удостоил спикера и некоторых лидеров палаты аудиенцией. Но палата не собиралась отступать и искала выход из щекотливого положения. Коммонеры уже не могли продолжать выработку законопроекта, но и не хотели удовлетвориться королевским обещанием, которое монарха мало к чему обязывало. Выход нашел Эд. Кок. 6 мая он предложил палате выработать и принять совместно с лордами Петицию о праве[334].

У специалистов нет согласия о правовом статусе Петиции о праве. Е. Р. Фостер подчеркивает, что следует проводить различия между частной петицей о праве, посредством которой можно было начать судебный иск против самого короля, и парламентской, смысл принятия которой заключался в получении согласия от монарха по декларируемым в петиции положениям. Выражение согласия означало, что королевское и парламентское понимание вольностей и прав тождественны друг другу. Исходя из этого исследовательница полагает, что статус Петиции о праве был «декларативным»[335]. Эту точку зрения разделяет Д. Беркович[336]. Однако, по мнению Дж. Рива, обе палаты парламента и современники рассматривали Петицию о праве в качестве государственного закона, принятого в соответствии с правовой процедурой[337].

---

[333] Ibid. P. 189, 195, 201, 203.

[334] Ibid. P. 271–272, 283, 286, 293, 296. Американская исследовательница Елизабет Фостер показала, что принятие подобных петиций о праве стало обычной практикой в английских парламентах по крайней мере с конца XVI века. См.: Foster E. R. Petitions and the Petition of the Right // The Journal of British studies. 1974. Vol. XIV, № 1. P. 21–45.

[335] Ibid. P. 43. Idem. Printing the Petition of Right // The Huntington Library Quarterly. 1974. Vol. XXXVIII. P. 83.

[336] Berkowitz D. S. Reason of state in England and the Petition of Right, 1603–1629 // Staatsrason / Ed. by R. Schnur. Berlin, 1975.

[337] Reeve J. L. The Legal Status of the Petition of Right // Historical Journal. 1986. Vol. 29, № 2. P. 257–277.

Первая редакция петиции была представлена в палату лордов 8 мая[338], и касалась она, как скажет позднее У. Хаквелл, четырех пунктов: «свободы от принудительных займов, свободы от тюремных заключений, от постоев солдат и от законов военного времени»[339]. С 9 по 24 мая в обеих палатах велись дебаты по поводу петиции о праве. Отметим, что в ходе этих дебатов текст петиции не претерпел сколько-нибудь существенных перемен. 12 мая король, желая положить конец начавшейся процедуре, обратился к лордам с посланием, в котором писал, повторяя в какой-то мере стиль Великой Хартии Вольностей: «Ни мы, ни наш Тайный совет не станем когда либо впредь ограничивать свободу, приказывать заключать в тюрьму или каким-либо иным способом ограничивать свободу кого-либо за отказ одалживать нам деньги или по другой причине, которая, по нашему мнению, не будет касаться государства, общего блага, нашей безопасности и безопасности нашего народа... Во всем, что касается ординарной уголовной юрисдикции, наши судьи будут освобождать и отпускать на поруки заключенных в соответствии с обычными нормами права нашей страны, Великой Хартии и тех шести статутов, которые, знайте, остаются в полной силе»[340].

Король и Тайный совет надеялись, что парламент удовлетворится обещанием монарха и откажется от принятия петиции. Однако нижняя палата, следуя призыву Томаса Уэнтворта, отказалась поступить так. Письмо короля есть «письмо милости, а народ Англии предпочитает документ, который принят парламентским способом», — говорил будущий граф Страффорд[341].

Позиция верхней палаты оказалась более умеренной. Лорды хотели внести несколько терминологических поправок и одно

---

[338] Ibid. Commons Debates 1628 / Ed. by Robert C. Johnson, Mary Frear Keeler, Maija Jansson Cole, William B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. III. P. 333, 336, 338, 344, 346.

[339] Ibid. P. 496, 502.

[340] Ibid. P. 372–373.

[341] Ibid. P. 406.

добавление. 19 мая Эд. Кок, докладывая коммонерам о позиции верхней палаты, заметил, что лорды, стремясь «подсластить» отельные положения петиции, выхолащивают ее смысл[342]. Например, они предлагали включить в петицию пункт о том, что король может требовать займы «под давлением обстоятельств», и, напротив, исключить упоминание о «незаконной присяге» (unlawful oath), которую комиссары короны в графствах заставляли приносить всех отказников; предлагалось также заменить выражение “by pretext whereof” (под предлогом) на более мягкое “by means whereof” (ради средств)[343].

Добавление лордов состояло в следующей фразе, которую, ссылаясь на статут Эдуарда I от 1300 г.[344], они предлагали включить в текст петиции: «Мы представляем эту смиренную петицию Вашему Величеству не только ради сохранения наших собственных вольностей (liberties), но и ради сохранения полноты той *суверенной власти* (курсив наш. — *С. К.*), которая дарована Вашему Величеству для защиты, безопасности и благоденствия Вашего народа»[345]. 17 мая, когда Эд. Кок впервые докладывал об этом

---

[342] Ibid. P. 467–468, 470–471, 476–477, 482–487.

[343] Ibid.

[344] Речь идет о статуте с красноречивым названием «Статьи Высших Хартий» (Articuli Super Cartas). Статут содержал подтверждение Великой Хартии Вольностей и Лесной хартии, а также перечислял и устранял «обиды», которые своими поборами и преследованиями учинил Эдуард I. Дебаты 1628 г. были вызваны одним пассажем из статьи 20 статута. «Несмотря на все те деяния или элементы их, которые ранее упоминались, король, его совет и все, кто присутствовал при составлении статута, хотят и желают, чтобы сохранилось право и прерогатива короны» (And notwithstanding all these things before mentioned, or any point of them, both the King and his council and all they that were present at the making of this ordinance, will and intend that the right and prerogative of hid crown shall be saved to him in all things). См.: Berkowitz D. S. Op. cit. P. 183, 331 n. 58; Commons Debates 1628. Vol. I. P. 130.

[345] Commons Debates 1628 / Ed. by Robert C. Johnson, Mary Frear Keeler, Maija Jansson Cole, William B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. III. P. 452. «We present this our humble petition to your Majesty not only with a care of preserving our own liberties, but with a due regard to leave entire that sovereign power wherewith your Majesty is trusted for the protection, safety, and happiness of your people».

предложении, фраза, видимо, воспринималась вполне безобидно. «Лорды ничего не предпринимают относительно петиции, кроме добавления, дабы сделать ее более приятной и приемлемой для Его Величества»[346]. Но уже тогда он обратил внимание палаты на то, что это добавление (addition) на самом деле является нововведением и изменением (alteration)[347].

С 20 мая начались дебаты вокруг «добавления» верхней палаты. Коммонеры решительно выступили против внесения слова «суверенитет» в текст петиции, поскольку после издания в 1606 г. английского перевода известной работы Ж. Бодена «Шесть книг о Республике», в Англии были склонны отождествлять термин «суверенитет» с системой абсолютного правления, принятой во Франции[348]. И основания к этому были, ибо сам Ж. Боден, в частности, писал: «Суверенитет — это абсолютная и непрерывная власть над государством... По своему выбору народ и знать могут просто и без всяких условий передать суверенную и непрерывную власть тому, кто будет распоряжаться их собственностью и ими, чтобы управлять государством так, как он найдет нужным и соответствующим принципу наследования»[349].

21 мая некто Элфорд говорил, что по Бодену суверенной властью является такая власть, которая свободна от всяких условий. Поэтому в Петиции следует вести речь не только о королевской, но и правовой власти. «Давайте, — призвал он коммонеров, — дадим королю то, что дает ему право, но не более»[350].

Джону Пиму «казалось», что «суверенная власть» отличается от власти, основанной на праве. «Я знаю, как присоединить (сло-

---

[346] Ibid. P. 448, 451, 454, 456, 457, 458.

[347] Ibid. P. 452.

[348] См. об этом подробнее: Кондратьев С. В. Королевская власть в трактовке юристов общего права предреволюционной Англии // Европа: международный альманах. Вып. 2. Тюмень, 2002. С. 100–103.

[349] Commons Debates 1628 / Ed. by R. C. Johnson, M. J. Cole, M. F. Keeler, W. B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. III. P. 494. n. 14.

[350] Ibid. P. 494, 501–502.

во. — *С. К.*) «суверенный» к его (короля. — *С. К.*) персоне, но не знаю, как присоединить к его власти»[351].

Уильям Хаквилл полагал, что нельзя соглашаться с предложенным термином. «Я видел разные петиции, в которых подданные заявляют о своем праве (a right), но я никогда не видел в них такого выражения»[352].

Эд. Кок заявлял, что предложенный лордами термин «суверенная власть» «опрокидывает всю нашу петицию. Он подкапывает все ее разделы. Он затрагивает займы, присягу, тюремное заключение, постои солдат. Все возвращает вспять. Взглянем на петиции прошлых лет. Они никогда не писались ради королевского суверенитета, как будто подданные обязаны заботится о нем. Я знаю, что прерогатива — часть права, но, по моему мнению, «суверенная власть» — не парламентский термин. Он ослабляет Великую Хартию и все прочие статуты, ибо они полны только без какого-либо упоминания о суверенной власти; и если мы сейчас добавим его, мы ослабим основы права, а затем и падет само здание... Приняв его, мы поставим суверенную власть выше всех законов. Власть по праву мы заменим на власть на силе. Шериф получит ее в графстве. Что будет здесь, известно только Господу. Он (термин. — *С. К.*) противен нашей петиции, которая является петицией о праве, опирающейся на акты парламента... Мы не должны ни принимать его, ни включать его — это невозможно. Давайте держаться наших привилегий в соответствии с правом»[353].

Одновременно с дебатами в нижней палате, по-видимому, шли консультации с лордами. Палату общин на этих встречах представлял Эд. Кок, который докладывал, что председательствующий на заседаниях в верхней палате лорд-хранитель Большой королевской печати Томас Ковентри настаивает на включении термина «суверенная власть» в текст петиции. «Суверенная власть», —

---

[351] Ibid. P. 494.
[352] Ibid.
[353] Ibid. P. 494–495, 503, 505, 506–507, 513.

сказал он (Т. Ковентри. — *С. К.*), — более простое выражение, чем «прерогатива», поэтому они (лорды. — *С. К.*) отклоняют «прерогативу» и оставляют «(суверенную. — *С. К.*) власть»[354]. Известно, что и лорды обвиняли общины в грехе, аналогичном тому, в каком общины обвиняли их. Петиция, по мнению лордов, содержит «слова», смысл которых превосходит Великую Хартию и другие статуты[355].

22 мая дебаты были продолжены. Тон им задал Дадли Диггс, который, охарактеризовав «добавление» лордов как попытку «ослабить и нанести ущерб» петиции, призвал заседающих в палате юристов общего права «проявить себя храбрыми, честными людьми в столь важном деле»[356].

Уильям Ной призвал исключить из петиции все «двусмысленные слова», которые «никогда не использовались в таких петициях»[357].

Джон Глэнвилл вначале остановился на термине “to trust” (даровать, передавать), который лорды предлагали включить. По его мнению, петиция полностью согласуется с общим правом и статутами парламента. Королю ничего не даровано или передано, что стоит выше общего права. Король обладает привилегий non obstante («несмотря на»), позволяющей ему иногда приостанавливать предписывающие различные кары и наказания. Но петиция ведет речь о других статутах, которые «согласно общему праву обладают абсолютной силой». «Я никогда не слышал, — говорит он, — о каком-либо даре быть свободным от них или быть выше их». Ему не нравится в добавлении упоминание о безопасности и благе народа. Ему кажется, что с ним появляется возможность пренебрегать законом под предлогом необходимости. Эту фразу можно понимать так, что законы могут оказываться в стороне от обеспечения безопасности и блага народа. «Я думаю, что безопас-

---

[354] Ibid. P. 513, 516, 518, 520, 523.
[355] Ibid. P. 533, 538, 543, 545, 547, 551. См.: речь Генри Вэна.
[356] Ibid. P. 527, 536, 539.
[357] Ibid. P. 527, 539, 549.

ность и благо народа состоит в сохранении и исполнении законов. Нет безопасности в том, чтобы ради безопасности королевства признавать власть, которая встала над правом»[358].

Роберт Мейсон в своей пространной речи остановился вначале на слове “entire” (полный). На его взгляд, полной властью обладает только завоеватель. «Завоеватель не связан законами, но имеет власть давать законы. Его воля есть закон». Такая власть приобретается силой меча, и в Англии ею обладал Вильгельм Завоеватель. «Но Великая Хартия и другие статуты, упомянутые в нашей петиции, действительно существенно ограничили эту суверенную власть». Если же в петиции после перечисления статутов, полагает он, оставить термин «the sovereign power entire», то тем самым статуты лишатся своей «силы» и будет восстановлена «суверенная власть завоевателя»[359].

Далее он также касается термина “to trust” (даровать, передавать). Он согласен с тем, что термин этот мало понятен. И может означать как власть, дарованную непосредственно Богом завоевателю, либо власть, переданную народом избранному королю, который управляет по закону. Он отказывается рассуждать на эту опасную тему дальше, подчеркивая, что неясность термина оставляет королю возможность собирать, разумеется, под предлогом защиты, безопасности и блага народа, пожертвования, займы и другие поборы без согласия подданных, выраженного в акте парламента. По его мнению, лучше оставить в тексте простые и ясные формулировки[360]. Ибо если сохранятся добавления лордов, то при следующем займе уже никто не сможет рассуждать о его законности[361].

Петиция о праве — не тот документ, в котором следует говорить о «суверенной власти». «Нашей петицией мы желаем вернуть себе особые вольности и, следовательно, нам неуместно упо-

---

[358] Ibid. P. 527, 536, 539–540, 549.
[359] Ibid. P. 528.
[360] Ibid. P. 529.
[361] Ibid. P. 536, 540, 544, 549–550.

минать в ней в самом общем виде «суверенную власть». Роберт Мейсон советует лордам различать слова, в частности «просто власть», под которой можно понимать власть, ограниченную законами, и «суверенную власть, которая означает власть высшую и неограниченную»[362].

Один из четырех заседавших в палате общин Браунов сказал, что, сочиняя петицию, они помышляли о правах и вольностях подданных, что ее форма не предполагает упоминания об объемах королевской власти, поэтому предлагаемый лордами абзац нужно отвергнуть. Термин «суверенная власть» напоминает ему логическое понятие с не вполне ясным смыслом. «Суверенная власть переступает границы законов, она вне всяких законов. Законы есть наши понятия. Мы можем принять абсолютную власть (absoluta potestas) если она легально связана законами, но если она будет такой, какой она представлена в этом добавлении, с которым мы не знаем, что делать, и если ее можно будет толковать широко, то мы не можем принять ее. Мы все сознаем, что король есть наш суверен, и что его власть — на благо нам, без нее мы не сможем жить доброй жизнью. Мы все зависим от нее, но как было сказано здесь, для блага народа для нее установлены границы. Это показано хорошим образом. Но разве последний заем был благом для государства?[363] Кто будет судить так это или нет?»[364].

Самым решительным образом восстал против предложенного добавления Уильям Хаквилл, сказавший, что оно ослабит «наши свободы», и сравнивший затем его принятие с самоубийством[365].

Пространный монолог произнес Генри Матен. По его мнению, критиковать логику лордов можно посредством либо рациональных, либо правовых аргументов. Последнее он оставляет

---

[362] Ibid. P. 530.

[363] Здесь игра слов. Фразу можно перевести и как: «Разве последний заем был благом для общего блага?» (“Was not the late loans for the good of the commonwealth?”).

[364] Ibid. P. 531–532, 536–537, 541, 545, 546.

[365] Ibid. P. 532, 537, 541–542, 545, 547–548, 551.

юристам. «Добавление» лордов он сравнивает с исключением, а «исключение — это то, что стоит вне правила» (exceptio est de regula), и то, что разрушает правило (exceptio de regula, et exceptio destruit regulam in casibus exceptis). И такое исключение не может быть принято, если члены палаты «хотят, чтобы народ не принуждали давать взаймы». Попытка соединить в одном тексте защиту прав подданных, максиму, что «король может требовать деньги не иначе, как через парламент», и суверенную власть напоминает ему художника, описанного Горацием, который голову человека соединил с шеей лошади. Лорды же, подчеркивает он, идут дальше они соединяют человеческую голову с шеей льва, тем самым «все разрушая». Главная опасность таится в том, что «суверенная власть», как трансцендентная и высшая, не знает правового регулирования. Она может быть и полезной, и разрушительной для народа. Ее включение в текст петиции, подозревает Г. Матен, «закроет» рты. Может возникнуть положение, где все будет решать не право, а сила, напоминающее ему басню Эзопа о льве, лисе и осле, которые решили охотиться вместе. В изложении парламентария басня выглядит так. Убитую добычу осел поделил на три части и сказал льву: «Выбирай. Это твоя прерогатива». Лев пришел в ярость и со словами: «Это моя прерогатива!» — разорвал и съел осла. Затем лев предложил делить добычу лису. Лис взял себе маленький кусочек шкуры, а все остальное отдал льву. На что лев, вновь воскликнув: «Это моя прерогатива!», — спросил, кто научил его так поступать? Лис ответил: «Несчастный осел»[366].

Натаниел Рич полностью согласился с соседями по палате. «В настоящее время, — сказал он, — у нас больше всего причин требовать всемерного укрепления наших свобод, поскольку насилия, которым они подверглись недавно, превзошли совершаемые когда-либо. Сейчас у нас только одно желание, чтобы подобное не повторилось еще раз, но если мы добавим это пункт, он разрушит

[366] Ibid. P. 532, 537, 542, 545, 546, 548, 551.

все. Человеческие сердца сейчас наполнены страхом, они ожидают от нас повсеместного подтверждения своих вольностей». Ссылаясь на прецедент из времени правления Эдуарда I, он говорит, что короли всегда карали своих помощников и за меньшие ущемления Великой Хартии и свобод подданных. Палата общин умерена в своих требованиях, хотя вправе требовать того же[367].

Часть коммонеров опасалась того, что принципиальная и строптивая позиция палаты может привести к роспуску парламента. Поэтому они были осторожны в высказываниях. Например, канцлер суда Ланкастерского герцогства Хамфри Мэй сетовал на продолжительность обсуждений, говоря, что в спорах утрачивается истина, дебаты нагоняют сон, а приготовляемое «лекарство может оказаться хуже самой болезни». Он счел нужным призвать собравшихся обратиться к лордам, дабы выработать общий текст[368].

Уильям Кортон подчеркивал, что палата не покушается на королевскую власть. «Бог знает нашу цель». Что лично он «желает, чтобы власть короля была такой же большой, какую имел самый великий король». Но коммонеры имеют «доброе основание» отвергнуть «добавление». Ибо «подданные страдали от того, что происходило». «Если власть и закон входят в противоречия друг с другом, как можем мы повиноваться Его Величеству?» — вопрошал он. Он возлагал вину за происходившее на тех лордов, которые одновременно входили в число членов Тайного совета. «Лорды, некоторые из них, являются авторами этих займов». Он подозревает их в замысле добиться у короля решения о роспуске парламента. Общины не хотят большего, чем заявить королю о законе и добиться справедливости и свободы[369].

Выступающий следом попросил впредь «не говорить язвительно о Совете. Никто не делает больше для государства, чем его

---

[367] Ibid. P. 532–533, 537, 542–543, 545, 546–547, 548.
[368] Ibid. P. 533, 537, 542, 548.
[369] Ibid. P. 533.

члены. Язвительность может породить то, — сказал он, — о чем я боюсь даже думать»[370].

Эдвард Литтлетон, отвечая на обвинение лордов в том, что петиционеры сами не всегда придерживались лексики Великой Хартии и статутов, сказал, что констатирующая часть петиции полностью «воспроизводит слова статутов». Можно придраться к той части, которая касается фактов «насилия» над вольностями. Но, по его мнению, легко доказать, что они полностью соответствуют смыслу права. В петиции, например, речь идет о «прерогативе», тогда как в добавлении — о «суверенной власти»[371].

Пространную аргументацию против доводов лордов, с экскурсами в историю, дал Джон Селден. По его мнению, «добавление» лордов можно понимать и так, что права подданных не могут ущемляться займами, беспричинными заключениями в тюрьму, законами военного времени, пока ситуация не затрагивает «суверенной власти». Он решительно заявляет, что «никто не сможет ему показать петицию о праве, содержащую такое добавление». По Великой Хартии короля Иоанна, напоминает юрист, король вправе был требовать три традиционных вида денежной помощи: когда женил дочь, посвящал в рыцари сына и когда нуждался в выкупе из плена.

Касаясь текста статута 1300 г., он утверждает, что действительно общины тогда представили билль (или петицию), который содержал статьи, характеризующие принадлежащие им вольности. Суммированные, они к концу деятельности парламента стали законом. Но то место, на которое ссылаются лорды, Дж. Селден считает более поздним добавлением, вставленным в текст статута уже после роспуска парламента. Доказательством ему служит отсутствие парламентского свитка за 1300 г. А запечатлевшие то событие хроники содержат красноречивый пассаж: «Король утвердил

---

[370] Ibid. P. 533, 538, 543. Издатели подчеркивают, что настоящее высказывание по разным источникам можно отнести либо Джону Глэнвиллу, либо Хамфри Мэю. Ibid. P. 533, 29 n.

[371] Ibid. P. 533, 538, 543, 545, 547, 548, 551.

статьи, которые они ему представили, но так, чтобы в конце добавить, «спасая право королевской короны», т. е. просто Эдуард I оставил лакуну в тексте, которую потом заполнил. Бароны обратили тогда внимание на этот подлог и в следующем парламенте потребовали аннулировать «добавление», что и было сделано[372].

Томас Уэнтворт призвал палату прекратить прения, не тратить время, поскольку вопрос ясен. «Я думаю, — говорил он, — мы все сходимся на том, что мы не можем принять это добавление. Если мы это сделаем, мы оставим дело в худшем состоянии, чем мы нашли его. А когда мы вернемся домой нам будут мало благодарны за нашу деятельность». Следует, предложил Т. Уэнтворт, поручить подкомитету суммировать в документе все высказанные доводы и представить его лордам[373]. Это предложение краткими репликами поддержали Джон Элиот, Роберт Филипс и Эдвард Кок[374]. Против высказался Уолтер Лонг[375].

На следующий день систематизированные «рациональные и правовые» аргументы общин изложил лордам на совместной конференции Джон Глэнвилл. Они воспроизводили все вышеперечисленное и сводились к невозможности принять добавление лордов, не подвергая опасности Великую Хартию, статуты и право королевства[376].

Несколько дней прошло в интенсивных консультациях, в ходе которых лорды отказались от своего «добавления». Они оставили только два терминологических изменения: слово «предлог» (pretext) заменили на слово «средства» (means) и прилагательное «незаконный» (unlawful) заменили фразой «не утвержденное в законах и статутах королевства» (not warrantable by the laws and statutes of the realm)[377].

---

[372] Ibid. P. 532–534, 538, 543–544, 546, 547, 548–549, 552.
[373] Ibid. P. 535, 538–539, 544, 546, 547, 549, 552.
[374] Ibid. P. 535, 544, 547, 552.
[375] Ibid. P. 544, 547.
[376] Ibid. P. 560–571.
[377] Ibid. P. 612, 614.

28 мая 1628 г. обе палаты были собраны в Уайтхолле, где они торжественно передали петицию королю[378]. Несколько дней судьи и юристы короны искали приемлемую форму ответа на петицию, которая бы не накладывала на короля никаких обязательств. 2 июня король прислал свой ответ в палату. Его текст гласил: «Король желает, чтобы право (right) осуществлялось в соответствии с законами и обычаями королевства. Чтобы статуты исполнялись должным образом, чтобы подданные не могли иметь повода жаловаться на несправедливость и притеснение, которые ущемляют их права и вольности»[379]. Данный ответ фактически не накладывал на королевскую власть никаких обязательств, ибо был дан с формулой «король желает». Эта формула в парламентской практике означала согласие короля на то, чтобы один из публичных биллей был рассмотрен в парламенте. Петиции о праве, чтобы обрести силу закона, по традиции требовали другой формулы: «пусть право будет таким, каким его желают» (Soit droit fait comme est desire)[380].

Ответ короля привел палату общин в возбуждение. 5 июня она опять начала обсуждать бедственное положение королевства и его причины. Многие коммонеры прямо назвали ее: это — фаворит короля герцог Бекингэм. Особенно красноречив был Эд. Кок, призвавший возобновить процесс импичмента. «Герцог Бекингэм — есть причина всех наших несчастий. И пока король не узнает об этом, мы не вернем себе честь и не будем здесь заседать с почетом. Этот человек несчастье всех несчастий», — воскликнул он. После чего, как гласит источник, «они (коммонеры. — *С. К.*) стали кричать: «Это — он! Это — он!»[381] Палата, видимо, была готова не

---

[378] Ibid. Vol. IV. P. 11–12.

[379] Ibid. P. 52–53, 55.

[380] См. об этом: Foster E. R. Petitions and the Petition of Right // Journal of British Studies, 1974. Vol. 14, № 1. P. 21–45; Locker R. The Early Stuarts. A Political history of England, 1603–1642. London, 1989. P. 343–344.

[381] Commons Debates 1628 / Ed. by R. C. Johnson, M. J. Cole, M. F. Keeler, W. B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. IV. P. 115, 115 n. 13, 119, 124, 129, 132.

только возобновить процедуру импичмента против фаворита, но и отложить предоставление субсидий. Поэтому 7 июня король лично выступил перед обеими палатами и подтвердил петицию традиционной формулой: «Пусть право будет таким, каким его желают видеть в петиции»[382].

В «Петиции о праве» были перечислены «обиды» общин и все нарушения законодательства, о которых парламентарии и юристы говорили в ходе обсуждения. В частности, упоминались нарушения Великой Хартии Вольностей, статута 1295 г., принятого при Эдуарде I, статутов Эдуарда III 1352 и 1355 гг. Затем высказывалась просьба не принуждать никого впредь «давать или уплачивать какие-либо дары, займы, беневоленсы, налоги и подобные сборы без общего согласия, выраженного актом парламента... не подвергать аресту и другим преследованиям и притеснениям в связи с этими сборами или отказом платить их... удалить названных солдат и матросов и... в будущем не обременять народ их постоями», аннулировать предоставленные должностным лицам и не предоставлять впредь полномочия использовать законы военного времени, дабы не доводить тем самым подданных «до гибели и смерти вопреки законам и вольностям страны»[383].

В конце мая — первой половине июня 1628 г. парламентарии несколько раз обсуждали проповеди Роджера Мэнверинга и их публикацию. Общины провели решение об импичменте королевского капеллана и обратились к лордам с декларацией о поддержке. Любопытно, что в этой декларации общины использовали термин «суверенитет» без каких-либо колебаний. Они подчеркивали, что их требование исходит «из почтения к нашему суверенному господину королю» и сделано ради «обеспечения безопасности его короны и звания» (to the honor of our sovereign lord the King, and to the preservation of his crown and dignity)[384]. Что, на наш взгляд,

---

[382] Ibid. P. 182.

[383] The Constitutional Documents of the Puritan Revolution, 1625–1660 / Ed. by S. R. Gardiner. Oxford, 1951. P. 69.

[384] Commons Debates 1628 / Ed. by R. C. Johnson, M. J. Cole, M. F. Keeler, W. B. Bidwell. New Haven, 1977. Vol. IV. P. 102.

говорит о том, что термин «суверенитет» широко использовался в повседневной, политической и идейной практике, но лидеры нижней палаты и юристы общего права стремились не допустить его «вшивания» в правовую ткань.

Р. Мэнверинга вызывали в парламент, где ему пришлось отвечать за «преступление», со «слезами и раскаянием». Но несмотря на раскаяние священника, лорды приговорили его к тюремному заключению, к штрафу в 1000 фунтов в пользу короля, ему запретили исполнять обязанности священника и проповедовать в течение трех лет, книгу с текстом его проповедей признали достойной сожжения. Они призвали короля издать специальную прокламацию о сожжении книги в Лондоне и в «обоих университетах», а также о наложении штрафа на опубликовавшего ее книгоиздателя[385].

Отметим, что уже в июле 1628 г. король официально простил своего капеллана и компенсировал ему потерю прихода в Лондоне приходом в Эссексе[386]. Получив субсидию и распустив примерно через год парламент, король и правительство приняли решение наказать тюремным заключением девятерых наиболее строптивых критиков короны. Среди них оказались Джон Элиот и Джон Селден[387].

Итак, в предреволюционной Англии существовали вполне определенные представления о содержании и объемах прав подданных. Материалы судебного разбирательства и парламентские прения подводят именно к такому заключению. Юристы и члены нижней палаты полагали, что общее право Англии призвано охранять вольности и права жителей острова от любых посягательств, в том числе и со стороны короля. В данном судебном деле и последующей за тем парламентской дискуссии они неоднократно

---

[385] Ibid. P. 309–310.

[386] Ibid. 23 n.

[387] Reeve J. The Arguments in King's Bench in 1629 concerning the Imprisonment of John Selden and other Members of the House of Commons // Journal of British Studies. 1986. Vol. 25, № 3. P. 264–287.

заявляли, что королевская власть выходит за рамки очерченных правом прерогатив. Они готовы были противодействовать таким устремлениям правовыми средствами. Кроме того, они использовали подчеркнуто традиционную правовую лексику, пресекая любые попытки модернизировать привычный им политический и правовой дискурс. Заметим, что в позднеелизаветинскую и раннестюартовскую эпоху дело пяти рыцарей отнюдь не было единственным в своем роде. Отчеты судей полны описаний не менее показательных, хотя и, быть может, менее шумных казусов[388]. Сами споры и поведение королевской власти показывают, что ее теоретические и доктринальные притязания на абсолютную власть были далеки от реализации. Ей по-прежнему приходилось согласовывать свои замыслы с элитными группировками страны и, видимо, корректировать их.

[388] См. статьи в Parliament and Liberty from the Reign of Elizabeth to the English Civil War / Ed. by J. H. Hexter. Stanford, 1992; а также: Кондратьев С. В. Свобода подданных и королевская прерогатива в судебной практике и доктрине предреволюционной Англии // Правоведение. 1996. № 4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы закончили разбирать пять казусов, в которых затрагивалась проблема границ королевской власти, связанных с попыткам расширительно трактовать королевскую прерогативу и оправдать взимание налогов без согласия парламента и даже приписать королю право самолично распоряжаться собственностью подданных. Резонансно говорил Яков I, писал Дж. Коуэлл, проповедовали Сибторп и Мэнверинг[389]. Последовавшая публичная реакция, как и совокупный материал наших пяти case-studies, позволяют сделать некоторые заключения о базисных правовых и ценностных ориентирах английской элиты в предреволюционное время. По-видимому, и Стюарты, и юристы римского права, и арминианские проповедники, и их оппоненты из числа депутатов, пуритан и юристов общего права сходились на том, что по источнику происхождения королевская власть сакральна, бессмертна, передается по наследству, совершенна и (в последнем значении) абсолютна. Она установлена Богом для поддержания в

[389] См., например, проповедь еще одного королевского капеллана Исаака Барграйва, заявлявшего одновременно с Сибторпом и Мэнверингом, что послушание» для подданного есть благо, а непослушание, в частности отказ предоставить принудительный заем, есть «ведовство», язычество» и «идолопоклонство». Bargrave I. A Sermon preached before King Charles, March 27. 1627. Being the Anniuersary of his Maiesties Inauguration. London, 1627.

должном порядке, равновесии и гармонии «политического тела». Речевая конструкция «политическое тело» включала в себя всех королевских подданных, самого короля и государственные институты, т. е. все то, что сегодня обозначается терминами «общество» и «государство» и в современном сознании существует дифференцированно. Все соглашались с тем, что королевская власть поддерживает порядок с помощью права, признает его регулятивные нормы и правила. Само право считалось сакральным, универсальным, неизменным инструментом, доставшимся от предков и проверенным опытом поколений. Оно охраняет прерогативу короля и вольности подданных. Дальше, как кажется, общий дискурс достигал некой развилки, поскольку одни полагали, что в исключительных случаях и во имя общих интересов монарх может пренебрегать устоявшимися правилами взаимоотношений, тогда как другие расценивали подобные аргументы как посягательство на свою собственность и личную свободу.

В глазах англичан, на вершине социальной и политической пирамиды находился монарх. Ранние Стюарты воспринимали власть как божий дар, позволяющий им вести подданных по заведомо верному пути. Об этом Яков I говорил депутатам палаты общин в 1610 г. Монархи ни с кем не хотели делить свой суверенитет и решительно пресекали попытки порассуждать о его границах. Божественное происхождение королевской власти никем не оспаривалось. Теоретически это положение давало королю Англии, Шотландии и Ирландии полное право распоряжаться жизнью и имуществом подданных по своему усмотрению. В теории он мог обкладывать подданных налогами, прощать преступников, единолично решать вопросы войны и мира, регулировать торговлю, закрывать и открывать порты, натурализовывать иностранцев, узаконивать бастардов, давать различные хартии, привилегии и титулы, назначать епископов, судей, должностных лиц. Его суверенное слово становилось законом, принимая по согласию с парламентом форму статута, или по согласию с Тайным советом — форму прокламации. Характеризуя власть, Стюарты и некоторые идеологи часто использовали две метафоры. Они ассоциировали короля с главой семьи, патриархом, обязанным заботиться о домочадцах и одновременно определяющим их жизнь и судьбу, и с головой естественного

тела, которая посылает повеления остальным членам. От подданных монархия ожидала, прежде всего, «послушания» (obedience). Особенно тогда, когда нуждалась в деньгах. Если сам Яков I, за свои трактаты, стихи и писания получивший прозвище Британского Соломона, и другие политические писатели постоянно цитировали Библию, античных авторов и авторитетных юристов, то население в повседневной жизни воспринимало эти положения как простые истины, натыкаясь регулярно на лики монархов, отчеканенные на монетах, слушая по выходным и праздникам в церквях обязательное «Боже, храни Короля», или читая на патентах приписку «милостью Божьей».

Тема божественного происхождения власти в сочетании с имперской идеей и темой повиновения получила прекрасное визуальное воплощение в 1635 г., в потолочных панелях Рубинса, в построенном по проекту Иниго Джонса Банкетном зала Уайт-холла. Главным героем панелей являлся Яков I, восстановивший имперскую Великобританию. На одной панели он, как отец согласия, мира и изобилия, изображен рядом с Минервой, античной богиней мудрости. На другой — в виде Соломона, которому преподносятся соединенные вместе короны Англии и Шотландии. На центральной панели короля, оставившего после себя на земле мир, возносят на небо, т. е. Богу, фигуры Религии и Веры[390].

Странным образом представления о безграничности королевской власти в головах подданных и самих монархов уживались с практическими, реально существующими и, что еще удивительней, декларируемыми ограничениями. Во время коронации государь приносил присягу «исполнять законы и обычаи» страны и подтверждал все ранее дарованные привилегии. Этим он возлагал на себя обязательства не пренебрегать действующими законами, не обкладывать подданных налогами без их согласия в парламенте и не заключать в тюрьму без основательной причины. Английские юристы и в особенности такой авторитет, как главный судья Англии Эдвард Кок, шли еще дальше, утверждая, что полномочия королевской власти определяются общим правом, которое не может меняться по королевскому произволу.

---

[390] Sharpe K. Images Wars. Promouting Kings and Commonwealth in England 1603–1660. New Haven, 2010. P. 86–88.

Отмеченные особенности и ограничения просвещенные англичане склонны были подчеркивать, проводя различия между собственным управлением и континентальным, которое казалось им деспотическим. Они свято верили в культивированный ими самими миф о том, что доставшийся от предков порядок совершенен и вечен. Вольности подданных являются таким же ценным наследием народа, каким для монархии являются ее прерогативы. Шаги направленные, на изменение исторического баланса вольностей и прерогатив, неизбежно подорвут древнее «конституционное» устройство и вызовут различные потрясения. Так дискурс вольностей, прав и свобод (liberties) противопоставлялся дискурсу «послушания» (obedience).

Иначе говоря, кроме небольшого числа королевских приближенных и англиканских прелатов, почти все были согласны с тем, что колесо суверенного правления должно было катиться по видимой подданным традиционной колее. Любая попытка расширить ее воспринималась как посягательство на доставшиеся от предков вольности и привилегии.

Отметим, что в предреволюционной Англии существовало идейное наследие, к которому будущие роялисты и революционеры могли обращаться для обоснования своих позиций.

Еще один важный момент должен быть обозначен в заключение. У Стюартов было слишком мало практических возможностей для реализации столь милых им деклараций, тогда как элиты обладали значительными возможностями по нейтрализации инициатив короля и правительства. Попытки расширить прерогативу оказывались не слишком успешными, а необходимость обращаться за деньгами к парламенту и подданным приводила, в конечном счете, к восстановлению консенсуса и консонансуса. Наши case-studies позволяют говорить о том, что английская система обладала значительной способностью к саморегулированию. Но почему эта система перестала работать при Карле I? Ответ на этот вопрос лежит за пределами этой книги. Может быть, правы были те, кто еще со времен революции просто возлагал вину на упрямство Карла I? А может быть, проблема заключалась в наличии трех королевств, которое исключало универсальность правил управления, но именно на этой универсальности настаивал Карл I?

Научное издание

КОНДРАТЬЕВ Сергей Витальевич

«ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ, ВСЕ МОГУТ КОРОЛИ?..»
(Королевская власть и свобода подданных в парламентских дебатах и судебных тяжбах предреволюционной Англии)

Монография

В оформлении обложки использованы работы:

Ренольд Эльстрак. Король Великобритании Карл I.
Гравюра. 1625 г.

Титульная страница книги «Петиция о праве свободных держателей и вольных людей королевства Англии».
Издание Уильяма Принна. 1648 г.

Редактор Н. В. Рождественская
Компьютерная верстка, обложка Е. Г. Шмакова
Печать цифровая А. В. Башкиров
Печать офсетная В. В. Торопов, С. Г. Наумов

9 785400 014093

Подписано в печать 27.12.2017. Тираж 500 экз.
Объем 11,4 усл. печ. л. Формат 60×84/16. Заказ 926.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс: (3452) 59-74-68, 59-74-81
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru